

Чарльз Хьюмана
Ван Ву

Charles Humana
Wang Wu

Инь-Ян
Китайское искусство любви

The Ying-Yang
The Chinese Way of Love

МОСКВА
«Крон-пресс»
2000

ВВЕДЕНИЕ

В отличие от многих ставших классическими эротических романов, сей труд не сопровождается обращенной к читателям моральной проповедью и провозглашением высоких принципов, обычно предшествующих изысканному изображению сексуальных приключений и всего того, что им сопутствует. Такой конфуцианский подход, заключающийся в том, чтобы иметь надежное нравственное обоснование всякого поступка, был менее типичен для тех китайцев, которые исповедовали противостоящую конфуцианству, но все же схожую с ним даосскую веру. Если считать религию продуктом скорее души, нежели разума, то игривое и свободное от ощущения греховности сексуальное поведение китайцев выявляет в них инстинктивную приверженность даосизму. Представление об их холодности и непроницаемости, напоминающее образ англичанина с «надменной верхней губой», опровергается, как только появляется определенная близость. И потому одна из целей настоящей работы состоит в том, чтобы вызвать у читателя ощущение близкого знакомства с китайцами.

В названии книги присутствуют древние даосские термины, дополняющие Друг друга противоположности. Инь (женщина) и Ян (мужчина) равным образом могли означать землю и небо, тьму и свет, слабость и силу и прочие пары такого рода. Согласно учению о «Дао», или «Пути», совершенное равновесие этих противоположностей представляло собой идеал Гармонии, мужчина и женщина рассматривались как основополагающие компоненты Великого Космоса. "Небо - первое, Земля - второе, человек - третье..." - утверждали даосы. Когда Инь и Ян вступали в половой союз, достижение Высшего Предела (оргазма) влекло за собой как бы кратковременную вспышку, посредством которой человек ощущал себя в первозданном единстве с Вселенной. Поскольку секс считался наиболее возвышенным и наиболее приятным видом человеческой деятельности, он вряд ли мог вызвать у того, кто им занимался, чувства вины и стыда столь знакомые другим обществам и народам.

На словах в Китае хранили определенное уважение к конфуцианскому учению о Золотой Середине и соблюдении умеренности во всем, но, как явствует из последующих глав, любовью и «постельным искусством» занимались с необузданной страстью, неизменно с радостью и хорошим настроением.

Где грань между фактом и вымыслом в китайских эротических романах, исторических пособиях по искусству любви и социологических сторонах сексуальной жизни? Ответить на этот вопрос будет трудно по ряду причин. Происхождение некоторых из древнейших сексуальных пособий непонятно. Быть может, они впервые возникли как фольклорный жанр, а затем подверглись образной переработке буддийскими и даосскими монахами. С другой стороны, роман — явно плод фантазии, — считаясь искусством низшего сорта, не подвергался столь строгой цензуре, как книги, претендовавшие на более высокий статус. Потому в романе могли с большей свободой излагаться «запретные» темы. Это следует иметь в виду, читая данную книгу. Экстравагантные сцены из некоторых романов, без сомнения, основаны на непосредственных и проницательных наблюдениях над домашней сексуальной жизнью в соответствующую эпоху.

В рассказе о половой жизни китайцев авторы данной книги следуют принципу привлечения в первую очередь научных и исторических источников с последующей попыткой проиллюстрировать материал сюжетами из романов и прочими «реалистическими» описаниями. «Инь—Ян. Китайское искусство любви» может

таким образом рассматриваться как сочетание неприкрашенного конфуцианского преподнесения фактов с полетами цветистой фантазии даосов. Это обстоятельство сказалось на переводе многих фрагментов, воспроизведенных в книге. Там, где было необходимо, мы придерживались оригинала, в других же местах, где казалось желательным дать вольный перевод, к которому обычно прибегают, когда имеют дело с языком идеограмм, мы считали более важным представить свою интерпретацию, нежели следить за точностью терминологии. Аналогичное стремление соблюсти дух, но не букву двигало нами при обращении со старинными западными источниками.

В первом разделе книги «Инь—Ян. Китайское искусство любви» на историческом фоне приводится общий обзор предмета исследования. Основной же частью является второй раздел, где помимо подробного анализа сексуальной деятельности и обычаев китайцев воспроизведено многое из того, что содержится в традиционных «подушечных книгах» об искусстве любви. Знакомясь с сексуальными позициями любви по-китайски или с раблезианским фрагментом романа эпохи Сун или Мин, вы получаете точное представление об этом пласте богатейшей китайской культуры, скрывавшемся от любопытствующих грубых варваров и «заморских чертей».

Менее двухсот лет прошло с тех пор, как император Цяньлун приветствовал лорда Маккартнея, посланника Его Милосерднейшего Величества Короля Английского Георга III, следующими словами.

Из указа 1793 года:

«Отмечено, что хоть страна ваша и лежит за океанами, вы смиренно желаете ознакомиться с цивилизованным миром, и что ваш посланник прибыл ко двору, чтобы воздать почести повелителю Поднебесного и поздравите его с днем рождения. Такая покорность и почтительное послушание вызывают наше одобрение.

В качестве ответа ваш посланник передаст вам наше пожелание. Мы хотим, чтобы ваша страна и впредь являла верность Поднебесной империи и поклялась ей в вечной покорности».

Гордость императора Поднебесной за свою цивилизацию имела некоторые основания. С тем же гордым чувством собственного превосходства китайцы взирали на историю сексуальных отношений и обычаев.

Мост в бамбуковую рощу

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИНЬ, ЯН И ЖИЗНЕННАЯ СУЩНОСТЬ

Ярчайшим свидетельством преемственности китайских сексуальных верований и обычаев может служить единодушие, с которым философы, мудрецы и ученые трактовали эти проблемы в своих сочинениях в течение почти пяти тысяч лет. Доказать этот тезис нам помогут трое из них: Ли Юй, писатель и драматург XVII века, Благороднейший Дун Сюань-цзы, светило медицины VII века и Желтый император, или Хуанди (2697-2598 гг. до н.э.), считающийся первопрередком китайской цивилизации и автором «Нэй цзин су вэнь», древнейшего из дошедших до нас трактатов о сексе. Все они разделяли взгляды, которые были признаны также противоборствующими философиями конфуцианцев и даосов: убежденность в том, что половой акт возвышает людей над их обыденным существованием, а в момент гармонии (оргазма) мужчина и женщина даже обретают единство с самим Космосом. Чтобы испытывать это счастливое состояние как можно чаще, человеку следует как можно больше узнать об искусстве любви.

Может показаться, что в этих самоочевидных истинах нет ничего особенного, но китайцы сделали решительный шаг к тому, чтобы превратить их в часть своего образа жизни, подобно тому, как другие общества передавали из поколения в поколение религию или систему культов. О значимости подобного шага и широком согласии с ним можно судить по тому факту, что пособия по сексу и соответствующие сочинения считались заслуживающими упоминания в официальных династийных историях. В этот перечень входили лишь наиболее выдающиеся труды, в том числе такие, как «Тан Пань Гэн — инь дао» («Сексуальные советы царей Тана и Пань Гэна»), «Яо Шунь инь дао» («Книги для брачных покоев императоров Яо и Шуня»), «Сюань нью цзин» («Советы Темной девы»), «Цянь цзинь фан» («Рецепты ценой в тысячу золотых»). Хотя в Китае было много культов и религий, сексуальные теории и обычаи признавались столь же существенными частями культурного наследия, как календарь, иероглифы и система имен.

На всем протяжении своей длительной истории китайцы испытывали воздействие двух соперничающих учений — конфуцианства и даосизма. Но природная гибкость, присущая китайскому народу и обществу, значительно облегчала примирение противоборствующих учений и их восприятие. Практическая философия Конфуция служила действенным средством управления страной, социальной организации и упрочения патриархального семейного строя. Даосизм же выражал глубинную языческую чувственность китайцев и протест против действительности, благожелательного цинизма по отношению к утверждению, будто человек — хозяин земли и способен приспособить природу к своим замыслам. Независимо от преобладания в тот или иной период конфуцианской морали либо даосской беззаботности, их подход к сексуальной жизни различался лишь по степени важности, которая ей придавалась. Является ли она наиболее существенной частью человеческого бытия или есть более значимые проявления духа и разума? Противоречие было разрешено с характерной для китайцев простотой и мудростью: умом можно верить в одно, сердцем — в другое.

Сочинения трех великих деятелей, упомянутых выше, разделяют четыре с половиной тысячи лет, а Желтый император жил за две тысячи лет до Конфуция и даосизма. Тем более обращает на себя внимание замечательное постоянство в

подходах к половым отношениям. Об этом можно судить по их восприятию древних представлений об Инь и Ян, гармонии и космических свойствах жизненной сущности. Они соглашались и в том, что при соблюдении определенной умеренности вступать в подобные отношения необходимо. Но эта самая добродетельная умеренность была делом сугубо индивидуальным и зависела от числа жен и наложниц. Даже убежденный конфуцианец обязан был питать сущность Инь всех своих женщин.

Предок китайской цивилизации Желтый император, или Хуанди, считается таким образом первым древнейшим летописцем, а возможно, и основоположником традиционных сексуальных обычаев и верований. Его «Нэй цзин су вэнь», вырезанный на бамбуке и панцирях черепах, — древнейший из сохранившихся трактатов на эту тему, является составной частью обширного труда по медицине и философии.

Свою поглощенность сексом Желтый император выразил следующим образом: «Чтобы постичь верхнее, нужно хорошенько изучить нижнее». Его трактат выдержан в форме вопросов и ответов, император спрашивает мудрого совета у своего всеведущего первого министра. Из приведенных цитат явствует, как идет изучение этой проблемы.

Желтый император: Сегодня люди стали увядать к пятидесяти годам, в то время как ранее они жили в два раза дольше и сохраняли жизненную силу до самой смерти. Быть может, мы, сами того не зная, нарушаем законы природы?

Первый министр: Ранее люди соотносили свою жизнь с началами Инь и Ян и достигали гармонии, памятуя, что они — две половины великого целого. Инь была теневой стороной холма, Ян — солнечной, и в наслаждении своей целостностью они не испытывали ни беспокойства, ни неудовлетворенности. Сегодня же люди стали опьянять себя вином, пресыщаться пищей, неохотно трудиться, зато постоянно готовы сыграть «в тучку и дождик». Но все это лишь усиливает их неудовлетворенность, ибо чем больше аппетит, тем труднее насытиться. Отступление от законов природы привело к тому, что нарушены принципы возвышения и ухода от дел, а тела людей стали изнуряться за полстолетия.

Желтый император: Ты хорошо изложил суть дела. Теперь давай сообразим, как надлежит поступать, постигая физическую природу Инь и Ян мужчины и женщины. Как бы ты охарактеризовал основные периоды человеческой жизни?

Первый министр: Начнем с женщины. Когда ей исполняется семь лет, у нее сменяются зубы, начинают отрастать волосы, увлажняется влагалище. Когда ей становится дважды по семь лет, у нее начинаются месячные, и она уже может забеременеть. Если во время сношения пульс ее Великого Канала¹ остается сильным, то ее дети родятся здоровыми. В три раза по семь лет тело женщины созревает, ее члены исполнены силы, волосы отрастают до полной длины, появляются последние зубы. В четыре раза по семь лет мускулы и кости женщины крепки, она с легкостью рождает, ее Солнечная Долина набрала полную силу. В пять раз по семь лет пульс ее Великого Канала ослабевает, на лице появляются морщины, волосы начинают терять блеск. В шесть раз по семь лет пульсы трех областей (речь идет о груди, желудке и влагалище) ухудшаются, морщины покрывают ее лицо, в волосах появляется седина. В семь раз по семь лет у женщины прекращаются месячные, сосуд (чжун) больше не пульсирует и Ян не ждуг в Нефритовых Вратах.

Желтый император. Теперь перейдем к мужчине.

Первый министр: В восемь лет у мальчиков заменяются зубы, начинают гуще расти волосы, из яичек появляется первая жидкая жемчужина. Когда юноше исполняется два раза по восемь лет, то проявления начала Ян становятся обильны, это означает достижение возраста мужчины. Стремясь к обретению мира и гармонии, юноша готов уже соединиться с Инь. В три раза по восемь лет мускулы и кости мужчины тверды и крепки, выделения яичек обильны и часты, у него появляются последние зубы. В четыре раза по восемь лет развитие начала Ян в мужчине достигает высшей точки, плоть его крепка, его постоянно снedaет огонь желаний, В пять раз по восемь лет яички его начинают выделять меньше семени, волосы начинают выпадать, зубы — гнить. В шесть раз по восемь лет начало Ян очень ослабевает, на лице появляются морщины, в волосах — седина. В семь раз по восемь лет дни расцвета Жизненной Сущности уже миновали, подобно рою пчел на него обрушиваются болезни, силы его в упадке, а «пять внутренних»² иссыхают.

После этого безжалостного описания жизни, пролетающей как мгновение, первый министр даст характеристики пяти вкусам пяти внутренних органов — кислоте, сладости, солености, горечи и остроте. «Если над всеми остальными преобладает кислота, то уменьшится стремление к размножению, если преобладает сладость, то помутится рассудок и пропадет стремление к удовольствиям. Если преобладает горечь, то желудок уплотнится, а селезенка высохнет, а при преобладании остроты лицо станет изможденным. При соединении с Инь вокруг будет витать тяжелый запах женских выделений. Хорошенько соблюдайте гармонию пяти вкусов.

Озабоченность постижением тайн природы и получения через это знание наиболее полного удовлетворения от половых отношений была на самом деле удачным примером того, как строгие конфуцианские правила поведения уживались в китайцах с даосским язычеством. Пока разум разрешал практические стороны проблемы, душа могла безудержно предаваться своим естественным склонностям. Как явствует из сочинений Благороднейшего Лун Сюань-цзы, через две тысячи лет после Желтого императора подобное понимание противоположностей человеческой природы и необходимости их примирения стало частью традиционной китайской мудрости.

Ученые династии Тан, и в частности — Дун Сюань-цзы, сделали важный шаг вперед по сравнению с древними сочинениями на сексуальные темы. В их трудах появляется подробный раздел о технике половой жизни, обычно называемый «Искусство брачных покоев». Многие трактаты, претендующие на то, чтобы соотнести советы Желтого императора с предписаниями относительно сексуальной техники, были в действительности компиляциями даосских и буддийских монахов.

Синолог А. Масперо, автор книги «Древний Китай», предполагает, что Благороднейший Дун — это не кто иной, как Ли Дунсюань, возглавлявший в VII веке медицинское ведомство в китайской столице. Его «Искусство брачных покоев» состоит из 16 разделов. Свидетельством значимости этого трактата может служить его реконструкция, включенная в начале нашего столетия китайским ученым Е Дэхуем (1864—1927) в сексуальную энциклопедию «Шуан мэй цзин ань цун шу»³. Во вступительном разделе своего труда Благороднейший Дун пишет:

«Я верю, что все сущее под небесами удивительно, но человек — самое удивительное. Причина этою кроется в необычной природе его сексуальной страсти и ее роли в гармонии между Инь и Ян, а значит, и между небом и землей. Если человек следует естественным Законам и понимает их, он сможет

безгранично взрастить свою Жизненную Сущность, продлить жизнь и испытывать удовлетворение от нее до конца своих дней. Если же человек будет пренебрегать Естественными Законами и отрицать Метину, его сущность иссякнет задолго до конца его дней, а жизнь его будет краткой и печальной.⁴

Что касается правил и способов Темной девы, что была наставницей Желтого императора в его сексуальных отношениях, с женищинами, то они хотя и представляют собой часть нашего наследия, но вряд ли способны охватить все стороны этого дела. И у меня возникла мысль внести свой скромный вклад в эту существенную часть нашей жизни. Цель моя будет заключаться в том, чтобы добавить больше подробностей, заполнить пропуски и составить каноническое пособие для тех, кто стремится к наиболее полному удовлетворению».

Это сочинение будет подробно цитироваться впоследствии, в данном же случае оно иллюстрирует преемственность китайских сексуальных знаний. С той же очевидностью преемственность эта проступает в романах и пьесах Ли Юй (XVII в.) — писателя, разносторонность которого выдерживает сравнение с Уильямом Шекспиром. Следует учесть, что будучи автором многих эротических и порнографических сочинений, Ли Юй вряд ли может считаться классиком-традиционалистом. Во вступительном слове к своему роману он пишет:

«В своем кратковременном пребывании меж небом и землей человек обуреваем невзгодами и беспокойством, обязанностями и необходимостью трудиться. Прочие животные избавлены от этих присущих, человеку жизненных затруднений, они удовлетворяются тем, что во всем полагаются на природу и предоставляют всему сущему развиваться своим чередом. Впрочем, бремя человека скрашивается теми краткими мгновениями, когда он вновь превращается в животное, что происходит во время полового сношения. Пусть те, кто не желают признавать эту элементарную истину, сравнят жизнь монахов и евнухов. Продолжительность жизни монахов такая же, как и у обычных людей, поскольку, будучи лишены нормальной супружеской жизни, они все же находят некоторое удовлетворение, общаясь с послушницами и монахинями. Монах может почти все свои дни проводить в келье, но в ней, как правило, достаточно места для двоих. Евнух же не способен ни войти в Нефритовые Врата женищины, ни зажечь огонь за горой. Когда пуритане заявляют, будто предельно целомудренная жизнь способствует долгой жизни, вспомните этих мужчин, лишением своих принадлежностей. Если все дело в целомудрии, то они должны жить до ста лет. А что мы видим на самом деле? Лица евнухов в тридцать лет покрываются морщинами, их волосы седеют, а спины, начинают горбиться, когда они еще сравнительно молодеят. Видел ли кто-нибудь, бродя по кладбищу, надгробие евнуха, дожившего до предназначенных ему ста лет?»

Среди наиболее плодовитых писателей на сексуальные темы были даосские монахи и мудрецы. Рассуждения их сводились к тому, что соединение Инь и Ян является величественным моментом возвышения над жалким земным существованием, кратковременным слиянием с Космосом, а следовательно, это акт священный и религиозный. Поэтому последователям даосизма принадлежит множество цветистых наименований и терминов, используемых при описании полового акта, половых органов и прочих деталей. Нижеследующая подборка показывает, как преломлялось все это в поэтическом воображении:

Половое сношение — Юнь юй (Тучки и Дождик), Фан ши (Восторги на брачном ложе), У Шань (Гора У), У юй (Туман и Дождь).

Мужской половой член - Нань цзин (Мужской Стержень (или Корень)), Юй цзин (Яшмовый Стержень (или Стебель)), Ян фэн (Мужское Острие), Гуй тоу (Черепашья головка).

Тестикулы — Инь нан (Тайный мешочек).

Женские половые органы — Юй мэнь (Нефритовые Врата), Цюн мэнь (Коралловые Врата), Юй тай (Яшмовый Павильон), Нюй инь (Женское Потайное), Шэнь тянь (Волшебное Поле), Цзе шань чжу («Жемчужина на яшмовой ступени») — клитор.

Превосходство и господство мужчины над женщиной по традиции никогда не ставились под сомнение, хотя некоторые направления в даосизме рассматривали Инь (женщину) как продолжение земли-матки и считали ее поэтому стоящей ближе к божественной Жизненной Силе. Согласно основополагающей теории, если изложить ее вкратце, земля крутится налево, небо — направо⁵, и с той же неизбежностью мужчина призывает, а женщина повинуется. Обычным порядком вещей во Вселенной считается, когда весну сменяет лето, когда есть предметы высокие и низкие, первые и последние, все эти непреложные истины характерны и для человеческих взаимоотношений. Если же земля возвышается над небом, женщина над мужчиной, а зима предшествует осени, нет никаких сомнений, что Вселенная выйдет из равновесия.

Соответствующий обычаю статус Инь и Ян (как в обществе, так и в отношениях друг с другом) был определен в «Нюй цзе», раннем конфуцианском сочинении, где предпринята попытка установить нормы поведения («ли») для женщины. Вместе с тем достаточно ярко оказалось обрисовано положение, которое занимает ее вышестоящий партнер. «Нюй цзе» начинается с утверждения, что подчиненное положение женщина занимает уже с самого своего рождения: появившуюся на свет девочку в знак позора родителей следует прежде всего спрятать под кровать. Затем нужно три дня поститься и возносить молитвы духам предков. Воспитание и обучение девочки необходимо вести так, чтобы сделать ее пригодной к обслуживанию мужчин. Высочайшими её добродетелями являются скромность и послушание. Ей не следует находиться в помещении, где есть мужчина, она не должна даже помыслить о том, чтобы жаловаться на свою участь. Секрет обретения такой смиренности заключался в том, что женщина считала себя неправой в каждом споре и чувствовала себя счастливой, когда ей удавалось избежать строгого наказания.

Если женщина жила в соответствии с этим идеалом, в качестве награды она должна была заслужить уважение в семье, приобрести безупречную репутацию и не испытывать страха оскорблений, ссор и унижений. А выходя замуж, она могла благодаря своим добродетелям превратиться в идеального партнера для достижения гармонии Инь—Ян, В «Нюй цзе» далее утверждается:

«Половой союз, определяется умением мужчину господствовать и руководить желанием женщины идти следом и подчиняться. Мужчина выделяется силой, а женщина — немудрящей покорностью. Эта истина выражается в древней пословице: «При рождении сына отец молится, чтобы тот обладал духом льва, но боится, как бы он не уподобился мыши; при рождении дочери отец хочет, чтобы та была мышью, но боится, как бы она не стала тигрицей», В спальне женщина должна пресекать излишества воздержанием, но не противодействуя мужчине, а превращая свое собственное влечение к «огню в Яшмовом павильоне» (оргазму) в посторонние мысли, Излишества при игре «в тучку и дождик» приведут к

физическому истощению, затем к нравственной испорченности и наконец — к употреблению непристойных слов. Все это вызовет лишь неуважительное отношение жены к своему господину. В дальнейшем подобное неблагоприятное состояние окончится битьем жены, визгом и яростью, чему, возможно, будут свидетелями посторонние люди. Как же в таком случае восстановить гармонию? Женищине надлежит быть целомудренной и преисполненной уважения, тщательно выбирать слова, никогда не выказывать неудовольствия, стараться не смеяться, и не шутить, не высовываться из окон и не смешиваться с толпой. Если она неизменно осторожна, словно тень или эхо, кто сможет найти в ней изъян?»

Еще одной добродетелью «идеальной женщины» было ее благорасположение к прочим женам и наложницам. «Она должна кланяться подобным себе, которых муж задумает ввести в семью, но ей самой позволено выйти замуж лишь один раз. Муж — это само Небо. Небо только одно. Стремиться найти в этой брэнной жизни больше, чем одно Небо, — значит навлекать несчастье».

Конфуций сказал: «О женщине не должно быть слышно вне ее дома». А в качестве благодарности за подобное самоуничижение и жертвенность муж обязан был вносить в брачный союз свой вклад. В «Ли цзи» («Записях о правилах поведения») ⁶ утверждается: «Пренебрежение женами и наложницами — это нарушение гармонии неба, земли и человека. До пятидесятилетнего возраста муж должен раз в каждые три дня посещать павильон удовольствий своих жен, раз в пять дней — наложниц, а к прочим служанкам заходить по своему усмотрению. Главная жена может находиться в спальне во время соития мужа с наложницей, которую после того имеет право отослать обратно, сама же она может остаться с мужем до конца ночи. В этом проявляется уважение к положению, которое занимает жена».

Хотя этот документ может показаться негуманным, а всякое основанное на нем общество (или система отношений) формальными и безрадостными, чувства людей легко, можно даже сказать, весело приспособлялись к подобным ограничениям. Женщины, как и мужчины, лелеяли определенные надежды и мечты, а в их характерах было и нечто даосское. Какую бы осмотрительность ни требовал от них приниженный статус, какое бы уважение ни высказывалось на словах к «правильному образу мыслей», китайские женщины вряд ли были способны беспрестанно подавлять свои истинные чувства. И не исключено, что когда женщине вдруг разрешалось забыть обо всех запретах, ее переполняли совершенно необыкновенные страсти и фантазии, являвшиеся реакцией на утомительные социальные ограничения. Далее следует отрывок из одного эротического романа Ли Юя «Цзюэ хоу чань» ⁷. Характер Госпожи Чистосердечной следует рассматривать как по существу даосский, но скрываемый под маской смиренной и официальной «идеальной женщины» из «Нюй цзе»:

«Вскоре после свадьбы отцу Чистосердечной надоело вздорное поведение ее молодого мужа и он выгнал этого несносного человека из дому. По мнению Чистосердечной, ее неуживчивый муж обладал определенными достоинствами, которые вряд ли был способен оценить ее отец, но, будучи добропорядочной дочерью, она держала свое мнение при себе. Проведя пять ночей в одиночестве, она начала удивляться, почему ей так долго приходится ворочаться без сна, а затем поняла, что стала похожа на заядлого пьяницу или курильщика, которого внезапно лишили самого необходимого.

Когда пошел седьмой месяц, разлуки, положение стало просто невыносимым, тем более, что Чистосердечная вроде бы не была одинокой женщиной. Несколько

недель настоящей замужней жизни промелькнули так быстро, что она не верила в их реальность. Воспоминание о них только подогревало ее воображение. Муж, который не спит с женой, все равно что не существует — так она теперь приучалась смотреть на все это. Поэтому первым ее развлечением, к которому она обратилась по прошествии нескольких недель, стала принадлежащая мужу коллекция эротических картинок и подушечных альбомов. Она отыскала ее и часами рассматривала. Но это не принесло ей желанную успокоения, а лишь сильнее возбудило страсть.

Затем она попыталась отвлечься чтением книг своего детства, сочинений наставительных и возвышающих, каковыми являются «Ле нью чжуань» («Рассказы о выдающихся женщинах») или «Нью сяо цзин» («Женский Канон почтительности»). Вскоре однако на смену им пришли скабрешней романы, которые муж читал ей в постели до и после игр в «тучку и дождик». В то время они казались ей отвратительными, теперь же она смотрела на них совсем по-другому. Она просто оторваться от них не могла. Особенно полюбились ей «Чицоузы чжуань» («Истории о женщинах, помешавшихся от страсти»), «Сюта еши» («Воспоминания о расшитом ложе») и «Жуицзюнь и цзюнь чжуань» («Биография ходока»). В этих книгах были картинки, не просто возбуждавшие чувственность, но позволявшие сравнивать снаряжение героев с тем, чем обладал ее отсутствующий супруг.

Вновь и вновь принималась она изучать наглядные изображения мужских орудий, следя за их размерами и каждым движением во время беспрестанных сражений на ложе любви. Эти орудия неизменно были «невероятной длины», «больше, чем морской огурец», или же «так толсты, что женские пальцы не могли охватить их». Их твердость в момент возбуждения была по меньшей мере как у железного столба, а сила напряжения столь велика, что позволяла удерживать на конце мешок с зерном. Эти орудия могли без перерыва нанести не менее чем тысячу ударов.

Две девушки, читающие книгу. Средневековая гравюра

Вначале Чистосердечная решила, что все это лишь преувеличения, рассчитанные на то, чтобы вызвать интерес у читателей, но недели тягот и одиночества сменились месяцами, и вот она уже была готова поверить каждому прочитанному слову. Она стала сравнивать снаряжение своего мужа с тем, чем обладали Великий князь Ван и предводитель, разбойников дракон-тигр Цзян. Насколько она помнила, драгоценность ее возлюбленного была длиной дюйма в четыре, толщиной в два пальца, а восторг он испытывал никак не позже, чем через двести ударов. Чему же ей верить?

Отвечала она на этот вопрос вполне разумно. Если в мире существуют миллионы мужчин, а она познала лишь одного из них, как может она сравнивать свои знания об этом с осведомленностью авторов подобных рассказов? По крайней мере ей известно, что для мужчины считается вполне нормально, если он держит на своем напряженном органе мешок пшеницы, что он может нанести тысячу ударов без перерыва орудием, которое может быть по крайней мере вдвое длиннее, чем у ее мужа. Но точно установить это, обогатить свой опыт можно лишь одним способом. Конечно, отсутствующий муж все равно что покойник, тем более, что ее отец оставался все таким же суровым и не думал разрешить ему вернуться. Так что же делать молодой женщине? Лишь одна вещь могла преобразить эту одинокую и унылую спальню, и пусть снаряжение ее мужа не идет ни в какое сравнение со снаряжением тигра-дракона Цзяна, ему, разумеется, окажут самый горячий прием, на который только способна женщина. Но, ясно, назад его не пустят».

Старинная китайская пословица:

«Жена никогда не будет столь же желанна, как наложница, наложница никогда не сможет возбудить так, как незаконная любовная связь, а незаконная связь не сведет с ума подобно неприступной женщине».

Схематическое изображение Инь и Ян состоит из круга, разделенного на две равные части изогнутой линией. Одна часть — темная, или женская, другая — светлая, мужская. Однако изучение китайцев и их сексуальных обычаев заставляет полагать, что два главных действующих лица акта соития — всего лишь актеры в пьесе, написанной и поставленной великим духом предков. Желая свести воедино все части сексуального опыта китайцев, следует добавить еще два элемента. Во-первых, это древние теории и верования, влиявшие на отношения мужчины и женщины вплоть до новейшего времени, а во-вторых, существенная роль, отводившаяся искусству спальни, которое, если упростить выражение писателя эпохи Суй Сюй Тайшаня, призвано было «помочь мужчинам и женщинам заниматься этим как следует и часто».

Эта часть совокупного опыта, о которой необходимо кратко упомянуть в данной вступительной главе, представляет собой важный раздел общих и специальных знаний. Мистическое значение, придаваемое как половым органам, так и самому сношению, также обуславливало серьезность подхода к искусству и технике любви. Самый прекрасный кусок необработанного нефрита навсегда останется лишь осколком камня, если не попадет в руки к искусному мастеру, и даже самые совершенные инструменты окажутся бесполезными, если человек не умеет с ними обращаться. Постичь искусство спальни, таким образом, не просто означало

овладеть средствами увеличения наслаждения, это была обязанность почти религиозного свойства по отношению к предкам.

И здесь вновь сходились между собой во взглядах конфуцианцы и даосы. Инь и Ян должны стремиться к гармонии, вскармливать друг друга своими Жизненными Сущностями, хорошо разбираться в космической природе этого действия и быть достойными его благодаря своей искушенности. Как обычно, впрочем, эти соперничающие учения занимали различные позиции по отношению к искусству спальни и пользовались для его характеристики неодинаковым языком. Для конфуцианцев это был отчасти ритуал, отчасти отрасль знания, на которые распространялись правила и установления Учителя. Для даосов это был романтический, радостный и всепоглощающий момент возвращения к животной чистоте утраченной и естественной свободы.

«Искусство брачных покоев» Благороднейшего Дун Сюань-цзы — пример официального конфуцианского преподнесения сексуального пособия. Но глубинное содержание и весь дух этого источника носят по существу даосский характер. «Эта книга, переживет десять тысяч поколений, поскольку равно касается высших и низших, императоров и простых людей», — утверждает Благороднейший Дун. «Все мужчины должны знать разнообразные способы обращения с женщинами, способы лежания на спине, бок о бок и сидения сверху, проникновения спереди и сзади, глубоких и поверхностных толчков. Они должны знать принципы сексуальной гармонии и учения о «Пяти Элементах»⁸, и от этого зависит, проживут они счастливо или ждет их жалкая гибель».

Элементы двух главных учений сливаются и дополняют друг друга в этом трактате. Конфуцианец может соотнести его с Золотой Серединой⁹, сверяться с ним, приглашая к себе жену или наложницу, и находить жизненные соответствия ритуальным установкам, регулируемым «Записями о правилах поведения» («Ли-цзи»). В конфуцианском каноне говорится: «Эти убеждения во многом зависят от ясного понимания различия ролей мужчины и женщины. Дом должен быть разделен на две части: внутреннюю и внешнюю. Мужчины должны жить в наружных покоях, женщины — во внутренних, а все входы к женщинам должны охраняться евнухами. Мужчинам и женщинам нельзя мыться вместе, жена не имеет права вешать свою одежду туда же, куда и муж, класть свои вещи в тот же сундук». Подобные строгости имели целью охрану семейной жизни, что было центральным догматом конфуцианского учения. Но чем больше женщины в семье следовали

Приверженец даосского учения о «внутренней алхимии» уравнивает мужское и женское начала.
Из ксилографа эпохи Мин «Син мин гун чжи»
(«Правила и смысл половой (природной) жизни»)

наставлениям Благороднейшего Дуна, тем легче они воспринимали даосские чувства и обычаи.

Далее следует отрывок из трактата Благороднейшего Дуна:

«Гармонии в сражении между Инь и Ян можно достичь, когда мужчине лет в два раза больше, чем женщине. Если женщина вдвое старше мужчины, тот пострадает при соитии. Далее перечислим наиболее благоприятные условия для совокупления.

Весной головой нужно лежать к востоку, летом — к югу, осенью — к западу, зимой — к северу. Предпочтительнее нечетные числа календаря, особенно благотворны утренние часы. Четные дни, особенно после полудня, могут принести вред».

Для эффективного соития рекомендуются следующие приемы:

1. Прижавшись к Нефритовому Порогу, начать пилить, как бы раскрывая устрицу, чтобы достать жемчужину.

2. Движением вверх устремляться в Золотую Ложбину, как бы раскалывая скалу в поисках драгоценного камня.

3. Использовать Мужское Острие как пест, опускаемый в лекарственную ступку.

4. Медленно и равномерно двигать Мужским Острием, как бы очищая один из пяти элементов.

5. Применять Мужское Орудие как осенний плуг, рыхлящий и переворачивающий почву, и двигаться от Драгоценного Поля к Сокровенному Ущелью.

6. Когда Инь уже неудержима, тела должны сходиться друг с другом, напоминая рушащиеся скалы, которые в конце концов должны перемешаться между собой».

А вот разновидности движения Нефритового Стебля:

1. Размахивать им влево и вправо, будто отважный полководец прорубается сквозь ряды неприятелей.

2. Прыгать вверх и вниз подобно лошади, перебирающейся через горный поток.

3. Плыть и нырять одновременно подобно утке на волнах озера.

4. Чередовать глубокие и мелкие толчки подобно воробью, клюющему рисовые зерна.

5. Вонзаться в самую глубь подобно камню, брошенному в море.

6. Медленно проползать подобно змее, устраивающейся на спячку в своей норе.

7. Быстро колотиться подобно испуганной мыши, юркнувшей в норку.

8. Медленно парить вверху подобно орлу, выслеживающему зайца.

9. Мчаться, а затем замирать подобно парусу, борющемуся с порывистым ветром».

«Как только Пунцовая Двери окажет влажный прием Нефритовому Стеблю, к жидкому секрету, находящемуся в верхних участках Сокровенной Ложбины, добавляются первоначальные мужские выделения. Это поможет мужчине скользить направо и налево, делать круговые движения, совершать глубокие и поверхностные толчки. На крики женщины и ее молвы о пощаде внимания обращать не нужно. Время от времени следует делать перерыв и вытирать

тканью половые органы обоих партнеров. Когда же после этого он внезапно возвращается в Верхние Палаты, он испытывает удовольствие от того, что уподобляется огромному валуну, перегородившему течение реки. Повторив все это двадцать один раз, почувствуешь, что желания удовлетворены и наступила гармония».

Благороднейший Дун Сюань-цзы советует мужчине удерживать семя («цзин») до тех пор, пока женщина не будет готова «рассеять тучку». Если она опережает мужчину, следует перейти к поверхностным толчкам, ударять легко, словно по струнам лютни. Если же он опережает партнершу, ему надлежит водить языком у себя во рту, дышать, раздувая ноздри, поднимать голову и напрягать плечи. Если мужчина желает управлять своим «цзин», то овладение этим способом позволит ему «рассеивать свою тучку» лишь два-три раза за каждые десять сражений.

«Иногда бывает лучше побыстрее проникнуть вглубь. Благодаря этому Сто Беспокойств сразу уносятся ветром, а не испаряются одно за другим. Наносите немедленный удар по Верхним Палатам, поворачиваясь направо и налево, вызывая замешательство быстрой сменой движений, дабы женщина забыла, где она находится, а Ян продолжал занимать господствующие позиции. Отступить назад следует после Прорыва Тучки, но до того, как Мужское Острие обмякнет. Уйти с поля брани в состоянии полного бессилия означает, что дух Инь нанес поражение духу Ян»,

Для мужчин, страдающих от Пяти напряжений и Семи недомоганий¹⁰, а также для тех, кто мучается импотенцией, существует лекарство «оплешивевший курицу порошок». Его готовят из равных долей «жоу цунжун», «увэйцзът», «юань чжи» и «ту сы цзы». Этот порошок регулярно принимал князь Люй-цзин после того, как ему исполнилось семьдесят лет. Благодаря этому он столь усердно занимался со своими женами, что у одной из них появились во влагалище язвы, и она в отчаянии выбросила порошок во двор. Там его съел петух, после чего незамедлительно вскочил на курицу. Несколько дней подряд он не слезал с нее и все это время беспрестанно клевал ее в макушку, пока та совершенно не облысела. Поэтому порошок и стал называться «оплешивевший курицу».

Подобные наставления в искусстве спальни не ограничивались каноническими текстами. Появляясь в романах, что было обычным делом, они принимали более откровенные даосские формы. Но в любом случае, будь это пособие времени династии Тан или текст, превратившийся тысячу лет спустя в развлекательный эротический рассказ, в них неизменно проявляется традиционное китайское уважение к учителю, наставнику.

Следующий отрывок из романа эпохи Мин (1368—1644) интересен по двум причинам. Во-первых, потому, что «учитель» в данном случае — проститутка средних лет, представляющая то направление даосской мысли, которое видело в женщине источник сексуальной мудрости. Во-вторых, очевидно, что взгляды искушенных женщин XVII века на гармонию между Инь и Ян мало чем отличались от представлений их славного предка Хуанди, Желтого императора.

КАК ГОСПОЖА ВОЛШЕБНИЦА КУ ПОЛУЧИЛА СВОЕ ПРОЗВИЩЕ

Госпожа Ку (Волшебница Ку, Девица-Волшебница Ку) прославилась благодаря трем своим совершенно неповторимым способам любви. Из отдаленнейших у голков

страны приезжали мужчины, чтобы испытать эти способы. А когда они возвращались домой, их жены иналожницы быстро перенимали все то, чему научились мужья.

Так чему же они, собственно, научились? Вряд ли их могла покорить красота этой великой женщины, потому что даже в юности внешность ее считалась самой обыкновенной. Не обладала она и талантами, свойственными знаменитым куртизанкам: не умела ни играть на музыкальных инструментах, ни красиво петь, ни быть душой общества. Тем не менее хотя ей было почти пятьдесят лет, посетители по-прежнему домогались ее милостей. Богатые помещики и мандарины, торговцы и даже князя продолжали ставить ее выше других.

Ее заветные три приема можно назвать обаянием или же просто искусностью, но действенность им придавало то, что она тонко чувствовала каждого мужчину, который посещал ее, даже если никогда прежде не была с ним знакома. Первый прием назывался, у нее «опускание палаты удовольствий для приветствия входящего Посланника». Второй секрет она именовала «поднимание Палаты Удовольствий для того, чтобы вскарабкаться на Посланника». Третий способ означал такое вскармливание сущности — Ян посетителя, благодаря которому он не знал усталости.

Как мы сказали, госпожа Ку понимала мужчин. Тем, кто едва вышел из юного возраста, она в первую очередь говорила, что они, вероятно, очень устали от важных жизненных забот, просила их лечь и расслабиться. Затем она предлагала особые снадобья не столько для того, чтобы возбудить посетителя, сколько стремясь привести его в хорошее настроение, и в это же самое время брала в руку его Нефритовый Стебель. Когда тот начинал отзываться на прикосновения, она садилась верхом и без лишних проволок приглашала его в Палаты Удовольствий.

Удостоверившись, что Черепашья головка уже вряд ли высколезнет, она принималась вращать ягодицами по кругу. Это движение она называла «размалывание зерна», потому что множество мужчин заявляли госпоже, что в этот момент чувствуют себя словно зажатыми между жерновами. Она, впрочем, была чересчур искусной, чтобы продолжать однообразную молотьбу. Временами она подпрыгивала так, что Черепашья головка оказывалась под ней, словно зверек в лапах взмывающего коршуна. И столь, опытной была госпожа Ку, что даже самое маленькое орудие никогда не выскальзывало из ее объятий.

Самым удивительным во всем этом размалывании и подпрыгиваниях было то, что соперники ее не уставали, а, напротив, становились как никогда бодрыми. Она словно обладала огромной энергией, которая сама по себе уже могла служить источником возбуждения, не говоря уже о сексуальной страсти. Когда наступал момент «разрыва облаков», можно было переходить ко второй позиции.

Для этого госпожа Ку занимала нижнее положение, но это не означало, будто она уступает инициативу партнеру. У нее были твердые представления о желательности того, что она называла «максимальным участием». Когда, например, женщина находится внизу, она должна отвечать на каждое движение мужчины. Когда тот устремляется вниз с намерением пригвоздить ее к постели, ей следует быстро, но мягко приподняться, чтобы обратиле яростный удар в приятное столкновение. В другой раз, благодаря своим навыкам в искусстве борьбы тай цзи она ускользнет, изгибаясь всем туловищем так, что даже при тесной близости всех органов у партнера возникает ощущение удара в пустоту. Это еще больше возбуждало его, напоминая погоню за женщиной во сне, и помогало

продлить веселую схватку. Когда подружки говорили госпоже Ку, что та берет на себя слишком много, возится со своими клиентами, она возражала, что в таком случае лучше уж обзавестись деревянной куклой с дыркой между ног и класть ее в постель к мужчине.

Третьим приемом, заключавшимся в постоянном питании сущностей друг друга, она овладела, изучив древние пособия. Она сумела понять, что в момент, когда Инь и Ян достигают высшего блаженства, слишком много жизненных соков тратится впустую. Именно поэтому пара устает после каждой встречи Тучки и Дождика. Дабы удостовериться, что каждая капля естества партнеров перетечет от одного к другому и они будут таким образом готовы, к следующему «сражению», госпожа Ку научилась в решающий момент «разрыва облаков» схватывать Черепашью головку и с абсолютной точностью направлять ее в бурлящий источник своей Верхней Палаты, Затем она держала мужчину в объятиях в почти полной неподвижности. Благодаря этому сущность Ян, что выбрасывалась из ее маленькой щели, и ее собственная сущность Нь перетекали друг в друга, обмениваясь жизненными соками.

В основе этого приема лежат даосский принцип «возвращения семени», продлевающий жизнь и наслаждение, с которым госпожа Ку познакомилась в нежном возрасте шестнадцати лет. Наставником в этом деле был бродячий поэт, никогда более не навещавший ее, по его инструкции были усовершенствованы до такой степени, что всякий раз, когда бьющие струей сущности сливались в одну, она ощущала, будто все ее тело помолодело. И действительно, проведя ночь с госпожой Ку, мужчина обычно вставал освеженным, чувствуя легкость в теле и ясность в мыслях. Это удивительное ощущение неизменно заставляло посетителей задать вопрос о причинах, подобного чуда. Ведь обычно такая ночь утомляла их. Госпожа Ку всегда отвечали одинаково. Она говорила им, что во сне их посетила волшебница. На это гости обычно льстиво возражали, что провели целую ночь с ней наяву. Вот так она заслужила свое прозвище госпожи Волшебницы Ку.

ДРАКОНЫ-ИМПЕРАТОРЫ И ИХ СУПРУГИ

Благородный принц Хайнаня
Век продлить свой пожелал.
Ложкой в драгоценной чаше
Тайный эликсир смешал.

Изучил всю мудрость мира
И диету подобрал,
Совершенствовал дыханье,
Жизни дух в нем заиграл.

Он тогда зовет супругу,
Вскоре он у райских врат...
Но увы, любви словами
Время не вернуть назад.

Бао Чжао (V в.)

Перед тем как первый император династии Цинь в 221 г. до н.э. покорил феодальные государства и образовал Поднебесную империю, китайская цивилизация была разделена на шесть самостоятельных царств. Таким образом, императорский двор стал наследником всех шести дворов с их собственными традициями, обычаями, историей и правителями. Бросая беглый взгляд на череду наиболее колоритных царей, императоров, императриц и наложниц, видим, что только те правители, которые жили после объединения страны, могли с полным правом претендовать на трон Дракона. Однако вне зависимости от их статуса (царского либо императорского) жизнь при дворе отличалась

«Каналы жизни».

Анатомическая схема пособия по «внутренней алхимии из ксилографа эпохи Мин

пышностью и экстравагантностью, что свойственно абсолютным монархам, требующим от своих подданных полной преданности и покорности.

Повелитель Вселенной (один из титулов императора) правил территорией, простиравшейся от Кореи до Бирмы и Тибета. О непрерывности династий можно судить по тому факту, что династия Хань, которая успешно сплотила империю, просуществовала около 400 лет. Одни династии могли жить долго, другие уходили

со сцены быстро, правители могли следовать учениям Конфуция, Лао-цзы или Будды, одни из них могли быть милостивыми, другие — тиранами, одни — мужчинами, другие - женщинами, но во всех случаях половая жизнь того, кто находился на троне Дракона, считалась делом огромной важности. Второй константой различных судеб сменявших друг друга династий была их приверженность принципу «инь-ян». Раз брачный союз мужчины и женщины был столь же значительным, как союз неба и земли, то ритуал соединения императора с супругой считался аналогичным явлением еще более высокого порядка.

Термином «ци» обозначалась степень Жизненной Силы, или Витальной Сущности, которой обладал человек, а правитель-дракон считался имеющим сверхъестественное количество «ци», которое, расходуясь в больших количествах, должно было непрестанно подпитываться женской сущностью Инь. Поэтому характерной чертой любого дворца являлось наличие в нем большого количества женщин.

Эта традиция восходит, очевидно, к Желтому императору, поскольку в легендах говорится, будто у него были три тысячи наложниц и он имел царственное соитие с двенадцатью сотнями женщин в течение «каждых десяти полных лун».

Поскольку половому акту придавалось столь большое социальное и религиозное значение, а гармония общества в целом увеличивалась благодаря сексуальной удовлетворенности правителя, не удивительно, что эта сфера придворной жизни не ограничивалась царскими покоями. Дворец, а вернее, двор с множеством дворцов был местом, где устраивались оргии и сексуальные карнавалы, где случались такие эксцессы и встречались странные обычаи, которые можно было, как правило, оправдать лишь тем, что это был своего рода вклад в осуществление вселенской гармонии Инь и Ян.

Император Хуй-ди (II в. до н.э.), например, приказывал принимать участие в празднествах такого рода евнухам и мальчикам-слугам. Их наряжали в женские одежды, украшали драгоценностями и фазаньими перьями, пудрили и румянили им лица и превращали в дворцовую стражу. Император решил также, что слишком многие из его подданных не участвуют в половой жизни и назначил специальных чиновников («мэй ши»), чтобы составлять списки неженатых мужчин старше тридцати и незамужних женщин старше двадцати лет (к взятым в гарем это не относилось). Попавшим в реестр предписывалось к следующей весне сочетаться браком с лицом противоположного пола. Нарушившие это предписание наказывались сотней ударов кнута — один из редких случаев, когда к женщинам и мужчинам относились одинаково. Но даже самые замкнутые предпочитали быть насильно введенными в спальню, нежели оказаться выпоротыми на рыночной площади.

Тысячелетием ранее, еще до образования империи, стиль жизни при дворе можно проиллюстрировать на примере правителя династии Инь Чжоу-синя (1154—1122 гг. до н.э.), который создал для преемников своего рода прецедент. Сыма Цянь в своих «Исторических записках» описывает его как «человека бычьего сложения, но обладающего тигриной гибкостью и силой»¹.

«Чжоу-синь держал себя в форме благодаря интенсивной программе боевых и физических упражнений, в число которых входили единоборство с дикими животными на специально построенной арене, а также фехтование с пятью или шестью воинами одновременно. Он также усовершенствовал некоторые приемы

китайской и восточной техники боя и борьбы, мог разбивать кулаками валуны и ломать большие деревья.

Его проявления мужественности не сводились, однако, к физическим упражнениям, и среди обитателей покоев его дворца были его царица, три супруги, девять жен второго ранга? двадцать семь жен третьего ранга и восемьдесят одна наложница. Три тысячи дворцовых служанок составляли постоянный резерв для пирушек, праздников и эксгибиционистских зрелищ. Он собирал свой двор для публичной демонстрации своих сексуальных подвигов на той же арене, на которой он сражался со зверями, и одним из его достижений было обойти вокруг арены с обнаженной женщиной, поддерживаемой лишь его возбужденным членом. В одной руке он держал при этом обжаренную ногу оленя, в другой — двухлитровый бронзовый сосуд с вином. В то время как он ел и пил, наложница по его требованию, обвив ногами его талию, приподнималась и опускалась, делая его удовлетворение полным.

Спустя, несколько лет Чжоу-синь стал импотентом, и, считая, что причиной не могла быть обычная человеческая слабость, обвинил своего медика Фан Нэй-бу. Фай уговорил своего господина жить согласно установлениям Желтого императора, по которым следовало «соединяться еженощно с десятью различными женщинами, не теряя «жизненной сущности»; этот совет также был объявлен причиной того, что правитель не смог стать отцом сыновей. Фан лишился головы, все женщины рангом ниже супруги² были отправлены назад в их семьи, бои набран новый штат. Кроме того, у особых, придворных дам («тун гуань»), фиксировавших каждый случай Царственного соития, что имело целью верификацию законности появления каждого ребенка, были сломаны красные кисти для записей и заметны другими.

Именно при дворе Чжоу-синя была впервые учреждена должность «тун гуань», чьи обязанности впоследствии перешли к дворцовым евнухам. Эти дамы отвечали за организацию сексуальной программы императора, подбирали девушек для каждой ночи и, сидя на специальном стуле, присутствовали в спальне правителя, чтобы убедиться в благоприятном исходе свидания. Факт Царственного соития фиксировался особыми каллиграфическими кистями (что позднее породило жанр эротической литературы, известном как «Истории, начертанные красной кистью»); кроме того, придворные дамы следили за строгим соблюдением довольно жестких, индивидуальных расписаний. Супругам высшего разряда было дозволено оставаться с императором столько, сколько он пожелает, наложницы должны были покинуть правителя до рассвета, дворцовые служанки отсылались прочь немедленно после свидания. Тем, кто смог угодить императору, жаловалось серебряное кольцо, а случись им понести, кольцо заменяли на золотое.

Ни одна женщина, однако, не заслужила золотого Кольца, а если и заслужила, то уж не за рождение наследника мужского пола, а Чжоу-синь еще более яростно обрушивался на согнанных на арену диких зверей, его воины вновь строились в ряды, чтобы испытать на себе силу его ударов. В этот момент его жизни в гарем была введена девушка, «более прекрасная, чем пион и лотос». Она звалась Да-ци («Небесная Краса»)³, и столь необычны были ее привлекательность и таланты, что ей удалось преодолеть импотенцию императора. Сообщают, что во время ее первой ночи с императором поведение ее было столь смелым и необузданным, что он даже усомнился в ее девственности. Лишь тогда, когда придворная дама

поднесла лампу и он у видел кровь на своем члене и шелковой подстилке. Чжоу-синь уверился в ее чистоте.

Да-цзи быстро стала фавориткой Чжоу-синя, продвинулась до статуса супруги, оттеснив других жен и девиц. Ее влияние на него и неустанная готовность ответить, на притязания любовника-дракона хотя и доставляли удовольствие правителю, вскоре создали ей славу женщины-лисы, так называли больных нимфоманией и тех, кто, как считалось, был воплощением злобных духов. Первое из многих последовавших выступлений началось среди женщин гарема, отвергнутых Чжоу-синем, и десять из них были забиты до смерти в знак предупреждения остальным; причиной ярости наложниц было то, что их бесчестно заставили соревноваться с женщиной-лисой.

Суть этих древних суеверий передана в «Хуань чжун цзи», где говорится: «Когда лисе исполняется пять раз по десять лет, она превращается в прекрасную девушку; в десять раз по десять лет она становится красивой женщиной и ее тело исполнено страсти, порождаемой духом «шэнь» (сверхчеловеческим желанием). Таким женщинам известно все, что происходит от них хоть за сто миль, они выбирают себе мужчин, инстинктивно угадывая их слабость. Когда, же лиса, достигает возраста десять раз по десяти лет, она допускается к входу в Небесные врата и становится Небесной лисой, ибо ее «шэнь» может быть удовлетворен лишь «драконовыми божествами» и «небесными духами».

Лиса ассоциируется и с другими древними правителями; хотя она не всегда перевоплощалась в наложницу, ее неизменно воспринимали как пример - чувственной порочности. В одной из таких историй говорится об ускем царе Гу, который во время охоты услышал доносившееся по ветру перечисление женских имен и догадался, что подслушивает кого-то из мира лис. Он направил слуг обыскать склон горы, и вскоре один из слуг подозвал его к древней могиле. Царь приказал слугам вскрыть могилу, и при свете, неожиданно озарившем внутренности склепа, он увидел «седую» лису, сидевшую среди костей и читавшую свиток. В могилу бросили собак затравить лису, но до того, как они добрались до нее, лиса дописала к читаемому списку еще одно имя. Когда «седую» лису разорвали в клочья, свиток вручили правителю. Он обнаружил в свитке список из ста имен самых распутных женщин в истории, а добавлено к нему было имя, обведенное красным, чтобы отметить его особо. Это было имя его любимой супруги.

Справедливо ли была Да-цзи, фаворитка Чжоу-синя, названа женщиной-лисой или нет, но она вскоре оказалась слишком требовательной даже для своего доблестного супруга. Восстановленная благодаря ей мужская сила правителя вновь начала внушать опасения, но до того, как он снова оказался вынужден искать козлов отпущения за свои неудачи, Да-цзи уговорила Чжоу-синя потратить огромные суммы денег на новые развлечения. Не говоря уж об оргиях невиданного ранее великолепия, она способствовала созданию Винного пруда и Мясного леса. Пруд был около ста восьмидесяти пяти метров, в диаметре и наполнили его крепчайшим вином, а лес был местом, где с каждой ветви свисали куски жареного мяса; предназначался этот сад удовольствий для того, чтобы восстановить языческую простоту оргий. В компании трех тысяч обнаженных дворцовых стражников и такого же числа служанок правитель-дракон и его супруга сутки напролет предавались удовольствиям в волшебном месте, где можно было поесть или напиться, просто подняв руку к дереву или зачерпнув вина из пруда.

Такие причуды, однако, требовали повышения налогов и означали более тяжкое бремя для народа, поэтому несколько военных вождей задумали восстание против Чжоу-синя. Восстание было без труда подавлено, его руководители схвачены и приговорены к пыткам с последующим обезглавливанием. Да-цзи продемонстрировала изобретательность, придумав пытку, позднее часто применявшуюся другими императорами⁴. Жертвы помещались внутрь медного цилиндра длиной три метра, снаружи обмазанного жиром. Цилиндр затем подвешивался горизонтально над длинной ямой, в которой пылал огонь. Когда цилиндр становился невыносимо горячим, перед жертвой вставал выбор быть заживо зажаренным внутри или выброститься наружу, в огонь. Обычно выбирали последнее».

В записях о жизни Чжоу-синя Сыма. Цянь перечисляет также ряд афродизиаков, которыми увлекался любовник-дракон. Это были:

1. «Трехдневное счастье». Красный петух (соя), бычий член («ню бянь»), свежий корень женьшеня и сушеная человеческая плацента.

2. «Небесный гром». Языки ста павлинов («фэн хуан» — огненная птица), сдобренные перцем из западного края и спермой созревших юношей.

3. «Охотящийся лев». Вымоченные медвежьи лапы, приправленные измельченным рогом носорога («ши ню цзяо») и очищенной мочой (пол не указан).

Но ни развлечения в саду удовольствий, ни страсть к Да-цзи, ни регулярный прием «Трехдневного счастья» долго не продолжались, поскольку в возрасте тридцати двух лет Чжоу-синь был свергнут и обезглавлен.

Роскошный образ жизни первых царей не шел, разумеется, ни в какое сравнение с тем, как вели себя куда более тщеславные императоры позднейшего времени, но даже среди этих последних некоторые выделялись просто сверхчеловеческими притязаниями. Первый император объединенного Китая, построивший в III в. до н.э. Великую Стену высотой семь с половиной метров — каменную змею, протянувшуюся почти на две тысячи миль по северной части страны, собравший в своем гареме женщин из всех шести покоренных царств и прославившийся своими грандиозными планами и амбициями, — даже он скромно теряется на фоне наиболее честолюбивых владельцев трона.

Одним из таких правителей был император династии Суй Ян-ди (581—618). Его приход к власти отмечен жестокостью, которую он впоследствии явил в полном

У Цзянсянь, одна из любимых жен императора Ян-ди, подрисовывает брови. Гравюра эпохи Цин

объеме. Он убил своего отца, затем братьев и закрепил свое право на трон тем, что устранил большую часть оставшихся близких родственников. Как только его власть стала абсолютной, он обратил свою неумемную энергию на более конструктивные проекты.

Он начал с того, что задумал возвести величайший дворец на земле, для постройки которого было набрано два миллиона рабочих обоих полов. Снаружи дворец был украшен изящнейшим мрамором всех цветов и оттенков, а обставлен он был «с такой роскошью, что даже самая процветающая империя на земле едва смогла себе это позволить». Дворец Дракона был сооружен в обнесенном стеной парке, раскинувшемся на сотню квадратных километров, в центре которого находилось искусственное озеро шириной в пять ли (два с половиной километра). На берегу озера было построено шестнадцать дворцов для наложниц и прислуги. Впоследствии у Ян-ди появился вкус к занятиям любовью на воде, которые, без сомнения, начинались с прогулок при луне, когда лодки отчаливали от ступеней дворцов. Он стремился бросить вызов природе с ее сменой времен года. Для этого была нанята целая армия садовников, которые заменяли опавшие листья на деревьях и вянущие лепестки на цветах искусственными, сделанными из сатина и мягкой бумаги тех же расцветок. С тем же вниманием относились к цветущим на озере лотосам, которые оставались неизменными на вид и зимой и летом.

Во время прогулок по территории парка верхом на лошади или в паланкине Ян-ди сопровождала тысяча служанок. Поскольку он был подвержен внезапным и неконтролируемым, приступам сексуального влечения, на расстоянии двух ли друг от друга были выстроены маленькие павильончики, обнесенные частоколом. Когда он в компании избранных девушек заходил в один из павильонов, остальные сопровождающие собирались снаружи, пели и играли любимые мелодии императора. Картина того времени изображает Ян-ди с тремя девушками, занимающегося Царственным соитием в одном из таких павильонов. Он стоит перед высокой кроватью, на ней лежит обнаженная девушка с высоко поднятыми ногами, которые держат две другие девушки, стоящие по обе стороны от императора. Этим заняты, впрочем, лишь две из их четырех рук, а двумя остальными они приподнимают ниспадающие одежды императора и направляют его Нефритовый Стебель в Палаты Удовольствий.

Когда дворец, предназначенный для повелителя Поднебесной, был завершен, Ян-ди добавил к двум миллионам строителей еще два миллиона и направил их на строительство Великого Канала, который должен был соединить северные водные артерии с южными. Протяженность его была две тысячи ли, глубина — два чжана (шесть метров), а ширина — шесть чжанов. По обоим берегам были посажены ивы, и на некотором расстоянии друг от друга построены сорок дворцов для отдыха («син гун»).

Завершение строительства Великого Канала не только стимулировало поездки с севера на юг, оно потребовало постройки соответствующей флотилии, которая могла бы оправдать затраты на это грандиозное сооружение. И вновь Ян-ди не жалел ни денег ни труда, и когда флотилия наконец направилась в плавание, она состояла примерно из двух тысяч лодок. Самыми прекрасными считались десять челнов-драконов, и особенно — челн императора. Каждый из них был девяносто метров длиной и пятнадцать метров высотой и состоял из четырех отдельных палуб. Сто двадцать кают были облицованы яшмой и украшены золотом. Мебель покрывали шкуры тигров, медведей и леопардов. На лодках-драконах помещались тысячи жен и

наложниц, музыканты и шуты, здесь же везли часть императорских сокровищ. Пятьсот лодок «второго ранга» везли «про запас» большое количество служанок, слуг и провианта. Замыкала движение эскадры тысяча лодок «третьего ранга». На них плыли министры двора, даосские и буддийские монахи, иностранные послы, ученые, евнухи и командующие войсками. Ян-ди имел четкие представления об относительной ценности различных категорий своих подданных.

Историки того времени оставили красочные описания подобных путешествий, а в книге XIX века «Китайский Сарданапал», принадлежащей перу Х. Имбера, рассказывается, как в течение двух месяцев проходило обратное плавание. В этом и других сочинениях описаны красота флотилии, которую, когда не было ни попутного ветра, ни течения, тянули по-бурлацки. Восемьдесят тысяч слуг в красивых шелковых одинаковых одеждах образовывали колышущиеся цветные стены по обоим берегам реки. Шелковые канаты, веером расходящиеся от лодок, казались переливающейся паутиной, свитой над руслом канала. Равномерно посаженные ивовые деревья создавали прохладную тень, а воздух был насыщен ароматами, исходящими от наложниц и служанок. Флотилия словно тянула за собой облако густого запаха, и когда веял легкий ветерок, в деревьях на расстоянии семи миль от канала уже знали, что движется высочайшая процессия. На троне, специально сооруженном на носу императорского Челна-Дракона, Ян-ди попивал вино из особой четырехлитровой кружки и горделиво обозревал свои достижения перед тем, как спуститься на нижние палубы для иных удовольствий.

Неутомимый император, изнемогавший от страсти на тихой воде Великого Канала, стремился предаваться тем же чувственным наслаждениям и на земле. Вначале он попытался построить окружную дорогу длиной более мили, поверхность которой сплошь состояла из бугров. Когда по такой дороге катился экипаж, совокупляющейся паре благодаря тряске не было нужды совершать собственные движения. Еще более изощренным проявлением этой страсти к «любви на колесах» явилось сооружение семи «славных колесниц». Они не были столь уж прекрасны, как может показаться по их названию. По некоторым описаниям, это были простые телеги в форме гробов, в каждой из которых лежало по наложнице, ожидающей, пока к ней явится император. Любимым развлечением Ян-ди было начать прогулку рано утром и после сытного завтрака в царском экипаже перебраться в первую из своих «славных колесниц». В течение дня он переходил от одной к другой из избранных им наложниц, и столь велика была его мужская сила, что он, по преданиям, «обычно возвращался во дворец уже затемно». Самым впечатляющим из его самовозбуждающих изобретений был Дворец-лабиринт. В «Записях о Дворце-лабиринте» («Ми лоу цзи») анонимный автор эпохи Тан описывает его как заветную эротическую мечту. Дворцы Оттоманской и Монгольской империй могли быть куда более прекрасными, а деяния их правителей — куда более неистовыми и кровавыми, но китайские императоры оставались непревзойденными в своих чувственных забавах. Дворец представлял собой лабиринт из комнат и переходов, все стены которого были увешаны зеркалами из отполированной бронзы, и отражения были столь обманчивы, что двигаться приходилось преимущественно на ощупь. Окон не было, а потайные лампы испускали ровный, но приглушенный свет. Обстановка была простой: циновки и кушетки, на которых возлежали прекраснейшие женщины гарема, винные источники, бьющие тут и там, обнаженные служанки, исполняющие музыку.

Воздух был напоен ароматами мускуса и лотоса. Посещение Дворца-лабиринта Ян-ди рассматривал как решающую проверку потенции Дракона-императора. Повелителя приветствовали любимые евнухи, которые незамедлительно освобождали его от одежд и заворачивали в леопардовую шкуру. Под аккомпанемент гонгов, колокольчиков, барабанов и голосов служанок, хором поющих «Бань суй» («Десять тысяч лет!», или «Да здравствует император!»), Ян-ди перво-наперво возбуждал свой драконовский дух двумя добрыми глотками из четырехлитровой золотой кружки, отпускал евнухов восвояси и начинал свой ночной обход. Поскольку император был человеком огромной силы и страсти, иной раз проходило десять дней, прежде чем он покидал свой дворец и позволял рассвету покончить с иллюзией Небесной ночи.

В 607 г., отказавшись на короткое время от удовольствий ради государственных дел, Ян-ди предпринял путешествие с менее эротической целью. Монгольский хан Доу-лу воспротивился требованию признать себя вассалом Срединного государства и платить дань. Тогда Ян-ди предпочел не посылать войска и не принуждать хана к покорности силой, но удостоил его высочайшим визитом. Поскольку уступка такого рода могла повлечь некоторую потерю престижа, Ян-ди нашел способ «спасти лицо», взяв с собой всю свою столицу. Все художники и маляры Лояна были усажены за работу над круговым панно. Более двух тысяч метров специального прочного шелка, вертикально укрепленного на макете, выполненном в виде огромного круга, было расписано видами, открывающимися из дворца императора. Получилась точная копия всех стен и крыш, храмов и ворот, очертаний холмов и красок зелени. Когда кортеж приблизился к монгольской столице, император приказал разбить лагерь внутри этой панорамы Лояна, и подданные хана были столь поражены, что стали упрашивать своего правителя изъяснить надлежащую покорность. Через некоторое время хан Доу-лу так и поступил.

Еще десять лет спустя яркое правление Ян-ди подошло к концу. Когда после одного из любовных посещений служанки стали помогать ему одеваться, он остановил взгляд на своем изображении в зеркале. Затем окружающие услышали, как он произнес в задумчивости: «Какая у меня прекрасная голова. И великолепная шея. Интересно, кто ее перережет?» Предчувствие оказалось не совсем точным. Вождь повстанцев Хоу Синда, ворвавшись в город, предпочел не обезглавить императора, а задушить его собственными руками.

Ян-ди остался в истории не только благодаря своей репутации сексуального маньяка. Как культурный человек он выражал свои менее жестокие чувства в стихах. Нижеследующее заставляет полагать, что жизнь других людей была ему безразлична.

НЕЖЕЛАННАЯ НАЛОЖНИЦА

Покидая внутреннюю залу,
С новой фавориткою столкнулась.
На прогулке в опустевшем парке
С господином встретила случайно.
Следует смиренно поклониться
Или избегать его при встрече?
Задрожал в руке раскрытый веер,
Слезы и печаль ее скрывая,
Видит бог, любовь не меньше стала,

Но должна хранить уединенье
Нежеланная наложница отныне,
Суждено ей жить теперь в забвенья.

Через семьсот лет после изъявления монголами покорности Ян-ди Китай был завоеван монгольской ордой. Но захватчики столь глубоко восприняли превосходящую цивилизацию, что очень скоро она стала как бы их собственной, и когда Хубилай-хан (Хэ Бале) стал править громадной империей, он снискал уважение и обрел поддержку среди своих культурных подданных тем, что поощрял и опекал художников и ученых. В своей приверженности роскошному стилю первых императоров-драконов он вновь высказал восхищение традициями придворной жизни, и ни в чем другом это не проявилось столь ярко, как в устройстве гарема.

Если не обращаться к китайским источникам, представление о Хубилай-хане и его дворе можно составить по свидетельствам, оставленным чужестранцем с запада. Во второй половине XIII века повелитель Поднебесной принял у себя Марко Поло. В книге о своих странствиях по свету этот достойный уважения путешественник поведал своим недоверчивым читателям вот что:

"Получив разрешение предстать перед Великим Царем Царей, сразу же проникаешься природной силой правителя. Глаза у него черные и властные, являя вежливость к гостю, он прекрасно осознает, какую честь оказывает нижестоящему. Когда правитель встает, с удивлением замечаешь, что он всего лишь среднего роста, хотя его могучее телосложение и широкие плечи создают мгновенное впечатление физической силы. Рот его широк и, пожалуй, отличается чувственностью, нос четко очерчен, но не выделяется. Естественная розоватость кожи выдает в нем человека более северного происхождения. Хотя этот правитель несравненно богат и окружен всевозможной роскошью, он будет вполне пригодным и для менее цивилизованных областей»⁵.

Затем Марко Поло рассказывает о женах и наложницах правителя.

«Законных жен у него четыре, и старший сын от них станет по смерти великою хана царствовать в империи; называются они императрицами и каждая по-своему; у каждой свой двор, и у каждой по триста красивых, славных девок. Слуг у них много, евнухов и всяких других, и служанок у каждой жены при дворе до десяти тысяч человек.

Всякий раз, когда великий хан пожелает спать с какою женою, призывает ее в свой покой. Есть у него и пятьсот наложниц, часть из них приводят к нему еженощно. Любимые девки его происходят из татарского племени кунграт⁶. Каждые два года великий хан посылает туда своих послов, они ему выбирают самых красивых девушек... Оценивают они этих девушек таким образом. Когда послы придут туда, они приказывают собраться всем девушкам области. Каждую подходящую по красоте осматривают в подробности, т.е. ее волосы, лицо, брови, рот, губы и соразмерность других членов, и затем оценивают в 16 карат⁷, в 17, 18, 20 и более или менее, смотря по красоте; сообразно с приказом великого хана отбирают, сколько нужно, девушек в 20 или 21 карат и уводят; их отдают женам князей, а те обязаны ночью наблюдать, нет ли у девок какого уродства, тихо ли они спят, не храпят ли, чистое ли у них дыхание, нет ли где дурного запаха.

После эту начинают они прислуживать великому хану вот каким образом: три дня и три ночи по шести девок прислуживают великому хану и в покое и в постели; всякую службу исправляют, а великий хан все, что пожелает, то делает с

ними. Через трое суток приходят другие шесть девок, и так весь год, через каждые три дня и три ночи, меняются шесть девок..., когда же великий хан сообщает, что скупают его драконовские страсти необычайной силы, приводят еще девок, которые сидят перед входом в его покои, пока он испытывает в них нужду»,

Абсолютная власть правителей-драконов длилась до падения маньчжурской династии в 1912 г., а описанный выше способ отбора самых красивых женщин империи оставался за неимением лучшего почти таким же, каким он был во времена Марко Поло. Когда одного отца спросили, почему он не воспротивился тому, чтобы его красавицу-дочь унизили раздеванием и осмотром ради сомнительной чести быть во дворце служанкой, тот ответил: «Если мою дочь выберет великий хан, она воистину родилась под счастливой звездой. Пока она нужна правителю, она будет обеспечена лучше, чем в моем доме, а когда он от нее откажется, то выдаст ее, согласно обычаю, за какого-нибудь знатного человека. Могу ли я сделать для нее что-либо лучше?»

Если курица возвещает зарю
Вместо петуха,
Если дела государства
В руках женщины,
И если возводят на престол
Князя, лежащего в постели,
Тогда империя распадется на части.

Ян Чжунь (124 г.)

Беспокойство, выразившееся в стихотворении, имело некоторые основания: действительно, временами империя была в руках женщин. Обычно это случалось, если супруга императора имела слишком большое влияние на мужа, но порой бывало и так, что какая-то из женщин хитростью или жестоким коварством захватывала трон. Такие императрицы спешили обезопасить себя, как только судьба давала им власть над мужчинами, и с этой целью выдвигали на ключевые должности других женщин и евнухов. Следует, однако, подчеркнуть, что по крайней мере в одном случае, когда государственные дела перешли в руки женщин, империя скорее выиграла, нежели проиграла.

Могущественной императрицей, которая в течение более чем полувека оказывала влияние на правителя и сама находилась у власти, была У Цзэтянь (У Чжао), скончавшаяся в 705 г. в возрасте восьмидесяти одного года. Ее возвышение началось самым скромным образом с должности наложницы пятого ранга («цай жэнь») при дворе императора Тай-цзуна. Ее взяли в гарем всего лишь четырнадцати лет от роду, но прощаясь с плачущей матерью, она проявила присущую ей зрелость суждений: «Зачем ты плачешь, коли я выбрана, чтобы родить детей Сыну Неба?» — спросила У Чжао. Такая наивность вряд ли могла успокоить мать, которая знала, что обзаводиться детьми разрешают лишь ограниченному числу наложниц (а евнухи не покладая рук производят аборты).

Войдя в гарем, У Чжао получила прозвище Раскрасавицы У и в возрасте шестнадцати лет была назначена прислуживать при августейшем туалете. Ее обязанностью было стоять подле императора, когда тот справлял малую нужду, и держать чашу с водой, чтобы он мог тут же прополоскать пальцы. Древняя книга «Чжао хоу и ши» (эпохи Сун) сообщает по этому поводу, что как-то по небрежности император замочил кайму халата, и тогда Раскрасавица У тут же предложила принести ему другую одежду. Тронутый ее участливостью, император попросил

девушку поднять глаза, всегда скромно опущенные, и, заметив ее свежесть и красоту, произнес: «Нет, эта испачканная одежда будет напоминать мне о нашей встрече». Он был так возбужден, что слегка шлепнул рукой по воде, которую та держала: «Я брызгаю водой на твои напудренные щеки», — прошептал он. Это было одно из традиционных выражений, обозначающих половое влечение, и девственница тут же дала подходящий ответ: «Я приветствую Небесные Тучки и Дождик».

Они сыграли в Тучку и Дождик на кушетке в туалете, после чего император присвоил ей титул наложницы третьего ранга, и она получила новое прозвище Самой Элегантной Красавицы У. Все это обусловило ее переход из туалета на службу в сам дворец, но не в качестве одной из любовниц для императорской спальни, а с менее важными обязанностями, тем более что девушка имела привлекательную склонность к их исполнению. Ее шансы на дальнейшее продвижение были ограничены, поскольку конкуренция на верхних ступенях гаремной иерархии была велика, и, несмотря на всю мужскую потенцию императора, могли пройти годы, прежде чем она снова обрела бы возможность участвовать в августейшем соитии. Случай, изменивший ее судьбу, произошел, когда император заболел. Вместе с другими наложницами ее скрывали от глаз посторонних мужчин, за исключением евнухов, но недуг, поразивший императора, был столь серьезным, что его сын, наследный принц Ли Чжи, поспешил к постели отца. Выйдя наконец из его покоев, он столкнулся с Самой Элегантной Красавицей У, ожидавшей снаружи. Несмотря на свое сыновнее почтение, он почувствовал влечение к ней, остановился, чтобы спросить ее имя, а затем удалился к себе.

Вслед за тем начались тайные встречи наследного принца с наложницей третьего ранга. Сообразив, что жить императору осталось недолго, У Чжао решила, что ее будущее зависит от его сына. Император вскоре скончался, место его на троне занял, как и полагалось, наследный принц. Однако Самая Элегантная Красавица У позабыла об одном обычае двора. Дело в том, что новому императору запрещалось брать себе в гарем наложниц своего предшественника. Поэтому-то У Чжао не удалось занять место одной из фавориток. Вместе с другими женщинами Тайцзуна ей обрили голову наголо и заточили в буддийский монастырь Гань Янь. В то время девушке было двадцать четыре года, и всю свою оставшуюся жизнь ей предстояло пробить монахиней.

Новый император принял имя Гаоцзун, но самое начало царствования тут же осложнилось злобной ссорой его жен. Две из них больше других претендовали на ранг императрицы, а император с тоской вспоминал нехитрые радости, которые дарил ему когда-то нынешняя узница. Тогда он вынудил министров пересмотреть старые обычаи и освободил У Чжао. Как только Самая Элегантная Красавица У снова оказалась во дворце, на этот раз в высоком ранге супруги, она стала стремиться к тому, чтобы обойти двух могущественных жен императора. И ей это удалось благодаря рождению сына. Вскоре младенец был обнаружен мертвым, и явно расстроенная У Чжао обвинила в убийстве двух ревнивых женщин, которым никак не удавалось родить сыновей. Она уверила императора в их виновности и потребовала доставить их к ней для наказания. Ее доводы показались императору столь убедительными, что он согласился с требованием У Чжао.

Жен наказали обычным для того времени образом: каждая получила по сто ударов палкой, затем им отрубили руки и ступни ног, бросили в огромные винные чаны и оставили там умирать. Одна из жен, Чистая Возлюбленная, прожила два дня. На ее агонию часто приходила посмотреть У Чжао. Перед самой смертью Чистая

Возлюбленная выкрикнула, что вернется с того света в виде кошки и отомстит. Эту угрозу У Чжао запомнила на всю жизнь, и с тех пор ни в одном из ее дворцов не заводили кошек.

Вскоре после воцарения У Чжао в качестве императрицы Гаоцзуна хватил удар. Поскольку, увлекшись ею, он отдалил от себя всех своих министров, теперь ему пришлось вверить У Чжао государственные дела. Она быстро воспользовалась преимуществами своего нового положения, интуиция предсказывала императрице решающие перемены в ее судьбе. Поэтому она завела интриги против вероятных соперников, обвиняя их в преступлениях против хворающего императора. Конкурентам отрубали головы либо ссылали в отдаленные места. Она не пощадила даже собственного сына, отравив его, равно как и сыновей других жен, которые могли претендовать на титул наследного принца.

Устранение всех возможных конкурентов не завершилось до смерти Гаоцзуна, но власть У Чжао была уже столь велика, что на трон возвели слабовольного Чжун Цзуна. Тем не менее она не прекратила преследовать свои честолюбивые замыслы. Ее авторитета вдовствующей императрицы вместе с репутацией безжалостной женщины было достаточно, чтобы уговорить министров убрать молодого человека под предлогом его незрелости. Как только он был сослан в отдаленную провинцию, она тут же принялась уничтожать соперников, уцелевших после первого акта террора. Погибли все, кто хоть в какой-то степени мог считаться претендентом на престол, в их числе не только родственники покойного мужа, но и ее собственные братья и племянники. Наконец остался лишь один претендент. Когда ее провозгласили императрицей У Цзэтянь, она оказалась первой женщиной, столь высоко поднявшейся в иерархии Поднебесной.

Конфуций о женщинах:

«Женщина, не обладающая большими талантами и выдающимися достоинствами, более других способна доставить удовлетворение мужчине».

Императрица У возвысилась благодаря своим коварству и жестокости. Немало способствовало ее успеху и присущее ей женское обаяние. Она умела безошибочно распознавать мужские слабости. Будучи любовницей двух правителей, вступая во многие другие связи, она оказалась прекрасно приспособленной к господству над сильным полом. В дальнейшем она укрепила свою власть, назначив на ответственные должности женщин. Это, впрочем, относилось не только к государственным делам. Одной из наиболее замечательных была должность Высочайшей отборщицы. На этот пост была назначена Шангуань Ваньэр, в прошлом наложница, в обязанности которой входило на основе личного опыта отбирать тех мужчин, которые могли бы наилучшим образом удовлетворить императрицу. Высочайшей отборщице было приказано начать с трех тысяч дворцовых стражников, но месяц спустя она обратилась к правительнице со следующей мольбой: «Ваша низжайшая подданная, не обладающая драконовским духом Инь и страстностью Вашего Величества, не способна более выполнять эти обязанности. Мои члены настолько ослабели, что я едва могу сидеть, мой рот так болит, что я не могу есть, и все мое тело ноет так, что я даже спать не могу».

Императрица У, возраст которой уже приближался к пятидесяти годам, откликнулась на мольбу и решила испробовать для отбора самых сильных мужчин со всей страны другой способ. Это была одна из разновидностей «конкурсов красоты», на которых обычно отбирали наложниц для императора. На этот раз дело поручили генералу Лю Жэнькую (601—685). Когда императрица была еще юной

наложницей, она стала свидетельницей того, как этот генерал унизил ее первого мужа, и теперь вознамерилась отомстить за оскорбление. В том давнем случае император Тай-цзун забавлялся с ней в окружении зеркал, что было его любимым развлечением, позволявшим ему в процессе соития рассматривать собственное тело в различных ракурсах. Внезапно с требованием срочной аудиенции явился генерал Лю, и император, не отрываясь от удовольствий, позволил ему войти. Генерал, убежденный конфуцианец, неодобрительно посмотрел на зеркала и сказал: «На небе только одно солнце, а на земле только один правитель. Но Ваш низкий слуга видит в этих зеркалах множество высочайших повелителей. Это определенно не понравится Вашим славным предкам».

Двадцатью годами спустя императрица не без удовольствия поручила победителю во многих сражениях куда менее героическую миссию. Ему было приказано сменить военное платье на обычную одежду и в сопровождении отряда офицеров, экипированных таким же образом, начать объезжать страну уезд за уездом в поисках мужчин выдающейся мощи и соответствующего телосложения. Генерал-конфуцианец принял приказ к исполнению, хотя знал, что ему придется наводить справки в публичных домах каждого города. Но именно во время этого мероприятия и был обнаружен великий Сюэ Хуайи.

Генерал и его люди только-только успели зайти с расспросами в один из борделей, как услышали перебранку двух девушек. Одна из них кричала: «Пусть Яшмовый Пест Большого Сюэ разможит твой Цветочный проход!» Визит в дом этого мужчины подтвердил, что репутация его заслуженная, после чего ему сообщили о чести, которая его теперь ожидала. В своем родном городе Лояне Большой Сюэ был разносчиком лекарств и торговцем возбуждающими средствами. Опыт подобного рода вкупе с его устрашающим снаряжением привели к тому, что императрица стала предпочитать Большого Сюэ всем другим наложникам-фаворитам. Он подтвердил свою славу в нескольких сексуальных состязаниях, а его возлюбленная, публично признав его превосходство, якобы произнесла следующие слова: «То, что я держу в руке, приносит мне больше радости, чем вся моя империя» («Да е ши и цзе», автор — Ли Датянь 631—725 гг.). Несмотря на присущую ей страсть унижать мужчин, императрица полюбила купать непревзойденный Нефритовый Стебель в воде с лotosовыми цветами.

Всего за два года неутомимая императрица У истожила своего выдающегося фаворита, и столь глубока была ее печаль, когда тот умер, что она удалилась во дворец Сань Ян в область Цинь. Среди высоких гор она вновь ожила духом, а непреходящая сексуальная озабоченность заставила ее искать новых развлечений. Она заполнила дворец Сань Ян четырьмя сотнями мужчин, каждый из которых был, как сообщается, более чем двухметрового роста и соответствующего телосложения. Наблюдать за ними приставили тридцать докторов. Им приказали усовершенствовать таинственный эликсир вечной юности. С древних времен основными его ингредиентами считались сперма человека и кровь тигра. Результаты их изысканий были, по преданиям, столь успешными, что императрица принимала эликсир до конца дней своих.

Когда У Чжао было уже около восьмидесяти, она вступила в близкие отношения с братьями Чжан и, хотя братья считались гомосексуалистами, они неотлучно, круглые сутки, находились при императрице. Ее час пришел, когда они все втроем развлекались в спальне. Пятьсот могущественных Левых и Правых телохранителей подняли восстание, ворвались во дворец и захватили двух ее фаворитов. Их разру-

били на куски за двенадцать часов, а головы и половые органы вывесили на каменном парапете Небесного моста. Императрице удалось избежать их печальной участи. Из уважения к преклонному возрасту ее просто тихо отстранили, а освободившееся место занял тот самый слабовольный Чжун Шуи, которого она сместила тридцать лет назад.

Старинная китайская поговорка:

«У женщины-дракона, брови в форме восьмерки (китайский иероглиф), глаза с двойными зрачками и уши с тремя отверстиями. На ее грудях по два соска, все ребра сросшиеся, а клитор длиной в дюйм».

Сказать про принцессу Шаньинь, незамужнюю сестру императора Цзан У⁸, что это женщина-дракон, ничуть не будет преувеличением. Ей было уже почти тридцать лет, когда она обратила внимание своего брата на несправедливость положения, в котором оба они находились. «Мы с тобой царской крови, — напомнила она ему, — дети одних родителей, а ты вот имеешь тысячи наложниц, чтобы питать свою сущность — Ян, я же, принадлежа к слабому полу, лишена права иметь гарем из мужчин, чтобы питать свою сущность — Инь». Император признал справедливость ее рассуждений и позволил ей выбрать себе мужчин из числа его лучших воинов.

По меркам того времени ее первые запросы были весьма скромными. Она соглашалась удовлетвориться тридцатью мужчинами, одним на каждую ночь месяца. Столь большой сексуальной свободой в то время (династия Тан, 618—916 гг.) пользовались только проститутки, но благодаря огромной власти и престижу императора его подданные смирились с таким отходом от конфуцианских представлений о месте женщин в обществе.

Вскоре, однако, принцесса Шаньинь пожелала, чтобы все ее тридцать любовников находились с ней еженощно. Для этой цели она приказала сделать себе кровать на ста ножках. Как только новизна ощущений прошла, она пожаловалась брату, что личный состав ее воинства не способен удовлетворить ее и что она страдает от избытка сущности — Инь. Император был настолько поражен неумной «драконовской страстью» сестры, что построил для нее Дворец Желания у Таинственных Врат. Он находился в самом отдаленном уголке обширной территории главного столичного дворца и охранялся особым отрядом евнухов, названных «Славными головами на плечах».

Особенностью жизни при дворе была взаимная ревность между фаворитками. Хотя из тысяч забытых женщин гарема большинство смирились с тем, что им вряд ли удастся достичь ранга супруги или, тем более, императрицы, но раз оказавшись в непосредственной близости к повседневной жизни императора, они уже стремились использовать любую возможность, чтобы возвыситься над ближайшими

Танская куртизанка Сюй Юэин. Из альбома художника XIX в. У Ю

соперницами. Существует много рассказов о жестокостях, которые причиняли друг другу жены и наложницы. Сюй Инцю (историк XIV века) пересказывает случай с фавориткой князя Цюя, Гаосинь. Она была вместе с князем в спальне, когда туда ворвались две пылавшие ревностью наложницы Чжаопин и Диюй и попытались убить ее. Они были схвачены евнухами, а Цюй, выразив сочувствие к Гаосинь, которая была на волосок от смерти, разрешил ей выбрать для соперниц способ наказания.

Сюй Инцю повествует:

«Диюй и Чжаопин вывели на площадь, сорвали с них одежды и велели им стать на колени лицом к земле. Баранов, козлов и даже собак заставляли совокupляться с женщинами, что весьма забавляло Гаосинь, наблюдавшую за всем этим. Мучения двух наложниц закончились, когда вместо традиционного обезглавливания они были разрублены пополам».

Обладая жаждой власти и будучи склонной к садизму, Гаосинь бдительно выискивала малейшую возможность, чтобы доказать князю Цюю свою любовь и преданность, а свойственная ей жестокость подвигла ее на поиски очередной жертвы. Особенную ревность она испытывала к наложнице наполовину персидской крови по имени Ван Цзин. Прослышав, что та заказала художнику свой портрет, Гаосинь сообщила князю, что Ван Цзин позировала обнаженной. Это было обвинение посерьезнее, чем упрек в неверности, и князь поверил оговору. Когда Гаосинь испросила его разрешения строго наказать преступницу, просьба ее была удовлетворена.

Как сообщает Сюй Инцю, Ван Цин вначале подверглась порке и пыткам раскаленными иглами. Затем ей выдрали все волосы. В этот момент ей удалось вырваться, и она помчалась к колодцу, намереваясь броситься туда. Это ей не удалось, Ван Цин схватили и привели обратно к Гаосинь, которая приказала «распластать ее на земле и воткнуть ей раскаленные прутья в Яшмовый Павильон». Когда Ван Цин потеряла сознание, «ее разрезали на куски, начиная с лица, а останки бросили в тот самый колодец, к которому она так стремилась».

Гаосинь являла преданность Цюю и впредь, вознамерившись исправлять поведение женщин в гареме. Когда наложницу Юньай застали в объятиях евнуха, имевшего «драконовское приспособление», ее обвинили не только в неверности, но и в оскорблении мужских достоинств князя. Юньай, как и многие ее предшественницы, понесла должное наказание. Ее привязали к столбу, выдернули руки и ноги из суставов, выкололи глаза, а открытые раны и отверстия в нижней части тела залили жидким свинцом.

За всю свою карьеру Гаосинь замучила до смерти четырнадцать женщин, а влияние, которое она имела на принца, побудило того превзойти в сексуальных излишествах самого себя. Он приказал расписать все стены дворца сверху донизу красочными сексуальными изображениями, после чего изо дня в день устраивал смотр своим служанкам и стражникам, взрослым детям и прочим родственникам, даже престарелым дядям и тетушкам, заставляя их имитировать росписи на стенах. Князь Цюй владел также прекрасной коллекцией эротических картинок, нарисованных на коже, содранной с новорожденных младенцев — в то время это была самая гладкая поверхность, которую мог использовать художник.

Преданность наложниц, впрочем, не всегда выражалась в такой отвратительной манере. Существует множество рассказов о красоте и самопожертвовании, в которых эти женщины предстают смелыми и глубоко принципиальными личностями. Так,

например, в гареме князя Ван Пинсюя как-то раз появилась наложница Ли Ши. Вскоре после этого первая жена князя Нань Нан, снедаемая ревностью, проникла в комнаты новой наложницы, намереваясь заколоть ее кинжалом.

Ли Ши стояла у окна, расчесывая свои длинные волосы, когда жена князя, размахивая кинжалом, бросилась к ней.

— Почему ты так спокойна перед лицом смерти? — закричала она.

— Когда твой муж покорил мою родную провинцию, — отвечала Ли Ши, — он уничтожил всю мою семью за исключением юных девушек, а по сколько я выделялась своей красотой, меня привезли к нему в гарем. К чему же мне избегать воссоединения с моими славными предками?

Ее спокойствие было столь поразительным, что принцесса отбросила кинжал, обняла ее и сказала:

— С этой минуты я буду считать тебя своей младшей сестрой. Я попытаюсь искупить этим вину моего мужа.

И, как сообщают, они были друг другу словно сестры всю оставшуюся жизнь.

Трогательную историю рассказывают о Волшебной супруге первого ранга Фань Цзи. Как-то раз после того как правитель Чу необычно долго беседовал со своими министрами, его встретила в коридоре дворца наложница.

— Ваше величество выглядит усталым и голодным, — сказала Фань Цзи. — Могу я чем-либо утешить Вас?

— Волшебная супруга, — ответил правитель, — когда я выслушиваю преданные и мудрые речи моего первого министра, я забываю о голоде и усталости.

— Значит, вы считаете преданность и мудрость высочайшими добродетелями первого министра?

— Несомненно, — согласился правитель.

Фань Цзи на мгновение задумалась, а затем сказала:

— В течение одиннадцати лет я приходила к Вам. Я ежедневно купала Вас, мыла Вам волосы, держала полотенце и помогала одеваться. Когда Вы отдыхаете на своем ложе, я заворачиваю Вас в одеяло. Когда Вам прискучивают мои прелести, я рассылаю по стране своих слуг, чтобы они нашли для Вас новых девушек. В Вашей семье десять женщин моего ранга и две жены, занимающие более высокое положение, чем я. Разве я хоть раз выказывала к ним ревность? Как же может быть, что первый министр предан Вам больше, чем я? Разве он хоть когда-нибудь был столь предусмотрительным, чтобы выдвинуть других, которые больше пришлись бы по душе императору? И правитель склонил голову в знак согласия.

Покинутый дворец

Брошенный дом среди руин обветшалых,
Серая мышь копошится в пыли,
Ветер вздыхает в оконных глазницах...

Кто был тот принц, что владел им,
Дворцом, где прежде звучали
Песни и смех до рассвета?

Девы уснули в забытых могилах,
С предками рядом и принц упокоен.

Стелятся длинные травы в печали,

Ветви склонились в тоске.

Возможно ль постичь бесконечность?

Ду Фу (713-770 гг.)

ОБЯЗАННОСТИ И СТРАСТИ ЕВНУХОВ

Сказано в Поднебесной: «Есть лишь одно несчастье большее, чем родиться женщиной, — это стать евнухом». Впрочем, данное утверждение вовсе не обязательно относилось к тем, кто был удостоен высокого положения при дворе. Самым знаменитым китайским евнухом был адмирал Чжэн Хэ, возглавивший в 1405 г. экспедицию к побережью Африки (для того времени, кстати, это было рекордное по длительности путешествие первооткрывателей). Тем не менее в большинстве своем придворные кастраты — «придворные крысы» или «ковыляющие вороны» — приравнивались к женщинам. В древней «Книге песен» говорится:

«Не в небесах источник смут,
А в женщине причина тут.
Ни поучений, ни бесед
Для евнухов и женщин нет»¹.

Этот предрассудок находит некоторое подтверждение в китайской истории. Ведь евнух играл важную роль в самых интимных отношениях между мужчинами и женщинами, а потому пользовался влиянием там, где императоры и князья были наиболее уязвимы. Как имеющий много общего с обоими полами, он считался подходящей фигурой для выполнения стоящих перед ним задач, поскольку обладал разумом и кругозором мужчины и в то же время благодаря своему физическому состоянию способен был понять женскую психологию. Возвышение евнухов при дворе можно объяснить двумя обстоятельствами: целенаправленными личными амбициями, свойственными человеку, глубоко страдающему от определенных лишений, а также осознанием необходимости объединения с себе подобными в целях самозащиты. В результате евнухи создавали могущественные и безжалостные клики.

Их судьбы и место в иерархии Поднебесной зависели от темперамента императора и власти, которой тот располагал. Отдельные правители в той или иной степени использовали институт кастратов в своих интересах. Некоторые не популярные в народе императоры, а также те из них, кто не был уверен в лояльности своих приближенных, выдвигали евнухов на высокие должности, где они и служили в качестве распорядителей, главнокомандующих, финансовых советников и налоговых инспекторов. Тем не менее их традиционной обязанностью оставалось управление всеми делами гарема.

Молодые и сильные евнухи служили в охране сераля, способные и деловые отвечали за внутреннее устройство, старшие по возрасту и те, кто пользовался особым доверием императора, составляли расписание его сексуальной деятельности и обретали благодаря этому возможность покровительствовать отдельным женщинам. Это был неиссякаемый источник дополнительных доходов, и, поскольку евнухи имели хорошее представление о власти денег, они пользовались любой возможностью, чтобы увеличить свое состояние. Продвижение наложниц по «должностной лестнице», особое отношение за предоставленную тем или иным наложницам честь участвовать в Царственном соитии, оказание помощи их семьям в добывании определенных привилегий при дворе и даже разрешение на незаконную связь с другими мужчинами — эти и другие стороны гаремной жизни приносили евнухам должное вознаграждение. В самых же высших сферах они зачастую были теневой властью, а то, что евнухи пользовались покровительством императора, служило гарантией их лояльности в условиях враждебного окружения.

Евнухов часто сравнивали с кастрированными животными. Как говорили, оскопи лошадь — и она перестанет вставать на дыбы, но по-прежнему будет хороша в работе. Оскопи быка — и ярость его исчезнет, а сила останется прежней. И кастрированная собака не рыщет по закоулкам, а послушно идет у ноги хозяина. В то же время кастрированный слуга («син чэнь») рискует утратить всю свою мужественность и многие мужские черты, но зато приобретает другие, притом бесконечно более сложные ощущения. Характер его обычно делается более злобным, жестоким и недоверчивым, он обладает повышенной чувствительностью к своему физическому уродству. Утрата сходства с другими мужчинами превращает его в изгоя общества, его страстью становится стремление к власти и богатству. Однако постоянная связь с гаремом и близость к его обитательницам неизбежно вели к тому, что евнуха отождествляли с женским полом, даже когда он выступал в качестве главного телохранителя, облаченного в военную униформу.

Чтобы понять своеобразный характер евнуха, болезненность самой операции и различные степени кастрации, полезно ознакомиться с нижеследующим описанием, принадлежащим Картеру Стенту, знатоку китайской придворной жизни. Впервые оно увидело свет в «Журнале королевского азиатского общества» (Северокитайский филиал, 1877).

«Операция осуществляется таким образом. Нижнюю часть живота и верхнюю часть бедер крепко обматывают белыми жгутами или бинтами, чтобы избежать чрезмерного кровотечения. Затем органы, подлежащие операции, три раза обмывают водой с перцем, при этом будущий евнух стоит согнувшись. Когда органы достаточно вымыты, их отсекают как можно выше небольшим кривым ножом, напоминающим серп. По завершении кастрирования рану покрывают бумагой, вымоченной в холодной воде, и тщательно забинтовывают. После перевязки пациента заставляют ходить по комнате в течение двух-трех часов при поддержке двух «мясников», а затем разрешают ему лечь. Пациенту не разрешается ничего пить целых три дня, в течение которых он испытывает невыразимые муки не только от жажды, но и от невозможности облегчиться. По прошествии трех дней повязку снимают и страдальцу становится легче. Если отделение мочи идет удовлетворительно, пациент считается вне опасности и принимает поздравления. Но если несчастный калека не способен помочиться, он обречен на мучительную смерть, поскольку каналы распухают и ничто уже не может его спасти».

Существовало три вида кастрации: полное удаление половых органов, отрезание одного лишь члена и отделение яичек. При полном удалении («син чэнь»), после того как рана затянется, в нее вставляли металлическую, бамбуковую или соломенную трубочку для мочеиспускания. В ней нуждались и евнухи второй категории, сохранившие яички, а поскольку они нередко испытывали плотское вожделение, «трубочка» служила и для выведения семени. С течением времени, когда в обиход вошли всякого рода секс-приспособления из резины, семя начали направлять наружу через искусственный пенис — предмет, позволявший евнухам вести в случае женитьбы нормальную семейную жизнь.

В третью категорию кастратов (лишенных только яичек) обычно входили те, кто подвергся операции в качестве наказания за какой-либо проступок, либо военнопленные. В последнем случае оскопление происходило путем раздавливания, протыкания раскаленным железным прутом, отрывания мошонки либо

перетягивания ее крепкой веревкой, останавливавшей кровоснабжение. Обычно это вело к гибели человека.

Кастрировали, как правило, до наступления полового созревания. По крайней мере, это относилось к мальчикам, избранным для службы у императора, и потому многие отцы, озабоченные преуспеванием своих сыновей в предстоящей жизни, подвергали их оскотлению в надежде, что тех примут на службу во дворец. В основе отцовских амбиций не всегда лежало бескорыстие. Добившись высокого положения, кастрат обязан был помогать всем членам своего клана. Для подвергавшихся кастрации в зрелом возрасте риск был несравненно большим. На три удачные операции приходилась одна со смертельным исходом. Поскольку в прежней жизни евнух испытывал сексуальные влечения, а иногда и имел некоторый опыт, его обычно обуревали самые настоящие мучения. Вот как описывает подобные чувства главный евнух в сочинении Монтескье «Персидские письма» (1721).

«Я поступил в серале, где все внушало мне сожаления о моей утрате: каждое мгновение я чувствовал возбуждение; тысячи природных красот раскрывались предо мною, казалось, только для того, чтобы повергнуть меня в отчаяние. В это время смятения всякий раз, как я сопровождал женщину до постели моего господина, всякий раз, как я раздевал ее, я возвращался к себе с яростью в сердце и с ужасной безнадежностью в душе... Помню, как однажды, сажая одну женщину в ванну, я почувствовал такое возбуждение, что совсем потерял рассудок и осмелился коснуться рукой одного страшного места. Придя в себя, я подумал, что настал мой последний день. Однако я оказался настолько счастлив, что избежал тысячи мучений. Но красавица, которую сделал свидетельницей своей слабости, очень дорого продала мне свое молчание: я совершенно потерял всякую власть над нею, и с тех пор она вынуждала меня к таким поблажкам, Которые тысячи раз подвергали жизнь мою опасности»².

Степень могущества и количество евнухов в Поднебесном Дворце менялись с каждым новым его хозяином, увеличиваясь при слабых правителях и резко уменьшаясь при таких императорах, как Канси, который выгнал из своих многочисленных дворцов шесть тысяч евнухов. Однако со времени Цяньлуна (1736—96) вплоть до падения династии в 1911 г. влияние и власть евнухов неуклонно возрастали. Император Цяньлун увлекался искусствами и литературой, и его убедили доверить руководство текущими делами, по сути само государство, евнухам. Подобная передача полномочий питалась и верой в то, что император — персона слишком величественная, чтобы позволить себе иметь в качестве личных друзей простых смертных. И здесь на помощь евнухам косвенным образом приходила традиция. Поскольку они не считались мужчинами, то вполне могли стать гораздо ближе к императору, чем обычно допускалось при дворе.

Снисходительность Цяньлуна позволила евнухам укрепить свои позиции. Более того, они получили возможность вести тот же образ жизни, что и наиболее распущенные из их хозяев. Как только прежние чиновники и министры оказывались смещенными (при условии, что сам император оставался на своем месте), евнухи получали полную свободу явить свои потаенные желания. Они занимали дворцы и превращали их в собственные гаремы, до новых крайностей доходила освященная временем коррупция в финансовых делах, при налогодоборении и предоставлении привилегий, и лишь незначительная часть собранной с народа дани доходила до императорской казны. Но более всего евнухи были озабочены тем, чтобы вернуть себе утраченное естество. Их бесконечные усилия подогревала вера в то, что

непрекращающаяся сексуальная деятельность может привести к самовозрождению утраченных органов. Подобные предания (и соответствующие надежды) понуждали евнухов окружать себя толпами женщин, предназначенных для того, чтобы держать кастрата в постоянном возбуждении, смазывать область вокруг рубца «оплодотворяющей» сущностью — Инь и превращать дворцы в место развлечений. Муки и разочарования евнуха были столь велики, что половое бессилие превращало его в дикого зверя. Вот что говорится в источнике XIII века:

«Область зарубцевавшейся раны пламенеет от сводящих сума эротических ощущений. Кровеносные сосуды вот-вот готовы лопнуть, хотя облегчения, как известно, не наступит». Женщины в результате подвергались садистским и бесчеловечным мучениям. Так, например, придворным слугам и служанкам приказывали постоянно возбуждать этих несчастных с целью стимулировать истечение сущности — Инь».

Ричард Бёртон³ (1821—1890) повстречал как-то в своих странствиях жену одного евнуха, которая описала ему терзания своего мужа. Пока евнух стремился достичь оргазма, она должна была держать перед собой подушку, которую он мог кусать, в противном случае ее плечи, щеки и грудь были бы просто разодраны. Попытки евнухов восстановить утраченную сексуальность подробно описаны, но никаких свидетельств вырастания второго пениса не приводится. Тем не менее среди императоров и прочих правителей постоянно царил страх, что в один прекрасный день это чудо свершится, а в некоторых случаях особо бдительные повелители приказывали на всякий случай подровнять давно выхолощенную часть тела евнуха.

В одной из таких историй рассказывается о главном евнухе по имени Бэй, служившем при дворе императора Цяньлуна. Он был настолько уверен в своем могуществе, что бросил вызов самому первому министру. На какое-то время министр оказался в беспомощном положении, а затем придумал нечто, способное взволновать даже этого снисходительного правителя. Он сообщил императору, что у его евнухов вновь стали расти члены и что те имели поползновения в отношении царских наложниц. Цяньлун сильно встревожился и назначил проверку, поручив первому министру возглавить расследование. Министр, озабоченный в первую очередь собственным положением, доложил, что слухи нашли подтверждение. Император посоветовал первому министру принять необходимые меры, и среди тех, кто подвергся еще одной операции на той же части тела, был и главный евнух Бэй.

Помимо афродизиаков и травяных настоев, постоянного массажа при помощи сущности — Инь и квазисексуальных упражнений, излюбленным, восстанавливающим средством служили свежие человеческие мозги. Старшие евнухи имели право приказывать обезглавить многих из числа тех, кто считался врагом императора, а также обычных преступников определенных категорий. Черепа казненных немедленно раскалывали и доставляли содержимое в еще теплом виде тем, кто жаждал регенерации своих органов. В тех обстоятельствах было вполне естественно (или неестественно), что евнухи в попытках возродить утраченную сексуальность прибегали к оккультизму, вследствие чего в обществе, где обычно господствуют предрассудки и различные формы колдовских суеверий, существовал обширный набор разного рода снадобий, зелий и лекарств.

Ингредиентами самых излюбленных снадобий были части человеческого тела, а наиболее целебными свойствами якобы обладали печень, плацента, семенная жидкость и менструальная кровь. Считалось, что они благотворно влияют на укрепление «цзин» (семени), восстановление Мужского Острия и лечат от судорог. Б

своем «Собрании изысканных средств» (XII век) У Цю подчеркивает превосходные тонизирующие свойства человеческой плаценты. Его метод приготовления лекарств состоит в следующем:

«Нет разницы между Пурпурной Лодкой (плацентой) младенцев мужского и женского пола, но особенно полезна плацента первенца. Как только мать извлекает Пурпурную Лодку, ее следует прополоскать в котле с рисовым отваром, а затем целиком погрузить в проточную воду и оставить там, пока, она не очистится от поверхностной слизи и волокон, Для окончательного устранения всех злых духов ее следует вымочить в чашке с материнским молоком. После этого ее нужно сушить на солнце до тех пор, пока она не станет хрупкой и, наконец, растолочь. Порошок надлежит обжарить в фарфоровой посуде».

Дун Бинь, другой врач XII века, рекомендовал варить плаценту в вине, затем замешивать ее с тестом и подавать с травами и специями как «пельмени». Ли Шичжэнь в своем «Медицинском трактате» (XIV век) описал «цзин» как Пламя Луши и уверял, что дьявольский характер евнухов определяется тем, что Жизненная Сущность никак не может найти выхода. Это, впрочем, не помешало Ли Шичжэню порекомендовать снадобье для ненавистных евнухов: «Семя зрелых молодых мужчин надлежит смешать с экскрементами ястребов или орлов и принимать в виде пилюли».

Приготовление эликсиров, содержащих менструальную кровь, было как бы попыткой решить проблему с другой стороны — дух Ян евнуха возбуждался при помощи женских выделений. Предпочтение отдавали месячным девственниц, причем особо ценилась первая менструация. Из крови делали нечто вроде мази, которой евнухи смазывали рубец от раны. По сведениям Ли Шичжэня, разновидностью этого же рецепта можно считать использование «первого истечения» после рождения младенца мужского пола, но в этом случае лекарство принимали внутрь.

В разное время и в разных местностях одобрительно относились к поеданию человеческого мяса как средству возрождения утраченной сексуальности евнухов. Главный евнух Ли Го (II в.) так описывает свои вкусовые ощущения: «Мясо было сладкое, с изысканным ароматом, похожее на мясо молодого оленя, особенно печень». Продукты для своей отвратительной диеты Ли Го находил во рву, куда сбрасывали отрубленные руки воров, которые каждое утро собирал для него один из слуг. Печень и желчный пузырь считались вместилищами жизненной силы, а человеческая кровь якобы делала Ли Го невидимым, «когда наступала темнота». В результате евнуха обвинили в том, что он якобы бродил незамеченным среди наложниц, когда те спали. В качестве доказательства его вины были предъявлены следы от укусов и шрамы на телах тех женщин, которые долго не принимали участия в Царственном соитии. Поскольку ради репутации всех вовлеченных в это дело нужно было найти виновного, Ли Го понес наказание за связь со сверхъестественными силами. Его «разрубили на мелкие куски».

Старинная китайская поговорка:

«Мужчине надлежит быть столь же храбрым как Пэн Лэ, которому пропороли живот в сражении у Великой Стены. Из раны вылезла кишка, которую он попытался, засунуть обратно. У него ничего из этого не вышло, тогда он отсек ее и тут же бросился в битву опять».

Евнухов поощряла к женитьбе грозная императрица У (У Чжао). Она была исполнена решимости уменьшить влияние мужчин, которые, как ей стало известно,

высказывали недовольство властью женщины. Она стремилась к тому, чтобы евнухи обрели уважение в обществе, а популярность их увеличилась, и те благосклонно отнеслись к ее усилиям. Многие из них вели нормальную семейную жизнь. Они нередко брали на воспитание детей и давали им образование по высшим конфуцианским стандартам. Чтобы впечатление, будто они ведут обычный образ жизни, было полным, они заводили себе жен второго ранга и наложниц. Императрица дала своим евнухам дополнительное поручение следить за образованием и культурным уровнем тысяч обитательниц гарема, содержащихся для ее родственников-мужчин, и это также способствовало росту самоуважения среди ее кастрированных слуг.

Не все правители, благоволившие своим евнухам, стремились устроить их на административные должности при дворе, но император Сюаньцзун использовал их агрессивное чувство неполноценности, поручив им командовать силами безопасности. Гао Лиши, считавшийся «евнухом-драконом», получив назначение на должность командующего «отборным отрядом» дворцовой гвардии, приказал подвергнуть репрессиям сотни буддийских монахов и монахинь, вызвавших ярость правителя. В то время буддизм пользовался покровительством в верхах Поднебесной, а император прислушивался к предсказаниям и советам буддистов. Однако в 695 г. дотла сгорел храм Мин Тан, что было расценено как знак небесного недовольствия. Императору показалось, что монахи должны помогать властям избегать подобных бедствий. Поощряемый конфуцианцами, временно пребывавшими в немилости, Сюаньцзун приказал Гао Лиши пытаться и обезглавить все население буддийских монастырей.

Командующий Гао вначале повелел кастрировать монахов, сварить их гениталии и накормить ими монахинь. В свою очередь, согласно «Анекдотам ранней Тан», составленным неким Сюнь Фу, монахини, обладавшие большой грудью, должны были отрезать ее и сварить для тех монахов, которые избежали кастрации. Затем их подвергали следующим пыткам: «Светлые глаза» (мешочки с негашеной известью кладут на глаза жертве), «Разламывание пальцев» (между пальцами помещают палочки и стягивают руку крепкой веревкой), «Змеи с кипятком» (вокруг обнаженного тела обматывают мягкие металлические трубки в форме змей, а затем наливают в раскрытые «рты» этих змей кипящую воду). После пыток командующий Гао приказал вывезти выживших буддистов в узкое ущелье, где их освободили, после чего он велел своим конным телохранителям затоптать их насмерть. Ко времени кончины Гао его гарем состоял из пятисот наложниц, а коллекция всяких сексуальных приспособлений считалась выдающейся даже по тем временам.

Еще одним «евнухом-драконом» в правление Сюаньцзуна был Ван Фэйшэн. Первый министр Шан Гуаньби убедил его присоединиться к заговору с целью убрать императрицу, которую оба они ненавидели. Министр обратился к Вану потому, что тот пользовался большим уважением императора. Ван Фэйшэн заслужил благосклонность, когда его хозяин, пресытившийся прекрасными наложницами, потребовал отыскать самых безобразных и искалеченных женщин империи. Евнух послушно выполнил приказ, построил «Дворец желанных монстров» и населил его уродинами и калеками, карлицами и чудищами. Там была даже женщина с двумя головами, которые во время занятий любовью с императором одновременно отзывались на его страсть.

Поскольку Ван Фэйшэн был любимым слугой императора, Шан Гуаньби доверительно сообщил ему, что императрица занимается колдовством и поклоняется

даосскому культу черной магии. Оставленная без внимания императрица, добавил он, произносила заклинания, чтобы вызвать у императора импотенцию. Когда евнух сообщил все это императору, тот призвал к себе первого министра и спросил его совета. Шан Гуаньи предложил отстранить императрицу от власти, пока она не успела причинить императору вред, но правитель, любивший свою жену, попросил вначале представить ему достаточные доказательства.

Тогда евнух Ван подобрал нескольких наложниц, которые поклялись дать показание о том, будто они видели, как императрица занимается черной магией. Кроме того, он подкупил нескольких даосских монахов (открыв им доступ в гарем), чтобы те подтвердили то же самое. К несчастью для Вана, один неподкупный монах сообщил императрице о заговоре против нее. Еще не успели собрать для императора все свидетельства, как она уже вполне убедила мужа в своей невиновности. Будучи сильной личностью, она настояла на том, чтобы ей позволили самолично наказать заговорщиков.

Все было сделано по закону: вначале Вана и Шана заставили подписать признания, которым предшествовали двухдневные пытки, затем их обезглавили, имущества конфисковали, а их семьи отдали в рабство.

В основе китайской пытки лежал принцип соответствия преступления наказанию. Вора́м обычно отрубали руки, скрывающимся от властей — перерезали подколенное сухожилие, а сама пытка, являясь физическим наказанием, была в то время призвана продемонстрировать жертве ошибочность его поступка. Публичный позор также был составной частью наказания, а в обществе, где особо важную роль играли статус человека и его «лицо», это было далеко не самым легким страданием для преступника. Примером пытки, направленной на то, чтобы и физически и психологически ущемить виновного, является ношение канги. Наказание это применялось к растратчикам, шулерам и несостоятельным должникам. Канга представляла собой тяжелую деревянную доску размером примерно метр на метр с дырой посередине, которую одевали на шею преступника и закрывали на замок. Его не сажали в тюрьму, но разрешали вернуться к обычной жизни либо заставляли часами стоять в таком положении на виду у всех. Канга весила килограммов сорок, и ее обычно носили от одного до трех месяцев, но поскольку виновный не мог самостоятельно есть и отправлять некоторые другие потребности, он вынужден был полностью полагаться на помощь окружающих.

Евнухов активно вовлекали в процесс пыток. Располагавшие властью имели право назначать их, а занимавшим более низкое положение тюремщикам, слугам, охранникам вменялось в обязанность применять пытки. Присущая им обида на общество способствовала тому, что поручения такого рода они исполняли с демонической страстью. Особенно это относилось к порке и битью, которые являлись наиболее популярными зрелищами. Закон предписывал, чтобы публичные порки проводились только по приговору верховного судьи, но придворные евнухи, а также тюремщики и мелкие чиновники устраивали подобные представления на рыночной площади, не испытывая особой боязни возмездия.

Обычно судебное заседание проходило так: участники сидели за столом, на котором лежала коробка с палочками, напоминающими карандаши. Обвиняемый вставал на колени перед столом, а члены суда выносили приговор, бросая на пол определенное количество палочек. Каждая из них означала пять ударов бамбуковой палкой. Палки были двух видов: одни полтора метра длиной и пять сантиметров толщиной, а другие — метр длиной и два-три сантиметра толщиной. Максимальное

наказание — сто палок. Мужчин при этом раздевали совсем, с женщин снимали лишь верхнюю одежду. Чиновник, ведающий наказанием, умел сделать эту процедуру предельно болезненной, но он же мог брать от осужденного или его семьи взятки за то, чтобы наносить удары не так сильно; в этом случае от него требовалось лишь изобразить, что он бьет приговоренного со всего размаха.

Другая разновидность наказания посредством битья применялась к лодочникам и морякам. Вместо палки в этом случае применялась обтянутая кожей плашка в форме весла, а удары наносились по щекам. Это сопровождалось выкручиванием ушей с такой силой, что «хрящи впивались в мозг». Наказания, применяемые к голове или лицу преступника, считались кратчайшим способом распознать злые мысли.

В Китае существовало четыре традиционных способа смертной казни, исполнителями которой нередко оказывались евнухи. Самый длительный и ужасный метод убийства назывался «разрезанием на кусочки». Начинали этот процесс с макушки, затем наступал черед бровей, щек, носа, рук, груди, причем мастерство палача заключалось в том, чтобы куски мяса оставались висеть на теле. Когда пленник готов был уже потерять сознание, палач вонзал меч ему в живот, хватал за волосы и обезглавливал. Этот метод рекомендовался в том числе и для женщин, «осквернивших себя прелюбодеянием». Самым милосердным было простое отсечение головы двуручным мечом, но этот вид наказания считался и самым позорным, поскольку тело опускали в могилу без головы (ее обычно выставляли на всеобщее обозрение) либо клали голову в гроб отдельно. Это лишало жертву возможности пройти через обычный похоронный ритуал, что означало невозможность воссоединения со славными предками, поскольку тело не войдет в мир иной таким, каким оно пришло сюда. Наименее предосудительным способом смертной казни было удушение. Оно осуществлялось при помощи своего рода распятия жертвы на кресте, в середину которого продевалась веревка. Затем ее завязывали петлей на шее осужденного, после чего кто-либо, стоящий позади креста, тянул веревку вниз. Четвертый способ — получение шелкового шнура лично от императора — часто являлся знаком расположения, а то и почести. В этом случае своим палачом становился сам осужденный.

«Китайский император редко отдает приказ казнить кого-либо, не посоветовавшись со своими приближенными насчет того, нельзя ли избежать казни, не нарушая устои государства. Некоторое время перед подписанием указа о казни он постится. Его императорское величество считает самыми славными и удачными те годы своего правления, когда у него бывает наименьшее количество поводов опустить на своих подданных карающий меч правосудия». Г. Мэйсон. «Китайские наказания» (1801)

Наиболее влиятельными евнухами нового времени были Ань Дэхай и Ли Ляньин, оба они являлись фаворитами вдовствующей императрицы Цыси (1835—1908). После смерти мужа она стала регентшей при малолетнем наследном принце, но до конца своей жизни эта грозная женщина так и не выпустила из рук реальную власть. Живя в обществе, по-прежнему ориентированном на конфуцианские и традиционные представления о мужском превосходстве, она обратилась за поддержкой к евнухам. Это был взаимовыгодный союз, о котором ей не пришлось пожалеть.

Одна из первых задач главного евнуха Ань Дэхая состояла в том, чтобы повзрослевший наследный принц оставил рычаги реального управления страной в руках императрицы. Этого удалось добиться не силой и не угрозами. Принца уже в

раннем возрасте познакомили с гаремными удовольствиями, и сразу же стало ясно, что сей опыт пришелся ему по вкусу. Ань добился того, чтобы наложницы не давали принцу передышки. И главный евнух и женщины старались убедить молодого принца в том, что он унаследовал драконовский дух своих предков. В результате молодой человек очень скоро стал страдать хроническим недугом и оказался на грани слабоумия.

Для вдовствующей императрицы устраивались более изысканные оргии. Ее глубокий интерес к театральным представлениям углубил симпатию, которую она испытывала к Ань Дэхаю, поскольку евнух был талантливым актером. Попойки превращались в пышные маскарады, когда весь дворец становился сценой, и поощрялась экстравагантная одежда. Хотя главный евнух вряд ли был способен удовлетворить все прихоти столь ненасытной женщины, ему поручили секретную миссию подыскивать мужчин выдающихся физических достоинств. Среди них был охранник Жун Лу, быстро продвинувшийся до должности командующего.

Ань Дэхай, равно как и его преемник Ли были гениями вымогательства. Камергер двора и доверенное лицо императрицы, главный евнух увеличивал свое состояние при каждом акте посредничества. Свидания с императрицей, назначения на посты во дворце и в правительстве, даже просьба командующего насчет амуниции и подкреплений — все становилось поводом для вымогательств. Побои и налоги поступали в виде слитков серебра, шелков и прочих ценных товаров, причем все делилось на три части: половина — императрице, четверть — Жун Лу и в военный бюджет и четверть — главному евнуху. Впрочем, долю императрицы в доходах государства должны были покрывать все ее личные расходы, а поскольку Ань Дэхай ведал всеми дворцовыми счетами, он еще более увеличивал свое состояние за счет своей повелительницы. Так, например, мясо ей обходилось (хотя она об этом и не знала) по цене, в сто раз превышавшей рыночную, каждое яйцо стоило ей два фунта стерлингов, а за развлечения она расплачивалась с артистами по высшим ставкам, которые те когда-либо имели.

Главный евнух, однако, допустил ошибку, заведя какое-то дело вне дворца в отсутствие могущественной покровительницы. Когда он отправился в Шань-дун, губернатор этой провинции Дин Баочэнь нашел предлог обвинить придворного фаворита в «нарушении спокойствия» и в попытке выдать себя за представителя императрицы. Ань Дэхай в итоге обезглавили раньше, чем успел вмешаться двор, а его спутников удавили и сбросили в реку. Затем губернатор отправил императрице послание с выражением преданности.

Ань Дэхай сменил Ли Ляньин, который оставался при императрице в течение следующих сорока лет. Теперь, когда Цыси обрела полную власть и не имела соперников, они составили удачную пару. Главный, евнух Ли показал себя способным администратором: как ястреб он обрушивался на заговорщиков и смутьянов. А в вымогательстве он преуспел даже больше, чем его предшественник. Он также следил за тем, чтобы мужчины — претенденты на престол не достигали совершеннолетия. Подобно Ань Дэхаю он занимал юношей «круглосуточными удовольствиями», а те, кто противился этому, умерщвлялись менее приятными способами. Один из принцев, впоследствии ставший императором Гуансюем, получил право на жизнь, но знал, что когда станет правителем, обязан будет подчиняться приказам императрицы. Он явил свою полную покорность в тот момент, когда его любимой жене, Жемчужной Наложнице, было предъявлено обвинение в неподчинении императрице, и спасти ей жизнь оказалось не в его

власти. Главный евнух Ли и слуга по имени Сун выказали презрение юному императору тем, что завернули его несчастную жену в ковер и бросили в колодец во дворце Нин Шоу.

Личные отношения между императрицей Цыси и главным евнухом Ли породили множество рассказов, иногда достоверных, а иногда придуманных, но везде подразумевается, что он был способен ублажать свою любовницу так, как вряд ли бы сумел даже сексуально полноценный мужчина. В «Историях Летнего дворца» (Шанхай, 1815) анонимный автор описывает способ, при помощи которого Ли привязывал себя к молодым мужчинам так, что их нижняя часть заменяла его собственную, а всем остальным своим телом «он сражался подобно разъяренному льву». Писатель добавляет, что императрица-дракон и евнух-дракон были столь ненасытны, что держали наготове несколько мужчин, ожидающих своей очереди быть взнузданными этой кожаной сбруей. Репутация Ли Ляньина была высока, словно у правителя, и обращались к нему как к Господину Девять тысяч лет (уважительно, но с горечью) по аналогии с обычным титулом императора — «Господин Десять тысяч лет».

В 1908 г., в конце своего длительного правления, императрица стала подолгу болеть. Перед смертью она согласно обычаю обратилась к собравшимся у ее постели: «Трон дракона отныне не должен принадлежать женщине. Это противно законам нашей династии, которые следует соблюдать строже, чем в мое время. Но дать власть евнухам — хуже, чем дать ее женщинам. Судьба династии Мин была столь печальной из-за козней и честолюбия евнухов, да и теперь они несут ответственность за многие наши несчастья».

Несмотря на это предсмертное обвинение, главный евнух Ли Ляньин, которому было уже семьдесят лет, открыто присутствовал на ее похоронах; сохранилась запись о том, что он был единственным из одевших траур, кто выглядел искренне скорбящим.

Старинная китайская поговорка:

«Беспечен, как главный евнух Чжан».

Главный евнух Чжан Лянби (XI в.) скупал у родителей нежеланных новорожденных девочек и высасывал у них из костей мозг, чтобы увеличить свою «жизненную силу». Все же он совершил ошибку, умертвив трех отпрысков одной и той же семьи, что являлось преступлением. За свою беспечность он был обезглавлен.

Искусство брачных покоев

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НЕБЕСНЫЕ СТЕБЛИ ДЛЯ ДРАГОЦЕННЫХ ЦВЕТОВ

Я отложил в сторонку кисть,
Подруга с вышивкой рассталась,
Со мной вдвоем лицом к лицу
На долее страсти оказалась.

Вся ночь до дальних уголков —
Любви блаженной обладанье.
И мне не надо крепких вин,
Когда я пью ее дыханье.

Фаинь Фаньчжань

Итак, Ян и Инь представляют собой противоположные, но дополняющие друг друга жизненные силы (мужчина и женщина обречены на вечный бой друг с другом, но стремятся выйти из него путем достижения высшей гармонии). Поэтому верования конфуцианцев и даосов можно рассматривать соответственно как противоположные мужское и женское начала в нравственных и социальных аспектах жизни. Конфуцианство выступало за патриархальное, традиционное и авторитарное общество, а даосизм с его романтическими идеалами позволял выразить более натуралистические стороны китайского духа.

По мнению последователей Конфуция, женщина была предназначена для того, чтобы служить своему господину и увековечить его имя, родив ему наследников мужского пола. Все важные решения принимал мужчина, а женщина должна была покорно и смиренно оставаться в униженном положении. Ей следовало блюсти целомудрие, не выказывать страстей и своей индивидуальности. Сторонники Лао-цзы сходились в том, что в человеческих отношениях есть и более сокровенная сторона, а умение заниматься общественными делами и решать практические проблемы — лишь часть бесконечно сложного целого. Некоторые даосские школы уверяли даже, что женщина — важнейший из двух партнеров. Ее матка вскармливает все человечество, рассуждали они, она являет собой высшее наслаждение и вдохновение для мужчины, и коли уж существует такое таинственное начало, как Жизненная Сила, оно с большей вероятностью должно находиться в крови женщины, нежели мужчины.

Вопреки классической строгости конфуцианцев, настаивавших на «правильном образе мыслей» и правильных отношениях, даосы уверовали в изменчивый, но в конечном счете гармоничный мир природы. Простейший образ жизни, заключающийся в воспроизведении себе подобных, был во все времена свойствен всем существам, и человеку надлежит скромно подчиниться этому великому предначертанию. Проблемы возникали, когда люди пытались бросать вызов естественной судьбе, позволяли себе размышлять и забивать голову великими планами, честолюбивыми устремлениями, материализмом, предавались порочному желанию навязать свою волю Вселенной. Увещанию Конфуция «будь мудрым» даосы противопоставляли призыв «будь глупым», идеал развития «личности» оспаривали замечанием, что «личность» убила человеколюбие и выпестовала один из самых неуязвимых человеческих пороков — самодовольство.

Подобная вера в «естественное» (а не «разумное») животное была одной из причин значительного преобладания секса в идеологии и поведении даосов. То же самое можно сказать и про буддизм, пришедший в Китай впоследствии. Именно поэтому большинство книг и прочих сочинений на данную тему происходит из этих источников. Стремление рассматривать секс как естественную часть жизни, лишенную греха и стыда, было и остается принципиальной китайской позицией. Периоды господства пуританских нравов, связываемых обычно с конфуцианством, изменить ее так и не смогли. Отчасти это произошло вследствие присущей китайцам способности служить многим господам и поклоняться многим богам одновременно, а отчасти потому, что все общественные институты создавались ради удобства мужчины, и всеобъемлющее Ян вряд ли бы добровольно отказалось от того, что было существенно важно для его собственного счастья.

Умение китайцев вести два противоположных образа жизни можно рассматривать как достойное восхищения свидетельство их умудренности и воли к выживанию. По традиции китаец считал возможным придерживаться строгих конфуцианских норм в семейной и общественной жизни и в то же время спонтанно предаваться языческим удовольствиям с наложницами и проститутками, не ощущая комплекса вины. Этой двойственности, впрочем, способствовало и то, что ни одно из двух китайских вероучений не было религиозным в западном смысле слова. Стремление к удовольствиям никогда не тормозилось реальным или выдуманым присутствием карающего Бога, только и ждущего, как бы отправить человека в ад за его прегрешения или на Небо за его целомудренность.

Этот принципиальный прагматизм можно пояснить на примере статуса жен и наложниц. В среднего уровня конфуцианской семье жена занимает высшее положение среди всех женщин, она отвечает за домашние дела, воспитывает детей хозяина, ей воздают соответствующие почести — и все же скрывают ее от взглядов посторонних и редко позволяют выйти в свет. Наложницу же выбирают для того, чтобы ублажать даосскую сторону мужской натуры. Это любовница, доставляющая хозяину удовольствие в Постели, развлекающая его друзей, — очаровательное создание, обладающее не только красотой, но и прочими достоинствами.

Подобное отношение к талантливым женщинам восходит к временам легендарного Желтого императора (Хуанди) и «Пособий по искусству любви», составленных, как полагают, почти пять тысяч лет назад. В них император ведет подробные беседы с тремя таинственными богинями, которых зовут Избранная дева (Дева-ведунья)¹, Мудрая (Темная, или Сокровенная) дева и Искренняя (Чистая) дева. Его стремление к просвещенности и поиску знаний в компании женщин свидетельствует о явно выраженных симпатиях к даосизму, а подобное отношение к «инстинктивной» мудрости низшего пола было не только отличительной чертой «подушечных книг», но и показателем соответствующего статуса женщины как соперницы в сексуальных поединках.

Универсальность китаец, уживавшегося с двумя противоположными вероучениями, помогала ему и в столь непростом деле, как исполнение предназначенных ему различных социальных ролей. Как носителю романтической мужской устремленности к победе в традиционном «сексуальном сражении» ему надлежало быть беспощадным захватчиком Яшмового Павильона (Цветочного Поля, Драгоценных Палат и т.п.), а как практичному конфуцианцу ему следовало регулярно умерять свою необузданную страсть и сверяться с «подушечными книгами», разумно выбирая надлежащие позиции и правильные приемы. Эта

двойственная функция и соответствующие пристрастия видны и на примере того, как достигали сексуальной разрядки. Будучи Ян-даосом, он стремился вовлечь Инь во взаимные восторги Высшего Наслаждения. Но оставаясь Ян-конфуцианцем, он прибегал к методу «прерванного полового сношения». Привлекательность этого метода в глазах китайцев заключалась в вере в то, что «цзин» (семя) в данном случае возвращается в мозг, возобновляя тем самым желания, обостряя мысль и — что самое главное — продлевая потенцию мужчины и его жизнь.

Подобный воинственный характер отношений полов с неизбежностью определял пристальнейшее внимание к выбору оружия для сражения, вследствие чего наиболее традиционные пособия по искусству любви содержат подробнейшие описания пениса и вульвы. Ремесленника узнают по рукам, певца — по голосу, а традиционные Ян и Инь считались как бы олицетворением своих половых органов. Пенис и вульва обладают характером, красотой и определенными способностями. В женские органы, впрочем, не включалась грудь. Обычно ее перебинтовывали, чтобы сделать плоской, и столь велика была сосредоточенность мужчины на вульве, что ее весьма обобщенно называли «одним квадратным дюймом».

Неспособность мужчин оценить по достоинству ту часть женского тела, что находится вне «одного квадратного дюйма» (или взволноваться ею), объясняет неудачу китайских художников, пытавшихся найти в нем вдохновение. Обнаженное тело как предмет для изобразительного искусства практически не существовало, если не считать «подушечные книги», где изображения сцен в спальне служили всего лишь наглядным пособием при половом акте. Поэты были более чуткими к физической красоте, но, поскольку источником вдохновения служили, как правило, наложницы, проститутки или краткие мгновения незаконных любовных приключений, героинь подобных стихотворений вряд ли можно считать показателем более общих взглядов, существующих на сей счет. Линь Юйтан в своей книге «Моя страна и мой народ» (1936) проницательно отмечает:

«Китайцы, совершенно не ценят женское тело само по себе, В искусстве мы его почти не видим. Китайские художники удручающе неспособны изобразить человеческие формы, и даже такой художник, как Цю Шичжоу (период Мин), знаменитый своими картинками из жизни женщин, рисует верхнюю часть обнаженного женского тела в виде картофельного клубня. Мало кто из китайцев, несведущих в западном искусстве, разбирается в красоте женской шеи или женской спины».

Подобное отношение к человеческому телу имело следствием весьма прагматический подход к выбору сексуальных партнеров. Если «подушечные книги» были источником общих знаний, то сексуальные пособия считались надежным путеводителем при оценке физических качеств желаемой супруги. Строение половых органов, гибкость суставов, структура и разновидности лобковых волос, расположение влагалища — эти и многие другие особенности были предметом пристального внимания и подробной классификации. Один из древнейших примеров такой классификации содержится в диалоге между Желтым императором и богиней-наставницей, Искренней Девой (Су ньюй). Этот диалог образует часть «И синь фан» — собрания сочинений такого рода, составителем которого был современный китайский специалист Е Дэ-хуй (1864—1927). Желтый император ищет совета в выборе женщин для соития, задавая вопрос:

Вначале определим тех, кто не может доставить мужчине счастья. Каких женщин следует избегать?

Искренняя дева: Даже не обращаясь к ее половым органам, можно заметить много признаков того, что она не подходит для соития. Избегать следует женщин с растрепанными волосами, грубыми чертами лица, выпученными глазами с нечетко очерченной границей между зрачком и белком. Следует избегать женщин, обладающих мужеподобным и громким голосом, желтыми зубами, волосами возле рта или на щеках и подбородке. Худосочная женщина предпочитает при соитии быть сверху; если ей более 40 лет, в ее сердце и желудке будет постоянно отсутствовать гармония. Таких тоже следует избегать.

Желтый император: А как насчет половых органов?

Искренняя дева: Если волосы на лобке грубые и жесткие, словно щетина, растут во все стороны, такая женщина не подходит. Если половые губы не прикрывают Нефритовые Брата и те свисают наружу, если выделения из них едки, такие женщины вредны. Всего одно совокупление с подобными созданиями истощит Нефритовый Стебель, словно тот побывал в ста сражениях с нормальными женщинами.

Желтый император; Теперь поговорим о женщинах, наиболее подходящих для соития.

Искренняя дева: Женщин следует ценить не только за красоту, в них нужно видеть средство укрепления здоровья и продления жизни. Лучше всего для этой цели выбирать молодую девушку, девственницу, чье Цветочное Поле еще не засеяно. Ее грудь, в которой еще не было молока, должна быть сформировавшейся, а ее сущность - Инь - нерастраченной. Сама она должна быть упитанной, кожа ее — гладкой и мягкой на ощупь, все суставы должны быть гибкими и легкими в движении. Тело девушки не должно быть слишком длинным или слишком коротким, характером ей надлежит быть нежной и ласковой.

Желтый император: Расскажи мне подробнее о Цветочном Поле.

Искренняя дева: Внешние губы должны быть высокими, но не свисающими, плотными, но не слишком мясистыми. Нефритовые Врата должны располагаться так, чтобы не затруднять проникновение внутрь. Если же они чересчур смещены вперед или назад, это приведет к переутомлению мужчины, а то и просто будут помехой. Волосы на лобке должны быть гладкими и шелковистыми, но не густыми. Лучше, если их вообще не будет, чем если они растут в изобилии. Ее Жизненная Сущность должна истекать при прикосновении и обладать приятным запахом. Такая женщина быстро станет действовать в согласии с мужчиной и достигнет гармонии с ним. Тело ее будет содрогаться от страсти, легко будет выделяться пот. Даже если не все делается по правилам, вреда не случится.

Классификацию подходящих партнеров можно обнаружить, впрочем, не только в древних пособиях. Идеальная женщина была излюбленной темой для писателей во все века, а в том, как они перечисляли их добродетели, не было ничего возвышенного и романтического. Беллетристика была принятой литературной формой для многого из того, что считалось легкомысленным или «недостойным» для ученых и серьезных писателей. В художественных произведениях нередко пространно повествовалось о самых обычных сторонах жизни. В романе XVII века «Жоу пу туань» («Подстилка из плоти») его автор Ли Юй вкладывает в уста одного из своих персонажей явно свои собственные соображения насчет женской красоты, возможно, отражающие взгляды мужчин того времени. Сам Ли Юй был знаменит помимо всего прочего своими любовными похождениями, числом наложниц и одержанных им сексуальных побед, а также путешествиями по империи со своей театральной

труппой. Когда госпожа Чэнь, женщина в возрасте, но все еще сексуально активная, говорит о «подстилке из плоти», она, вероятно, делится богатым опытом самого писателя.

«Мне кажется, — сказала госпожа, Чэнь, — всех женщин можно поделить на две категории: тех, кто приятен глазу, и тех, кто полезен для здоровья. Это две разные вещи, хотя некоторые женщины равно подходят и для того и для другого. Красавица непременно должна обладать гибким станом, известной утонченностью, изяществом черт. Самые знаменитые художники изображают женщин именно так, и никогда вы не увидите на их полотнах грубых, мускулистых и ширококостных женских созданий. Эти художники наверняка просто восхищались красотой женщин, но не их полезностью. Женщины, которых они не рисовали, но которые улаживали их иными способами, были плотного сложения, хорошего здоровья, редко когда хрупкими и утонченными, но всегда сильными и крепкими. Почему же они отдавали им предпочтение? Ответ прост: это было полезно. Сильная женщина сможет выдержать тяжесть мужчины, когда тот возлежит на ней, пропорции ее тела будут примерно такими же, как и ее собственную, поэтому его член войдет в нее, как нога в удобную туфлю, и лежать на ней будет так же мягко, как на постели. Почему это так важно? Ну это же очевидно. Худая женщина — все равно что камень или бревно. Если на нее лечь, то начнутся ломота и боль во всем теле, а когда она станет двигаться, ее острые кости будут впиваться в тебя там и сям. разве может мужчина найти с такими уют и отдохновение? Если же это женщина для пользы, она словно мягкая постель, в которой беззаботно утопает мужчина, уверенный, что не услышит никаких жалоб; он может биться об нее бесконечно, вонзаться сколь угодно глубоко и яростно. Поэтому для опытных мужчин плотное телосложение партнерши предпочтительнее хрупкой красоты.

Можно пуститься и в еще большие подробности. Мужчина в среднем весит около 75 килограмм, это все-таки большая тяжесть. Лежать на хрупкой женщине все равно, что спать на ненадежной кровати: она внезапно может под тобой рухнуть. Одно из удовольствий соития заключается в том, чтобы предаться страстным движениям. Так как не может мужчина пуститься в бой, если ему известно, что противник слишком слаб для достойного сражения. Крепкая простушка всегда лучше, чем хрупкая красавица. К счастью для мужчин, многие из нас, женщин, сочетают в себе полезность и красоту, вот почему тот, кто нашел, скажем, по восемь десятых того и другого, может считать, что обзавелся чистокровной лошадей для прогулок».

Подобная идеализация женщин более крепкого сложения не удивительна в обществе, где представительницы этого пола были физически слабее и менее выразительными внешне, чем соблазнительные красавицы с пышными формами, которых предпочитали мужчины и художники других стран. Всякие намеки на соблазнительность сглаживались одеждой, которую предпочитали китайские женщины (не исключено, впрочем, что она была им навязана против их воли). Грудь стягивал тесный лифчик, платья бесформенно свисали от шеи до пят, а из-за широких рукавов и общей неопределенности линий женщина словно терялась в нагромождении ткани. На поверхности оставались только лицо, голова и руки, и именно на эти части тела обращали особое внимание женщины, стремясь выглядеть привлекательно. Лицо напудривали и румянили так, что оно превращалось в маску, а

роскошную прическу покрывали лаком и украшали цветами и драгоценностями, гребнями и лентами.

Примерно со времени монгольской династии (1280-1368) и до того, как Китай стал в 1912 году республикой, понятие о женской красоте было дополнено новым возбуждающим элементом. К увлеченности «одним квадратным дюймом» прибавилось внезапное открытие сексуальной привлекательности перебинтованных ножек. Это может считаться культом или же модой, но исторический факт состоит в том, что в замечательно короткое время бинтовать ноги стали женщины всех сословий, за исключением некоторых служанок и крестьянок, и поскольку никакого сопротивления этой болезненной процедуре не зафиксировано, для ее распространения, должно быть, существовали весьма ощутимые (психологические) причины.

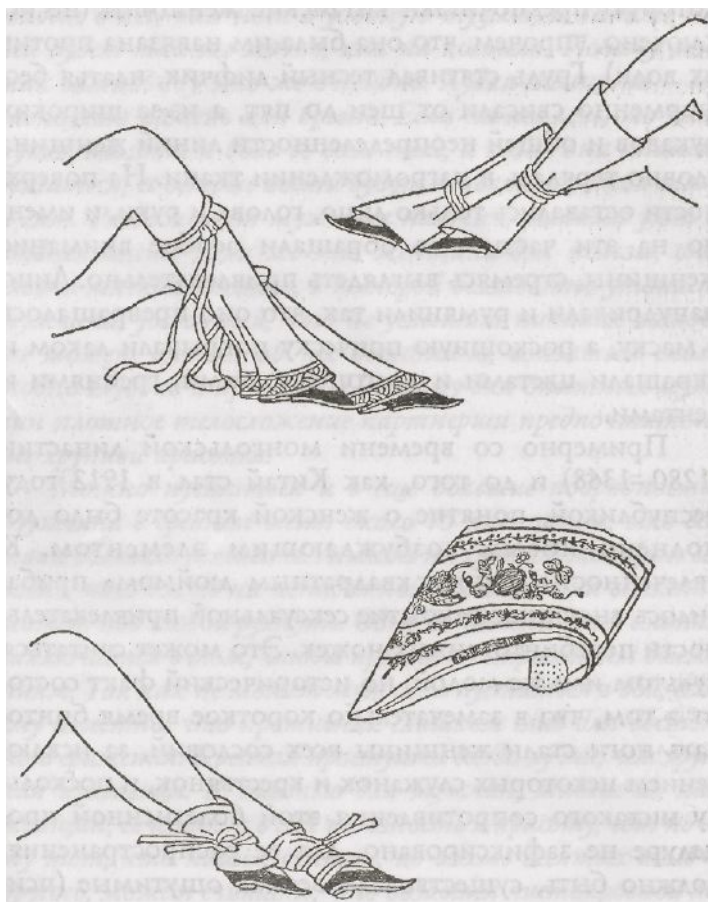
Повязки накладывали обычно в раннем детстве так, чтобы пальцы и передняя часть ноги загибались вниз; вначале это было очень болезненно, затем, по мере того, как ступня превращалась в подобие копытца, более терпимо. Эта копытообразная форма получила поэтическое название «золотой лилии», или «золотого лотоса».

Идеальной по раз меру считалась ступня длиной в три дюйма. Бинтование ног создавало физические неудобства и мешало движениям, даже ходьба превращалась в трудное упражнение.

Мужчины-китайцы, впрочем, протестов не заявляли. Если начало Инь хочет уменьшить свои шансы в вечной сексуальной битве, стоит ли препятствовать этому? А цветистая сексуальная терминология даосов пополнилась еще одним названием для полового сношения — «Прогулка меж Золотых Лилий».

По распространенной народной легенде, обычай этот ведет свое начало с ранней династии Южная Тан². Правитель был влюблен в танцовщицу по имени Яонян. Желая найти для ее исключительных 'тантантов подходящую сцену, он велел соорудить золотой цветок лотоса высотой почти в два метра. Чтобы суметь протанцевать на лепестках, Яонян обмотала себе ступни шелком и двигалась на носках подобно современным балеринам. Однако более распространено было убеждение, будто бинтование ног способствует расширению бедер, что делает их более соблазнительными для мужчин.

Была и еще одна теория, которая стремилась объяснить, почему такие ножки пользовались популярностью у мужчин. Она состояла в том, что почти полная неподвижность женщины в спальне вела просто к беспомощности. И если можно

Разные виды женских чулок и туфелька для забинтованной ноги

поверить, что в прошлом акту любви предшествовала изнурительная беготня по комнате, доля истины в этой теории есть. Перебинтованные ноги, разумеется, как никогда крепко привязывали жен к дому, а наложницы и любовницы, стремившиеся поскорее улизнуть от тирана-хозяина, вряд ли могли сделать это без посторонней помощи.

В дневнике лорда Маккартнея, где содержатся записи о его пребывании в Пекине в конце XVIII в., приводятся слова китайского чиновника, прикрепленного к английской миссии: «Бинтование ног, вероятно, проистекает из восточной ревности, которая всегда была искусна по части выдумок, как бы привязать даму к ее господину, и это определенно хороший способ удержать ее дома, если сделать так, что ей будет хлопотно и болезненно слоняться повсюду. Я должен, однако, заметить, что деформация части человеческого тела для нас, китайцев, представляется менее странной, чем такие иностранные обычаи, как отделение от себя кусков плоти, что имеет место при обрезании».

На перебинтованные ноги надевались декоративные чулки, завязанные вокруг лодыжек, а иногда и на уровне икр. Стеснительность в отношении «золотых лилий» была столь велика, что женщина при половом сношении позволяла снять с себя все, за исключением чулок. На эротических гравюрах и картинах, обычно в «подушечных книгах», женщины изображены во всевозможных позициях, иногда по двое — по трое с одним мужчиной, единственный видимый на картинах предмет одежды — тот, что неизменно скрывает ступни. Своего рода культ забинтованных ножек придавал им особое значение при церемонии ухаживания. Если мужчина легонько поглаживал чулки женщины пальцами, это рассматривалось как самое непосредственное приглашение к половому акту. Мужчины нередко пользовались этим с некоторой претензией на утонченность, когда «случайно» роняли предметы на пол, сидя поблизости от избранницы, а затем шепотом испрашивали разрешения «погулять между золотых лилий».

Поскольку ноги оставались закрытыми, даже когда женщина беспечно обнажала свои половые органы, неудивительно, что они превратились в объект глубочайших сексуальных вожелений и являлись самой распространенной причиной непроизвольного семяизвержения у мужчин. Разрешение снять повязки с ног считалось высочайшей милостью, редко встречающейся на ранних стадиях половых отношений. Мужчин крайне возбуждала такая любовная позиция, при которой вышитые чулочки колыхались у него перед глазами как раз в тот момент, когда он устремлялся в Яшмовый Павильон. Чтобы получить это дополнительное удовольствие, нужны были длинные веревки, дабы привязать их к потолку (или к верхнему каркасу традиционной кровати) и поддерживать таким образом ноги женщины на весу. Компромиссом между сохранением повязок на месте и обнажением ног было использование бинтов для вышеуказанного держания ног на весу. Это, вероятно, позволяло увидеть изувеченные пальцы. Хотя элементы фетишизма во всем этом отрицать трудно, нога и туфелька являлись у китайцев традиционными сексуальными символами, чувство удовлетворения от физической беспомощности партнерши можно объяснить тем, что мужчины испытывали растущие сомнения в собственной мужественности. Период бинтования ног совпал с периодом элитарного устройства китайского общества, интеллектуального и культурного превосходства образованного меньшинства над крестьянством и столь же безраздельного господства Среднего царства над более примитивными государственными образованиями соседей-варваров. Параллельно шло осознание

того, что образованному мужчине приходится платить высокую цену за свою сверхтонченность и интеллектуальность. До какой степени утрачивал он свою животную силу, поклоняясь культуре и учености?

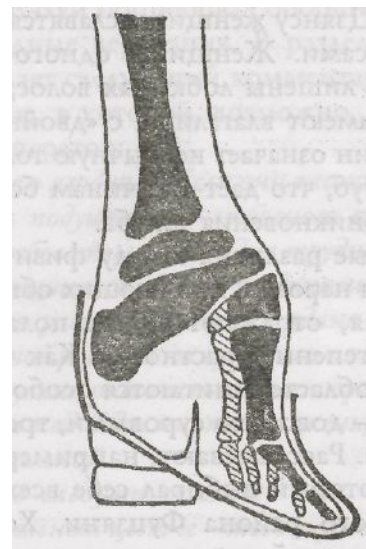
Искалеченность его женщин, ведущая к почти полной неподвижности, помогала восстановить его мужское «я». Созерцая ее беспомощность перед угрозой физического нападения, он любил «понарошку» отождествлять ее с более похотливыми варварами и татарами. В то же время утонченные китайские мужчины ради того, чтобы еще больше утвердиться в своей мужественности, домогались крепких крестьянских девушек. Этот сорт женщин назывался «отрубленные колоды», или «большеногие», и их намеренно брали в семью в качестве служанок при условии, что они сохранят свои примитивные привычки.

В любом исследовании физических характеристик китайцев необходимо учитывать обширность территории страны. Расовые различия между северными и южными жителями Китая так же очевидны, как между скандинавами и средиземноморскими народами Европы. Выносливые и физически сильные, земные по своей природе монголы, татары и тибетцы принадлежат к тому же обществу, что и менее рослые и более изящные южане, этнически стоящие ближе к тайцам и вьетнамцам. Эти различия отражаются также на их лицах и в телосложении, а в признанных канонах красоты существуют сильные региональные различия. Цвет кожи, пропорции тела, черты лица, густота волосяного покрова и даже некоторые характеристики половых органов отождествляются с определенными районами страны. В области Цзянсу женщины славятся тонкими и изящными носами. Женщины одного из племен Гуйчжоу почти лишены лобковых волос, а в районе Сычуани они имеют влагалища с «двойными дверями». Этот термин означает необычную толщину больших половых губ, что дает мужчинам более сильное ощущение проникновения вглубь.

Значительные различия между физическими характеристиками народов, населяющих обширную территорию Китая, отражаются, как полагают, в их поведении и степени страстности. Как и в Европе, жители одних областей считаются

Яонян, супруга танского императора Лиюя, бинтует ноги. Гравюра эпохи Цин

Так выглядит перебинтованная нога на рентгеновском снимке

особо мужественными, других — довольно суровыми, третьих — темпераментными. Рассказывают, например, об одном императоре, который выбирал себе всех наложниц из определенного района Фуцзяни. Хотя сам он обладал значительной сексуальностью, но все же не мог полностью удовлетворить девушек со столь страстными натурами, и постепенно они стали утрачивать свои веселость и жизнелюбие. Тогда император посоветовался с врачами, и те сказали ему, что лучшее лекарство от недуга, овладевшего его девушками, компания дворцовых стражников. Великодушие императора взяло верх, и он последовал их совету. Несколько дней спустя он решил лично посетить гарем, чтобы убедиться, что девушкам стало лучше. Он был в восторге от происшедших с женщинами изменений, но отвернувшись от их радостных лиц, он заметил на постелях несколько неподвижных изнуренных мужчин. Потребовав объяснений, он получил от одной из девушек ответ: «О повелитель-дракон! Это пустые склянки из-под того лекарства, что ты нам прописал».

В своих «Сексуальных обычаях», опубликованных в 1927 г., Е Дэхуй попробовал обобщить соответствующие народные верования. В разделе «Выбор женщины» он дает следующий комментарий, выдержанный в форме, в которой, возможно, вел беседы сам Желтый император:

«Вначале о ягодицах. Если они высокие и широкие, то это удобная подушка для любовного сражения. Такая женщина требовательна, ее будет трудно удовлетворить. Если же женщина обладает ягодицами плоскими, как безжизненная равнина, то она создана не для любви, а для неустанной работы на кухне или по дому. Та, у которой ягодицы узкие, редко испытывает оргазм, если же они у нее свисают над бедрами, такая женщина будет ленивой и бездеятельной.

О вульве следует сказать вот что. Наиболее предпочтительный цвет ее — медово-розовый, ткани должны быть мягкими и обладать естественной и постоянной теплотой. Интенсивно красный цвет говорит об избытке дикой животной сущности, слишком бледный — о ее недостатке. Внешние губы должны быть крепкими, но легко раздвигаться при прикосновении, раскрытые же они должны походить на цветок в лучах утреннего солнца. Нефритовые Врата должны располагаться как раз посередине между «бугорком Венеры» и анусом, в противном случае они не будут совпадать с направлением Божественной Стебля. Если Нефритовые Врата распахиваются при приближении гостя, женщина сексуально здорова. Если же отверстие узко, цвет его бледно-пепельный, входящего ожидает прохладный прием. Важное значение имеет Яшмовая Ступень (клитор) Павильона. Она должна быть круглой, как жемчужина, не выступать далеко, но быть легко доступной для пальца или языка.

Будучи лишенной покрова, Яшмовая Ступень должна, слегка приподыматься, а затем опадать, когда ласки переносят в другое место. Внутренность Яшмового Павильона должна быть глубокой, но не слишком обширной, стены его состоят из ряда складок, из которых постоянно сочится смазка. Эта жидкость должна струиться медленно, но безостановочно. Внезапного наводнения с последующей засухой быть не должно. Лобковые, волосы говорят вот о чем:

*черные, словно перья лоснящейся птицы — сильная и упрямая женщина
коричневые с золотистыми блестками — спокойная и великодушная женщина
волосы тонкие, шелковистые и короткие — тихая и уступчивая женщина
густая растительность, торчащая вниз, — женщина с темпераментом
водопада*

клочковатые и сухие, словно растительность на вершине холма — женщина, которой недостает теплоты и чувственности».

Интеллектуальный интерес, с которым китайские мужчины относились к женским органам, распространялся в той же мере и на их собственные части тела. Осознание ими положительных и отрицательных сторон сверхтонченности и цены, которую приходилось платить за утрату физических достоинств и первобытной страсти, вынуждало их прилагать значительные усилия к восстановлению того, что они считали мужскими традициями. Для китайца с его стремлением к победе в борьбе Инь и Ян это попросту означало озабоченность размерами и дееспособностью Мужского Острия. Он знал не только о великих сексуальных подвигах своих предков, но и о том, что мужчины, подобные богу войны Гуан Юю, бросались в бой, размахивая топорами весом в сто двадцать фунтов, что богатыри древности одной рукой могли побороть тигра и были так проворны, что умели ловить на лету стрелы. Теперь же, став ученым, поэтом или чиновником, мужчина утерял эти замечательные мужские качества.

Необходимость вернуть утраченную физическую славу подвигла его на то, чтобы заменить сексом прочие формы героизма и мужских подвигов. Это выражалось двояко. Во-первых, в «олицетворении пениса» (который становился своего рода «вторым я»), во-вторых, в оснащении этого «второго я» внушительным арсеналом сексуальных приспособлений. Ему досталось то, чего был лишен сам мужчина из-за своей сверхтонченности. Поэтому герои сексуальных сражений в спальне выходят на поле брани в шлеме для пениса, известном как Шапочка Вечного Желания, нагрудном ремне, называемом Серным Кольцом Похоти³, с резным яшмовым кольцом, надетым на основание полового члена (для возбуждения клитора), и иногда с флажками из разноцветных лент, свисающих с яичек. Об этих приспособлениях вкупе с притираниями для возбуждения страсти и постельными благовониями рассказывается в следующей главе, здесь же можно сослаться на соответствующие «боевые песни». Вот одна из них, принадлежащая автору XVII века. Наряду с прославлением оружия для сексуальной войны в ней содержится несколько иронических строк.

Что за гриб здесь поднялся из черного мха?
То Нефритовый Стебель восстал в полный рост.
В нетерпенье дрожит его нежная плоть,
В жилках часто пульсирует жаркая кровь.
Будет встреча с девицей тринадцати лет
Или с мальчиком юным — он к битве готов.
Но короткою жизнью живет этот плод,
Всякий раз увядая подобно цветку.
Скромной тощей креветкой свернется в траве
И останется жалок, недвижим и тих...

Эта увлеченность пенисом вкупе с созданием мелкого промышленного производства сексуальных приспособлений и боевых одеяний имели и более тревожные последствия. Мужчина-китаец, по крайней мере тот, которому удалось пробиться в среду чиновников, ученых, торговцев и образованных, был постоянно угнетен ощущением несостоятельности. Это вело к повышению спроса на афродизиаки, одержимости размерами члена и всякими фокусами, как будто половой акт являлся неким олимпийским состязанием. Все это нередко сопровождалось боязнью импотенции. Сохранилось много рассказов о подобных

страхах, которые обуревали мужское население различных районов страны и могли сравниться с боязнью религиозного проклятия. В XIV в. сельские жители провинции Гуандун были убеждены, что их пенисы усыхают в жаркую погоду вследствие обезвоживания. Поэтому они приспособились носить привязанный к талии маленький мешочек с водой, куда днем опускали свой Нефритовый Стебель. Более современный феномен был зафиксирован среди мужчин одного большого города, которых охватил ужас от возможности уменьшения пениса с последующим исчезновением его в животе. Предотвратить это пытались различными способами. В их числе было привязывание пениса к ноге, подвешивание тяжестей к головке, приклеивание деревянных колец к основанию и протыкание крайней плоти проволокой. На улицах видели мужчин, крепко держащих член палочками для еды или подтягивающих его вверх веревочкой, обвязанной вокруг пояса.

Поскольку физические упражнения считались неподобающим занятием для культурных людей (одним из обычаев было держать спину слегка согнутой, что означало ученость и учтивость), единственным местом, где образованный мужчина напрягал мускулы, оставалась спальня. Тогда, как и теперь, в моде был культуризм. Помимо использования афродизиаков, предназначенных для повышения активности движений, предпринимались двоякого рода попытки увеличить размер пениса: посредством медикаментов и хирургического вмешательства. Снадобья можно было принимать внутрь, наносить на кожу члена и в некоторых случаях втирать в область Нефритовых Врат.

Излюбленными ингредиентами являлись: измельченные панты, морской огурец и человеческая плацента (и то и другое в высушенном и истолченном виде), экскременты ястреба, водоросли, печень собаки и половые органы быка. Правильное применение этих снадобий, как утверждалось, удлиняло член в полтора раза.

Другая область экспериментирования, т.е. трансплантация и прививки, не так уж невероятна, как кажется. Евнух был обычной фигурой в обществе не только при дворе императора, но и на менее высоком уровне, а поскольку одним из способов кастрации являлось удаление пениса вместе с яичками, «банк» органов был постоянно к услугам ученых и хирургов, занимавшихся этим делом. Они помогали не только тем, кто был недоволен малыми размерами своего члена, к их услугам прибегали и те евнухи, чьи судьбы и положение изменились, вследствие чего они стали стремиться восстановить утраченное. Преступники и военнопленные также подвергались кастрации, часто становясь жертвами «трансплантационной лихорадки».

Наиболее достоверные и живые изображения средневекового Китая содержатся в китайском романе. Ему, считавшемуся вульгарным жанром литературы, была свойственна относительно большая свобода выражения. Поэтому неудивительно, что сюжет усовершенствования человеческой природы был обычным для сексуальных историй. В сочинении XVII в. «Жоу пу туань»⁴ Ли Юю удалось запечатлеть настроение мужчин того времени, а также подробно описать прививку пениса. Герой романа, Ученый-Полуночник, оставив жену, отправился странствовать в поисках мудрости. Одну из ночей он проводит на одиноком постоялом дворе. Там он встречает доброго разбойника по имени Равный Кунь Луню (великий Кунь Лунь прославился своими успехами в похищении женщин), и они быстро становятся друзьями. Но разбойник подвергает осмеянию размеры инструмента, которым гордился Ученый. Ученый становится разбойнику названным

младшим братом, а тот в разговоре упоминает всех известных ему женщин, которых не удовлетворяют мужья.

Ученый размышлял над приятными сведениями о неудачах, постигших мужей при завоевании собственных жен. То, как Равный Кунь Луню живописал этих страдающих женщин и его готовность устраивать налеты вместе с новоиспеченным младшим братом не просто обещали волнующие приключения. Ученый мог таким образом исполнить данное им жене обещание пользоваться любой возможностью для повышения своего мастерства. Желая тем не менее хорошенько заручиться дружбой разбойника и показать себя сведущим человеком, Ученый многозначительно произнес:

— Давайте поразмышляем, почему этих мужей постигла неудача? То ли их жены были бесстрастными, то ли их приспособления никуда не годились. Я знаю, что здесь имеет значение не только надежное оружие. Мужская сила — это все равно, что твои надежные сбережения, которые надлежит всемерно «наращивать». — Ученый самодовольно усмехнулся. — Впрочем, я могу уверить вас в одном — если вы приведете меня к этим женщинам, я дам им то, чего им не хватает.

— Я лично знаю двух таких мужей, — заметил Равный Кунь Луню, — которые располагают всякими штуками и вполне соответствующими «сбережениями». Они теряются только на фоне самого большого и мужественного. Ну раз уж мы заговорили об этом, дорогой братец, как насчет твоих собственных приспособлений и количества «сбережений»? Скажи мне пару слов об их размерах, как долго ты можешь продержаться... В конце концов, раз ты доверяешь мне заинтересовать тобой этих женщин, ты должен сообщать мне некоторые подробности, которыми бы я мог козырять.

Ученый отвечал невозмутимо и уверенно:

— Моему многоуважаемому старшему брату не следует думать, будто мне чего-то не хватает. Моего снаряжения и капитала более чем достаточно для этого дела. Выражаясь соответствующим языком, я припас столько еды и питья, что любая женщина объестся так, что просто не сможет встать из-за стола, и будет так хмельна, что и двух слов не свяжет. К тому же надеюсь, что я не из тех хозяев, что потчуют гостей обычной пищей, а те уходят от стола более голодными, чем когда садились за него.

Равный Кунь Луню тем не менее продолжал допытываться:

— Хорошо, я не спрашиваю тебя сейчас о твоих размерах и «сбережениях», но мне хотелось бы узнать некоторые факты. К примеру, мой неоспоримо мужественный братец, нападая на Павильон Удовольствий, сколько ты можешь нанести ударов за один присест?

— Я не беру с собой в постель принадлежности для письма, — запротестовал Ученый. — И вряд ли смогу назвать точную цифру, но уверяю Вас, что гости мои всегда сыты. Где я, там всегда пиршество.

— Ну, если ты не можешь назвать точное количество толчков, скажи хотя бы, как долго ты способен продержаться на поле брани? — По правде говоря, Ученый редко когда мог сражаться больше часа, но чтобы произвести на разбойника впечатление, он удлинил это время вдвое. В конце концов, нужно было и женщин поразить должным образом. — Мое представление длится четверть ночи, — заверил он Равного Кунь Луню. — Причем я ни разу не ухожу с поля битвы.

— И ты считаешь это чем-то исключительным? — воскликнул Разбойник. — У тебя лишь средние способности, подходящие для семейной жизни и прочих

домашних дел. Но для оргий с незаурядными женщинами этого вряд ли будет достаточно. Нет, до того как я буду рекомендовать тебя в любовники, ты должен проявить себя мужчиной выше среднего уровня.

Ученый начал испытывать некоторое нетерпение, но продолжал говорить с приятной убедительностью.

— Вам не стоит беспокоиться обо мне, уверяю Вас. Кроме того, недавно я приобрел некоторые воистину сильные снадобья. Одно из них я глотаю, другое наношу сверху на свое снаряжение. Настоящая трудность для меня в том, чтобы подыскать женщину, подходящую для моих талантов. Я словно мощная пушка, которой не в кого стрелять, противник явно уступает моему вооружению. Так что не волнуйтесь, с пилюлями и притираниями я смогу держаться бесконечно.

— Верно, все это может продлить твои действия, — согласился Равный Кунь Луню, — но удастся ли тебе таким образом вдвое увеличить размеры твоей принадлежности? Давай взглянем на нее, если она сама по себе невелика, никакие «укрепляющие пилюли» или «мази для стойкости» не помогут. Если не обладающий снаряжением должной величины стремится восполнить это возбуждающими снадобьями, его можно уподобить тому, кто пришел на экзамен, не имея достаточных знаний. Он может возбудить себя женьшенем и вином, трудиться настойчиво и не отвлекаясь, но что у него окажется на бумаге? Если же кандидат хорошо подготовлен и располагает всеми необходимыми знаниями, тогда возбуждающие средства придадут ему дополнительной храбрости. Ну, мы отвлеклись, твой-то насколько велик и толст?

— Больше и толще многих, уверяю Вас, — не замедлил с ответом Ученый.

— Ну так назови размеры или дай мне посмотреть самому, — настаивал Равный Кунь Луню.

Заметив, что младший брат особого желания не выказывает, разбойник взялся за его штаны с намерением стянуть их.

— Эй, что ты делаешь, — вскричал Ученый. После трех неудачных попыток выяснить истинные размеры его снаряжения Равный Кунь Луню отступил в нетерпении.

— Коли ты не собираешься уступать, не рассчитывай, что твой недостойный брат будет расхваливать тебя этим женщинам. Как я буду выглядеть, если порекомендую тебя, а там окажется всего лишь маленький огрызок? Что если женщины станут умолять овладеть ими, как только ты там прикоснешься, а ты окажешься способным лишь пощекотать их, как они будут себя чувствовать?

Довод, казалось бы, бесспорный, но Ученый сделал еще одну попытку избежать щекотливой ситуации.

— Не в том дело, что снаряжение твоего недостойного брата не выдержит проверки, — пояснил он, — просто несколько неприлично ученому вытаскивать эту штуку на свет божий, будто это всего лишь кисть для письма или платок.

Сказав это, он все же расстегнул штаны, засунул руку под платье и взялся за инструмент. Затем он распрямил руку, словно поднос, и выставил свое снаряжение на обозрение.

— Вот Мужское Острие твоего недостойного младшего брата. Смотри сколько хочешь.

Разбойник уставился вниз с непроницаемым выражением, затем принялся рассматривать инструмент с разных сторон. Ученый ждал некоторое время, что тот

скажет, но Равный Кунь Луню словно онемел. Тогда он решил, что разбойника свергли в такое состояние внушительные размеры снаряжения.

— Его надо видеть в поднятом состоянии, — гордо добавил Ученый. — Сейчас он отдыхает, и впрямь сморщенный какой-то.

Равный Кунь Луню наконец раскрыл рот.

— Лучшее, что ты можешь сделать — не вынимать его из штанов вообще, чтобы никто его не видел, — сказал он.

Ученый не сразу понял.

— А что ты имеешь в виду?

— Всему есть естественные пределы, и вполне ясно, что твой инструмент большим никогда не станет.

— Но моя жена и наложницы никогда не жаловались...

— Мой дорогой названный братец, — произнес разбойник прежде, чем Ученый успел выразить тревогу. — Твоя принадлежность размером всего лишь в треть того, чем обладает настоящий мужчина. Ты и впрямь думаешь, что этого достаточно для набегов на частную собственность других мужчин? Твои прежние рассказы о всех этих любовных приключениях заставили меня предположить, что у тебя в штанах настоящая дубинка. А что же я вижу? Нечто подходящее для расчесывания подшерстка, но вовсе непригодное для штурма главного штаба. Нет, ты определенно водил недостойного старшего брата за нос.

Потрясенный Ученый наконец ринулся защищать себя.

— В большинстве случаев его принимали с одобрением, а иногда он даже срывал аплодисменты. Даже теперь моя жена при виде его трепещет от восторга и страха.

— Если тебя когда-либо удостаивали за эту штуку похвалы, то это могли быть лишь девственница, которую ты лишал невинности, либо мальчик, впервые имевший дело с женщиной.

Равный Кунь Луню говорил с таким пренебрежением и так авторитетно, что Ученый уже был готов поверить, что он не столь уж хорошо оснащен, как ему казалось.

— Ты действительно имеешь в виду, что у меня он даже не среднего размера? Это невероятно!

— Я высказываю мнение того, кто видел по крайней мере тысячу инструментов и, честно скажу, ни один из них не был так мал, как твой.

Это казалось невозможным, невероятным, и Ученый вновь заговорил:

— Ты говоришь так лишь потому, что передумал брать меня с собой. Быть может, у тебя и вообще не было никаких побед? И кстати, откуда ты знаешь все эти подробности о мужьях, если ты лишь мельком видел их, когда совершал набеги на их дома?

— Что касается торговца шелком, я провел дальнейшие расспросы и узнал от одного из друзей, который видел его в жаркие летние дни, что снаряжение у него внушительных размеров и напоминает большого ужа. Если у тебя нет хотя бы такого же большого, как у него, инструмента, как можешь ты рассчитывать на благосклонный прием у его жены?

Ученый выглядел как никогда подавленным.

— А мои внешность, обаяние и ум, разве они ничего не значат для женщины? Допустим, моя принадлежность несколько чахлая, разве это все, к чему стремятся женщины? Умоляю тебя во имя нашей дружбы дать мне возможность испытать себя

с двумя женщинами. Я уверен, что смогу восполнить недостаточную длину другими способами.

— Разумеется, прекрасно, если имеешь приятную внешность и ум — тебя наверняка впустят в дом и проводят в спальню. Но что ты будешь делать, оказавшись там, внутри? Будучи допущенным ею в Зал для Испытаний, ты либо сдашь экзамен с успехом, либо провалишься. Нет, лучше выбрось из головы все помыслы о том, как бы соблазнить чужих жен и овладеть их дочерьми. Оставь свои ограниченные способности для собственных жен и забудь о своих мечтаниях.

На следующий день Ученому-Полуночнику удалось отыскать некоего Искусного Врачевателя. Это был пользующийся широкой известностью пожилой человек с броской внешностью. Ему-то Ученый и поведал о своем личном позоре. Если то, что рассказал Разбойник, было правдой, существовал лишь один способ исправить этот очевидный физический недостаток.

— Учитель, — сказал Ученый, — я видел ваши объявления, где вы обязуетесь увеличить размеры маленького члена. Не будете ли вы так любезны разъяснить мне, как происходит это чудо и можете ли вы обещать мне нечто гигантское?

— Все зависит от исходного материала, — отвечал Искусный Врачеватель. — Во-первых, от его размеров, во-вторых, от того, насколько большим вы хотите его видеть. Есть и третье обстоятельство сможете ли вы приспособиться к столь резкой перемене?

Это разъяснение сильно взволновало Ученого.

— Пожалуйста, расскажите поподробнее. Я очень надеюсь, что вы сможете что-то сделать для меня.

— Я полагаю, вы сумеете разобраться в тонкостях языка медицины. Во-первых, вы, может быть, просто хотите, чтобы конец ваш удлинени на пару дюймов? Если так, то я дам вам мазь, которая легко произведет эти незначительные изменения, — пояснил Врачеватель. — Прежде всего она делает инструмент нечувствительным к жаре и холоду и временно препятствует мочеиспусканию. Затем его «обмывают», «окуривают» и «вытягивают». Прошу простить мне эти профессиональные выражения. «Обмывание» производится для расширения, «окуривание» для укрепления, а «вытягивание» для удлинения. Курс лечения длится трое суток. Как видите, все очень просто, и потому этот способ пользуется наибольшей популярностью.

— А какой из ваших способов самый изысканный? — спросил Ученый.

— Если инструмент нужно увеличить до неузнаваемости, а это в случае, когда я имею дело с действительно миниатюрным Мужским Острием, тогда необходима серьезная операция. Это «прививка Нефритового Стебля», требующая полной перекройки сосудов, сухожилий, кожи и мышц. Но подобное вмешательство рекомендуется лишь тем, кто чувствует, что возможность обладания оружием выдающихся размеров перевешивает все прочие жизненные обстоятельства. Вначале мне придется убедиться, изучив характер пациента, что он обладает решимостью и мужеством подвергнуться длительному лечению. Если он не пройдет мое испытание, то лучший совет, который я смогу ему дать, — забыть обо всем этом навсегда. С другой стороны, если пациент видит в сексуальном удовлетворении важнейшую цель жизни и находится в правильном расположении духа, тогда я с радостью сделаю прививку.

Ученый недоверчиво слушал. Затем произнес:

— Неужели прививка и впрямь возможна?

— Мне снова придется прибегнуть к медицинским выражениям, — сказал Врачеватель. — Вначале я подыскиваю большого и здорового кобеля, затем нахожу суку в самой поре. Я сажаю их в две соседние конуры и хорошенько кормлю. Через несколько дней я свожу их друг с дружкой. Инструмент кобеля это замечательная штука. Он способен сильно увеличиваться и долгое время оставаться напряженным. Даже после того как собаки насладились игрой в Тучки и Дождик, этот замечательный инструмент еще целых полдня будет оставаться в сучке. Операция моя состоит в следующем: я выжидаю до тех пор, пока покрывший суку кобель не соберется извергнуть семя, а в этот момент его инструмент более всего распухает. Тогда я беру свой нож и одним ударом отсекаю его. Затем аккуратно вытаскиваю его из суки.

Операция требует быстроты. В считанные мгновения рассекаю напряженный собачий пенис по всей длине на четыре части. Затем на члене пациента после обезболивания делаю четыре надреза. В каждый из них я вкладываю кусок собачьего пениса (плоть его еще должна быть теплой), натираю соединенные швы специальной целебной мазью, а затем туго забинтовываю всю поверхность. В случае удачи получается прекрасный гибрид человека и собаки.

Одна из опасностей состоит в возможности повреждения уретры.

Если это происходит, пациент может никогда больше не достичь полной эрекции. Если же все удачно, выздоровление происходит не более чем за два месяца, а когда повязку снимают, то рубцов почти не бывает видно. Еще один месяц на восстановление сил — и новый инструмент можно пускать в ход.

— Но каковы же будут его размеры? — поинтересовался Ученый, слегка потрясенный всеми этими медицинскими подробностями.

— На вид он кажется всего лишь вдвое-втрое толще обычного, но, пущенный в ход, он увеличится еще больше, его объем и мощь возрастут в двадцать раз по сравнению со средним органом.

С тех пор как Ученый подвергся издевкам Равного Кунь Луню, он постоянно чувствовал себя разбитым и опозоренным. Теперь же с криком восхищения он бросился на колени и отвесил земной поклон Врачевателю. В сердце у него раздавалось пение тысячи птиц.

— О, великий Учитель медицины и хирургии, — начал умолять Ученый, стоя на коленях. — Эта операция для меня дороже жизни. Чем я могу отблагодарить Бас?

Врачеватель помог ему подняться на ноги.

— Раз уж Вы так желаете, это можно устроить. В ответ Ученый разразился откровенной речью.

— В женщине сокрыт весь смысл существования мужчины на земле, а я узнал, что ущербен в той части, что в наибольшей степени предназначена для обеспечения этого существования. Теперь же вы обещаете исправить эту ошибку природы... — Он вновь упал на колени.

— Что я могу сделать, кроме как обратиться лицом к северу⁵ и благодарно кланяться вам в ноги!

Он велел жене принести свою шкатулку с драгоценностями и достал оттуда мешочек с серебром.

— Вот, Учитель, скромный символ моей признательности. Когда операция завершится, и если прививка будет успешной, у вас появится еще одно доказательство благодарности, которую испытываю я, недостойный.

— Нужно выяснить еще ряд обстоятельств, — перебил его Врачеватель.

— Так давайте выясним их. Я заплачу любую цену, чтобы стать гордым обладателем суперинструмента, я стерплю любую боль. Если же удар ножа будет неверным, то, уходя из этой жизни, я не пожелаю вам зла.

— Я не сомневаюсь в своем мастерстве хирурга. Неудач у меня было мало, и ни одна из них не стала роковой. Но позвольте узнать, готовы ли вы принести три жертвы?

— Что это за жертвы? — тут же спросил Ученый.

— Во-первых, три месяца необходимо полностью воздерживаться от половых сношений. Если пренебречь этим, то швы разойдутся. Части собаки просто отпадут, а ваш собственный предмет начнет гнить по всей длине надрезов. Вторая жертва заключается в том, что обладатель столь мощного инструмента должен избегать некоторых девушек. Во-первых, это относится к молодым и малоопытным, во-вторых, — к девственницам. Пронзить девственницу этим гигантским острием-гибридом значит почти наверняка убить ее.

— А третья, Учитель?

— Это неизбежное ущемление нормальной мужской потенции. Добавляя орган собаки к снаряжению пациента, мы разбавляем его потенцию меньшей озабоченностью сексом, свойственной животным. К тому же наблюдения показывают, что ваши дети проживут меньше, чем вы, а это означает, что будущим поколениям придется расплачиваться за ваше решение. Поэтому подумайте хорошенько — способны ли вы воздерживаться в течение трех месяцев, сможете ли вы овладеть своей страстью в присутствии девственниц, готовы ли вы отказаться от обзаведения потомством? Ученый ни минуты не колеблясь, принял это тяжкое решение.

— Эти жертвы мне по силам, Учитель. Не сомневайтесь.

— Ну раз так, подыщите животное себе по вкусу и принесите его мне, когда будете готовы.

Ученый-Полуночник три дня рыскал по всей округе, прежде чем нашел подходящего пса огромного роста. Он также купил здоровую сучку и принялся кормить собак отборными лакомствами, держа в разных частях дома. Когда наступил назначенный день, его слуги привели животных в жилище Искусного Врачевателя, расположенное в уединенной местности, что как нельзя лучше подходило для столь необычных хирургических операций. Другие слуги принесли еду и вино для пиршества.

Как только Ученый появился, Искусный Врачеватель, немедленно начал приготовления. Неудовлетворительный инструмент был смазан мазью, после чего мгновенно стал совершенно нечувствительным. Через несколько секунд Ученый уже не мог поверить, что это часть его тела. Пощипав и подергав его, он удостоверился, что ничего не почувствует, когда Врачеватель будет резать плоть.

Кобеля познакомили с сучкой, и те немедленно заинтересовались друг дружкой. Дело происходило, в закрытом дворе, куда через некоторое время вынесли столы, после чего началась трапеза. Но уже вскоре между переменами изысканных блюд Ученый и Врачеватель смогли наблюдать подготовительную стадию неминуемой пересадки пениса. После беготни по двору и энергичной любовной игры кобель прочно приклеился к суке, и, не обращая никакого внимания на сидящих за столом, животные принялись за свою разновидность игры в Тучки и Дождик.

Наконец Врачеватель дал слугам знак натянуть поводки и развернуть собак, прижавшихся друг к другу хвостами, в противоположных направлениях.

Прекрасный инструмент кобеля, зажатый внутри суки, теперь оказался внизу под ним, в туго натянутом состоянии, что как раз и нужно было Врачевателю с его ножом. Опыт сделал его знатоком в столь рискованном деле, как выбор подходящего момента, и, тщательно рассчитав удар, Врачеватель отсек инструмент у самого основания. С тем же мастерством он рассек крестец суки и благополучно извлек член.

Пока слуги увлакивали воющих животных, Врачеватель разрезал свою добычу на четыре длинных куса, затем велел Ученому вынуть свой член. С некоторой опаской Ученый исполнил приказ, но столь быстр и искусен был хирург в своем мастерстве, что продольные Надрезы совершенно не ощущались. Полоски собачьего органа были еще горячими, когда их вложили в разрезы, и Врачеватель чуть помедлил, любуясь делом своих рук. Затем он натер то, что нужно, целебной мазью и очень аккуратно прибинтовал все куски. Наконец позвали слуг, чтобы те убрали следы операции, а поскольку Ученый не испытывал никаких неприятных ощущений, он пригласил Врачевателя вернуться к столу и продолжить прерванное пиршество. За едой и вином Врачеватель давал Ученому советы, как лучше всего пользоваться новым приобретением.

Более современные данные свидетельствуют, что культурные китайцы не были абсолютно неправы, когда ощущали собственную физическую неполноценность по сравнению с некоторыми варварскими народами. Если только верить собственным глазам, можно было видеть, что китайский мужчина, по крайней мере южанин, был сложен как мальчик; узкие плечи, минимум волос на всем теле, за исключением лобка, руки и мускулы, мягкостью напоминавшие женские.

Внушающее чувство уверенности превосходство Поднебесной Империи, ее культурные и интеллектуальные достижения нередко не могли компенсировать душераздирающие сомнения ее обитателей по поводу мужественности. Ц. Фрейзер и Х. Ли в работе «Расовые вариации сифилиса» (1948) приводят результаты обследования ста черепов, проведенного А. Вуд-Джонсом в Пекинском медицинском колледже.

«Половые характеристики этих черепов выражены крайне слабо. Если судить по стандартам, применяемым к европейским черепам, значительное количество мужчин будут классифицированы как женщины. Во многих случаях просто поражает крайняя женственность мужского черепа. Морфологические признаки этих черепов кажутся симптоматичными в свете общей слабой выраженности вторичных половых признаков у китайского мужчины. Примером тому является отсутствие волос на теле.

В этом отношении мужчина-китаец больше похож на белую женщину, чем на мужчину белой расы.

Можно сказать также, что многие из функциональных способностей китайцев как психических, так и соматических, больше соотносятся с женским типом, чем те же способности белой расы. По утонченности мысли, вкусам и манерам, по некоторым социальным и политическим пристрастиям китайская раса находится примерно в том же отношении к белой расе, что и женщина к мужчине».

В результате изучения сифилиса Фрейзер и Ли приходят к некоторым интересным выводам. На китайскую женщину эта болезнь влияет не так серьезно, как на мужчину, этот факт они объясняют врожденными расовыми особенностями.

Они рассуждают также о возможности генетической бисексуальности китайцев, явно более женственных, чем другие народы.

Что бы, впрочем, современные ученые ни говорили насчет конкретных пропорций в генетическом строении, исторические свидетельства и доказательства, накопленные всей совокупностью литературы и традиций, наводят на мысль, что при свойственных китайцам потенции и вниманию к половой жизни степень их мужественности вряд ли следует измерять количеством волос на теле или шириной плеч. На самом деле культ Павильона Наслаждений был основополагающей религией в жизни китайца, что явствует из такого вот стихотворения, высеченного на стене одного из пекинских борделей:

Через Яшмовые Врата мы вступаем в эту жизнь,
Раз родившись, мы постоянно стремимся вернуться обратно.
Сколько же мужчин просыпается ночью,
Когда их Железный Прут затвердевает
И возвещает, что эта истина нетленна, желанна,
Что радость жизни и вечную юность
Обретешь ты там, откуда на свет появился.

Йонеда Юйтаро
«Непристойные рассказы из Китая» (1927)

НАПАДЕНИЕ НА ЯШОМВЫЙ ТЕРЕМ

Как упоминалось выше, методический подход к половой жизни многих китайских любовников состоял в том, чтобы иметь книги или свитки с ее описаниями и изображениями. По этим пособиям можно было изучить различные позиции при половом акте, а назывались они «подушечными книгами», или альбомами. Часто такие книги составлялись в виде гармошки или длинного свитка. Развернешь их — и с первого взгляда открывается прекрасный выбор. Об их даосском происхождении говорят такие заголовки, как «Игра в Тучку и Дождик» или «Драгоценные минуты в Волшебных Полях».

Большой выбор «подушечных книг» означал, естественно, повторение многих сексуальных поз, несмотря на бесконечное разнообразие их вычурных и описательных названий. В отличие от авторов индийских и арабских пособий практичные китайцы заботились о том чтобы позы были одновременно понятными и легко выполнимыми для нормального человеческого тела. Книги эти в буквальном смысле слова лежали на подушке, чтобы можно было обращаться к ним часто и рассматривать подробно, а их пригодность зависела поэтому от осуществимости содержащихся в них предписаний. Китайцам здесь, вне сомнения, было легче благодаря их тонкому и гибкому сложению, а подобные учебники часто были в спальне такой же неременной принадлежностью, как поваренная книга в современной кухне. На иллюстрациях часто присутствовали третьи лица, особенно служанки или другие наложницы, и хотя некоторые сочетания действующих лиц могут показаться забавными западному уму, для китайцев трио представлялось весьма разумным устройством.

Естественно, центральной фигурой в этих сценах был мужчина, вторая женщина играла вспомогательную роль, вводя член хозяина в надлежащее место или же возбуждая другую женщину любовной игрой с тем же желанием сберечь и сконцентрировать усилия мужчины. На некоторых гравюрах вторая женщина изображена стоящей около кровати в обнаженном виде с книгой в руках и декламирующей стихи.

Подобные иллюстрации превратились в излюбленный вид искусства, хотя вне спальни они никогда не демонстрировались. Размером картинка были обычно двадцать—двадцать пять сантиметров в высоту, а с XVII в. они печаталась четырех- или пятицветными. До этого времени простая ксилографическая техника давала более грубые оттиски фигур, в особенности гениталий, хотя ранние живописные или отпечатанные при помощи многих клише свитки являли собой образцы высочайшего

Во время любовных игр.
Иллюстрация к роману «Цзинь, Пин, Мэй»
из серии XVI-XVII вв.

ремесленного искусства. Эти мастера работали также по слоновой кости, яшме и мыльному камню, вырезая из них плоские дощечки, которые потом укрепляли на покрытых шелком коробочках и переплетали в альбом (обычно в форме гармошки). Достаточно плоским безжизненным фигурам придавали больше реалистичности, раскрашивая лица и половые органы.

«Подушечные книги» содержали также стихотворения и предписания (иногда в поэтической форме), слова в которых были подобраны со вкусом и без всякого намека на вульгарность. Эта утонченность проявлялась и в рисунках с искусной общей композицией и выразительным расположением фигур. Половые органы были, как правило, стилизованы, лобковые волосы женщины рисовались в форме небольшого веера вокруг ясно изображенной вульвы; пенис, в отличие от аналогичных японских гравюр, был все-таки ближе к человеческому размеру. Выражения лиц были одинаково спокойными, глаза и рот слегка улыбались, художник словно соблюдал высшие конфуцианские принципы своих персонажей.

О важности такого рода наставительных пособий говорится в шедевре семнадцатого века, романе «Жоу пу туань», принадлежащем Ли Юю. Его герой, Ученый-Полуночник, упоминавшийся в предыдущей главе, женившись на молодой женщине очень строгих нравов, обнаруживает, что она готова предаваться любви только в наиболее традиционных позах. Поэтому он достает «подушечную книгу», чтобы убедить свою юную супругу, что в небольшом разнообразии на брачном ложе нет ничего непристойного, но сделать это он должен с величайшей учтивостью.

— Ты говоришь, что любовь не является поводом для стыда или застенчивости, — сказала Нежный Аромат. — Если это правда, то почему мои почтенные родители никогда не предавались соитию днем?

— Откуда ты знаешь, что они не делали этого? — спросил Ученый.

— Если бы они занимались этим днем, я бы заметила. Я провела с ними целых шестнадцать лет и за все это время никогда не видела и не слышала ничего о сексе.

Ученый засмеялся.

— Ну, это как раз и доказывает, какой ты в сущности ребенок, если не замечаешь таких вещей. Даже служанки, должно быть, видели твоих родителей или по крайней мере замечали, как они удалялись в часы досуга и запирали за собой двери.

Нежный Аромат на некоторое время задумалась.

— Это правда, я согласна, что мои родители время от времени в течение дня уходили к себе и закрывали двери, но кто может точно знать, что они делали? Нет, все равно я не могу поверить, что они видели друг друга обнаженными.

— Ты ошибаешься, моя дорогая, — сказал Ученый. — Почему искусством спальни увлекаются днем? Потому что при свете все ясно видно. Ничто так не возбуждает страсть, как возможность лицезреть друг друга. Но я согласен с тем, что «дневных любовных представлений» должны избегать два типа людей.

— А что это за типы? — спросила Нежный Аромат с любопытством.

— Это пары, где муж безобразное чудовище, а жена писаная красавица, и те, где муж красив, а его партнерша — наоборот, уродлива.

— Но, если они возжелали друг друга, — настаивала Нежный Аромат, — почему их внешность должна препятствовать им заниматься любовью в дневное время?

— Почему? Ну, потому что вначале это всего лишь желание, искрой воспламеняющее кровь. Чтобы соитие было приятным, партнеры должны быть привлекательны друг для друга. Для этих же двух категорий предпочтительнее черная как смоль ночь. — Ученый обнаружил, что становится красноречивым, хотя, возможно, причиной тому была возбужденная похоть. — Представь себе красивую женщину, кожа у нее гладкая, мягкая и тонкая, как фарфор. И вот муж снимает с нее одежды одну за другой, открывая наконец-то эту красоту. Она садится к нему на колени, его Мужское Острие становится все больше и больше, а она также возбуждается от его вида и ощущения. Теперь представь безобразного мужчину, делающего то же самое, все его уродства особенно выступают при дневном свете. В ночи ты заметишь лишь одну десятую его безобразия, теперь же он кажется вдвое безобразнее, чем есть на самом деле.

— Но это к нам не относится, — уверенно заметила Нежный Аромат. — Моя красота под стать твоей, и днем мы равно приятны, глазу. Если и есть люди, которым следует предаваться любви днем, а не прятаться в темноте, то это наверняка мы.

Ученый склонил голову, будто поздравлял ее с весьма мудрым замечанием, а затем сказал:

— Что верно, то верно, так почему же мы должны быть исключением? Пойми, что тебе это будет в десять раз приятнее, чем ночью.

Нежный Аромат слегка покраснела и задрожала всем телом. Ученому стало ясно, что необходимо лишь одно маленькое усилие, но, будучи натурой утонченной, он не желал выказывать грубое нетерпение. Кроме того, она могла повести себя, как изголодавшийся человек, которому дали добрую порцию еды, — он глотает ее, не оценив ни вкуса, ни аромата. Помня об этом, Ученый решил выждать еще немного. Устроившись в своем удобном мандаринском кресле, он притянул ее поближе и усадил к себе на колени. Потом он взял Книгу для спальни, лежавшую рядом, и стал с безразличным видом листать страницы так, чтобы побыстрее заинтересовать ее красочными картинками.

Ученый специально выбрал именно этот том.

Это был не простой альбом, каждая картинка сопровождалась пояснительным текстом, который был разделен надвое: верхняя половина содержала детальное описание сексуальной позы, в нижней научным языком говорилось о художественных достоинствах иллюстрации. Ученый стал переворачивать страницы медленнее, задерживаясь на особенно откровенных рисунках. Затем он стал громко зачитывать отрывки из текста. Было ясно, что Нежный Аромат пыталась следить за содержанием. Хотя Ученый был уверен, что слова ей понятны, он сомневался, ухватывает ли она более глубокий смысл отрывков.

Первый рисунок был описан как «Бабочка, ищущая источник аромата»: «Госпожа сидит на камне около озера тай-ху», — прочел он. — Ее ноги разведены в стороны, а Нефритовый Стебель партнера трепещет вокруг сердцевинки цветка. Мужчина и Женщина только еще у входа в Страну Наслаждения и Страсти, вот почему выражения их лиц относительно спокойны, хотя нужно отметить, что их глаза широко открыты, а брови приподняты».

Второй рисунок был описан как «Пчела, собирающая мед»: «Женщина лежит на спине, подняв и раздвинув ноги, будто свешивающиеся с веревок. Обе ее руки держат Бьющий Корень, направляя его вниз, в Сердцевину Цветка, и не давая ему заблудиться в зарослях».

Третья поза называлась «Голодная лошадь, пожирающая еду из кормушки»: «Госпожа лежит на спине, обвив руками шею партнера. Она поднимает ноги, ставит их ему на плечи и прижимает Золотые Лилии к его щекам. В это время Нефритовый Пест введен по самую рукоятку, ни на волос не оставаясь снаружи. Но он умудряется врыться еще глубже. На лицах обоих отражается полная поглощенность друг другом, а их языки переплетены».

Под пятой картинкой была подпись «Два дракона, изможденные сражением»: «Госпожа лежит боком на подушке, тело ее расслаблено, руки и ноги широко раскинуты. Мужчина утомленно опустился на нее, его лицо в ложбине ее шеи, его тело также безжизненно. Битва Цветов закончилась, и Благоуханные Души отдыхают. Но есть признаки, что тела не полностью измождены. Он все еще держит в руках Золотые Лилии Госпожи, которые изредка трепещут в надежде разбудить его».

В этом месте Ученому стало ясно, что его жена начала понимать текст. Ее лицо сильно порозовело и выглядело определенно сердитым.

— Что за вздор ты читаешь, и что это за рисунки? — вскрикнула она, вскакивая с его колен.

— Это «Собрание Весеннего дворца». Позволь мне рассказать тебе о шестом рисунке.

— Чем больше ты смотришь на них, тем больше возбуждаешься. Можешь изучать эти грязные штучки сам. Я иду спать.

Когда она стала выходить из внутренних покоев, он крикнул ей:

— Следующие даже еще лучше. Мы могли бы пойти спать, как только рассмотрим их все.

— Почему бы не оставить немного удовольствия на завтра, — саркастически заметила Нежный Аромат, — ты будешь в том же состоянии, не так ли?

Ученый поднялся с мандаринского кресла и поймал жену, когда она открывала дверь. Губки ее были надуты от досады, а все тело напряжено от недовольства. Это была очень привлекательная поза, и он страстно поцеловал ее в рот.

Но что за чудо! Они были женаты уже месяц, и когда бы он ни целовал ее, пытаясь просунуть свой язык ей в рот, его всегда встречала загородка из ее прекрасных зубов. На сей же раз все было по-другому: едва он дотронулся до ее губ своим влажным языком, как ее язычок бросился навстречу. Наконец они переплелись и занялись увлекательнейшей любовной игрой. Когда их губы разъединились, голос Ученого готов был срываться от возбуждения.

— Дражайшее сердце мое — нет, дражайшая печень моя¹! Давай не пойдем в спальню, иди сюда к мандаринскому креслу! Мы можем представить, что это валун на берегу озера Тай-ху.

— Ты собираешься предаваться любви здесь! — воскликнула Нежный Аромат, хотя ее негодование выглядело слегка преувеличенным. — Это вряд ли подходит для приличных людей.

— Ты совершенно права, — согласился Ученый. — Это не для людей. Но будь мы богами — ты и я... кто может поручиться, что это не так? Разве мы не красивее других пар?

Пока он говорил эти льстивые слова, руки его скользили по поясу, который поддерживал ее шаровары, пока он не нащупал шелковый бант. Нежный¹ Аромат выразила свое несогласие вздохом и сдвинутыми бровями, но не сделала попытки оттолкнуть его. Когда одежда упала к ее ногам, он заметил на ткани влажное пятно и

по его размеру заключил, что ее выделения начались не вследствие поцелуя, но во время чтения из «Весеннего дворца»...

По-прежнему не сопротивляясь, она позволила ему вытащить ее ноги из шелковых складок, потом он быстро скинул штаны. Тень сомнения пробежала по ее лицу, и вместо того, чтобы продолжать снимать свою верхнюю одежду, он поднял Нежный Аромат на мандаринское кресло и расположил ее ноги на деревянных ручках.

И прежде чем она успела опомниться, его орудие уже было прижато к Яшмовым Вратам, и только теперь, когда стало ясно, что она не сопротивляется, он начал снимать ее кофту и свою верхнюю одежду.

Этот прием был известен как «предварительное занятие штаба» — хорошо выученный урок из учебника. Если бы он сначала стал возиться с раздеванием, настроение вполне могло измениться. Теперь же, когда штаб занят, у нее не осталось возможности спастись бегством, капитуляция была неизбежна и оставалось только провести операцию по «очищению территории от противника». И почему бы не начать с вышитых чулок, покрывающих ее забинтованные ноги?

И вот на Нежном Аромате уже нет ничего, кроме повязок вокруг лодыжек и ступней — постоит ли тратить на них время, если он уже пропущен в Яшмовые Врата? К тому же женщины знают, что перевязанные ступни возбуждают мужчин, а в обнаженном виде они становятся бесформенными, и неприглядными обрубками. К тому же Нежный Аромат имела идеальные по размеру Трехдюймовые Лотосы, столь привлекательные, когда перевязаны, но такие жалкие, когда обнажены. «Нет, снять их, — решил Ученый, — это все равно, что любоваться цветком на стебле без листьев. Как-то слишком голо».

Поэтому он приступил к прямому штурму. Прорываясь вперед своей «мужской дубинкой». После двух первых поединков он остановился, чтобы понаблюдать, что получилось, а затем решил поднять ноги жены с ручек кресла и положить их себе на плечи. Это должно было помочь его движениям, особенно взмахам из стороны в сторону, столь необходимым для захвата потаенных покоев Сердцевины Цветка. Заметив, что они находятся точно в такой же позе, что изображена на первой иллюстрации, он испытал еще большее удовольствие.

Со своей стороны, Нежный Аромат была не просто побежденной, теперь она помогала врагу. Она ухватилась руками за кресло, а ее тело двигалось навстречу его ударам. Когда он начинал двигаться из стороны в сторону, она инстинктивно чувствовала, как следует расположить Яшмовые Врата. Внезапно впервые со дня их свадьбы Нежный Аромат испытала острое ощущение, одновременно невыносимое и восхитительное, и хотя она не представляла, что из этого будет, она уже знала, что приближается к Высшему Блаженству.

Желая поскорее насладиться этим изумительным состоянием, она попросила Ученого ударять глубже и прямо, а не увлекаться боковыми движениями. Эта просьба была немедленно исполнена. Он провел сотню атак на Сердцевину Цветка, прежде чем Нежный Аромат впилась ему зубами в плечо и дико сжала его в объятиях; туча наконец прорвалась.

— Это было так прекрасно, так прекрасно, — вздохнула она.

Лицо ее выражало восхищение и удовлетворение, но затишье, к удивлению Ученого, было гораздо более кратким, чем он ожидал. В самом деле, в минуту возвышенной умиротворенности Нежный Аромат неожиданно поняла, что захватчик Цветочных Покоев не удовлетворился завоеванным; ясно было, что он просто дает

ей передышку перед продолжением штурма. Поэтому она положила руки ему на ягодицы, приготовившись к дальнейшему сражению, затем сжала ноги вокруг его шеи и перекрыла ему путь к отступлению.

Ученый, далекий от мысли об отступлении, немедленно бросился в бой. Его Нефритовый Стебель был больше, чем когда-либо, будто передышка позволила ему проглотить ее Жизненную Сущность, а когда он положил руки на ее тонкую талию, то понял, что переплетение рук, ног и тел в точности соответствует рисунку номер два из «Собрания Весеннего дворца». Но Нежный Аромат, которая, казалось, радовалась продолжению битвы, неожиданно ослабла, словно потеряв сознание. Глаза ее были закрыты, а высокая и сложная прическа сбилась на сторону.

— Дражайшее сердце и печень моя, — воскликнул Ученый, — мы, разумеется, должны перейти на кровать, где сможем продолжить в удобстве.

Предложение заставило Нежный Аромат очнуться.

— Нет, нет, — простонала она.

Однако протест этот был в действительности вызван лишь тем, что передвижение позволило бы забияке, который находился в ней, улизнуть. Она чувствовала, что должна воспользоваться плодами заслуженной победы, получить его горячие выделения и насладиться их благотворным воздействием на почву ее Волшебного Поля.

— Дражайшее сердце и печень моя, ты что, не можешь двигаться?

Она кивнула.

— Хорошо, — сказал Ученый, стремящийся теперь продолжить курс дневного обучения, — я отнесу тебя в кровать.

Ученый был искушен в переносе женщин, особенно пронзенных его копьем. Выражаясь точнее, он лишь приподнял Нежный Аромат, держа ее на самом кончике копья, как на оси, ногами же она обвила его.

Таким образом он проследовал в спальню, слегка двигаясь вверх и вниз, что позволяло копью оставаться таким же напряженным; движения эти походили на езду на колеснице или в экипаже. Однако когда он добрался до спальни и наклонился так, что она оказалась под ним, Нежный Аромат неожиданно закричала: «Дорогой! Дорогой, я почти... я почти что».

Она сжала его так, будто он спасал ее от падения в бездну, дышала так тяжело, как можно дышать только от ужаса, кроме того, Ученый ощутил неожиданный поток Женской Сущности. Он окунул свое Мужское Острие в эту влагу, как только мог глубоко и сильно, после чего понял, что также несется к водопаду. Он чувствовал, что погружается в горячий и кипящий водоворот, затем начинает всплывать к поверхности и, когда, казалось, можно уже глотнуть воздуха, он уже словно плыл по течению, ощущая наслаждение.

Первой очнулась Нежный Аромат.

— Знаешь ли ты, что минуту назад я была по-настоящему мертва, — сказала она.

— Ты была мертвее, чем мертвая, — ответил Ученый, — ты испытала Небесное Забвение.

— Но почему же ты это так странно называешь?

— Потому что у каждого из нас есть собственная сущность. Когда эти сущности освобождаются, что совпадает с наслаждением, Высшим Блаженством, все наше существо, будь то кожа, мышцы, суставы, кровь или кости так ослабевают, что мы больше не осознаем эти части тела, как свои собственные. Вот почему это

называется Забвение и точно соответствует рисунку номер пять в «Собрании Весеннего дворца».

Нежный Аромат теперь полностью очнулась.

— Как удивительно состояние Забвения. И как приятно пробуждаться. Это похоже на воскрешение.

— А так и должно быть, — сказал Ученый, очень довольный своим мастерством Наставника и успехами ученицы. — Это забвение должно наступать каждый раз, когда мужчина и женщина занимаются любовью. А с некоторыми мужчинами, обладающими истинным талантом, женщина двадцать раз освобождает свою сущность прежде, чем они отдадут Свою собственную Жизненную Силу, — Ученый довольно рассмеялся. — Не прав ли я был, говоря, что альбом — это самая полезная книга?

— Это просто драгоценная книга, — убежденно сказала Нежный Аромат. — Определенно, весьма драгоценная книга.

Благоговейное отношение китайцев к своим предкам заставляло их с особым почтением относиться к наиболее старинным сексуальным пособиям. Позы, рекомендуемые в «подушечных книгах», и даже те, что изображались во вроде бы возмутительных «авангардистских» романах, должны были казаться почерпнутыми из мудрости веков. Знаменитым источником такого знания было сексуальное пособие Благороднейшего Дуна. Так как это было классическое сочинение периода Тан (618—906), популярность ему была гарантирована на многие века.

«Искусство брачных покоев» Благороднейшего Дуна подробно цитировалось в предыдущей главе, за исключением того, что относится к сексуальным позициям. Ниже приводится его перечень тридцати небесных и земных поз. Он считает их основным минимумом, на котором строятся все прочие вариации. Этим позам по порядку должны следовать любовники, прежде чем предаться своим собственным порывам.

«Четыре главные позиции, из которых следуют все остальные, вряд ли нуждаются в детальном описании, и я просто назову их:

1. *Теснейшие объятия*

2. *Открытые жабры*

3. *Рог единорога*

4. *Скомканная простыня*

Разновидности этих «любовных битв» можно теперь описать:

5. *Пряжущий нить шелкопряд*

Госпожа Инь лежит на спине, лицом вверх, охватив руками шею господина Ян, ногами его талию. Господин Ян ставит руки ей на талию, колени под ее бедра. Он подтягивает ее к своему Небесному Оудию.

6. *Завоевание дракона*

Госпожа Инь остается на спине с поднятыми ногами, согнутыми в коленях. Господин Ян становится на колени между ее бедер и поднимает Золотые Лилии, пока они не окажутся над ее головой. Потом она поддерживает свои ноги, пока он захватывает Драконьи Яшмовые Врата.

7. *Рыбы, глядящие друг на друга*

Господин Ян укладывает госпожу Инь на бок, затем сам ложится лицом к ней. Он берет ее верхнюю ногу и кладет ее поперек своего бедра и одновременно всовывает свой язык ей в рот. Затем господин Ян заводит ее ногу к себе на талию, а

госпожа Инь возвращает ему поцелуй. Когда их языки переплетутся, он вводит свое Мужское Острие.

8. *Две Ласточки с одним сердцем*

Снова госпожа Инь на спине. Господин Ян разводит ее ноги в стороны так далеко, чтобы они напоминали распростертые крылья. Затем он прижимается к Алой Долине и вводит свое орудие.

9. *Совокупляющиеся зимородки*

Госпожа Инь развела ноги в стороны, лежа лицом кверху, вздрагивая Золотыми Лилиями. Господин Ян сидит на ягодицах между ее трепещущими ногами, обнимает ее за талию и подтягивает ее вверх по своим бедрам, его Яшмовый Корень находится на одной прямой с серединой «Струн лютни».

10. *Уточка-мандаринка*

Госпожа Инь лежит на правом боку, господин Ян — прямо позади нее, тело его изогнуто к ней. Их левые ноги подняты вместе, правые ноги вытянуты прямо вниз. Половые органы, прижатые друг к другу, мелко дрожат, пока не соединятся.

11. *Порхающие бабочки*

Теперь господин Ян занимает позицию на спине, лицом вверх. Госпожа Инь садится ему на живот, твердо упершись ступнями в ложе. Затем она двигается назад до его Яшмового Корня, потом соскальзывает по нему движением назад.

12. *Утки, летящие вереницей*

Господин Ян остается лежать на спине, но госпожа Инь в это время садится ему на живот лицом к его ступням. В таком положении она может обеими руками направлять Мужское Острие в Золотую Ложбину.

13. *Скращенные сосновые ветви*

Господин Ян и госпожа Инь сидят на кровати, она расположилась у него на ступнях, ее ноги вытянуты поверх его ног. Ее ступни прижаты к его животу, и по мере возрастания желания они притягивают друг друга, ее ноги расходятся вокруг его талии, пока он не найдет Яшмовые Врата.

14. *Бамбуковый мост, ведущий в шатер*

Господин Ян и госпожа Инь поднялись теперь на ноги и стоят лицом друг к другу. Они крепко обнимаются, соединяют лица при помощи языков, и, наконец, Яшмовый Корень становится нижним мостом. В этом положении, будучи глубоко введенным, Мужское Острие достигает Высшей Террасы Ян.

15. *Пара пикирующих орлов*

Господин Ян и госпожа Инь лежат, обнявшись, затем переворачиваются сначала направо, затем налево. Во время поворотов они непрерывно трутся друг о друга до тех пор, пока напряженное Мужское Острие не будет готово к последнему полету. Это должно произойти, когда он перевернется в верхнее положение.

16. *Феникс, хватающий цыпленка*

Этот отрывок древнего манускрипта неразборчив, но, видимо, это поза, предназначенная для большой и тяжелой женщины и маленького и худого мужчины.

17. *Чайка, парящая, у края обрыва*

Госпожа Инь расположилась с краю кровати, верхняя часть ее тела лежит плашмя, а ноги подняты на грудь господина Ян, который стоит прямо. Входя в Цветущий Рай, он берет ее ноги, разводит и сводит их, как чайка в полете.

18. *Брыкающаяся лошадь*

Госпожа Инь остается в том же положении, но ее Золотые Лилии покоятся на плечах господина Ян, возле его ушей. Когда их тела сталкиваются, господин Ян дергает ноги вверх.

19. *Лягающийся мул*

Госпожа Инь располагается в центре кровати на спине. Господин Ян кладет свою левую руку под ее голову, а правую — под ее правую ногу, поднимая обе вместе так, чтобы ввести Яшмовый Бьющий Корень. Правая нога поднимается и опускается в ритме ударов.

20. *Лошадь, бьющая копытом по воздуху*

Госпожа Инь остается на спине, но ее левая ступня кладется на плечо господина Ян, когда он накрывает ее своим телом. Если удары неспешны и контролируемы, «эта позиция может дать неопишное наслаждение» (Благороднейший Дун).

21. *Прыгающая белая тигрица*

Госпожа Инь теперь стоит на коленях в центре кровати, разведя ноги в стороны, а господин Ян становится на колени прямо позади нее. Он обнимает ее за талию, подтягивая ее к себе на колени, она засовывает руки под себя, чтобы продолжить путь к Яшмовым Вратам.

22. *Цикада, цепляющаяся за дерево*

Госпожа Инь лежит лицом вниз, а господин Ян стоит на коленях между ее Золотыми Лилиями. Он сжимает ее талию и подтягивает ее к себе, ноги ее еще более раздвигаются, когда она поднимается на его бедра. Эта поза не для тучных женщин и слабых мужчин.

23. *Козел, бодающий дерево*

Господин Ян сидит в своем любимом кресле, подтягивая отвернувшуюся от него госпожу Инь к себе на колени. Как только она посмотрит на его Яшмовый Ствол, он сажает ее и ожесточенно вводит его. Затем он оставляет ее в этом положении для серии толкательных движений.

24. *Резвящиеся фазаны*

К госпоже Инь присоединяется сударыня Драгоценный Пион. Когда господин Ян садится, скрестив ноги, в центре кровати, обе женщины гладят и ласкают его. Когда госпожа Инь наконец усаживается на его Яшмовый Ствол, сударыня Драгоценный Пион продолжает свои поглаживания и ласки. («Очень развлекательно», — добавляет Благороднейший Дун.)

25. *Резвящиеся фениксы*

Госпожа Инь, отпустив сударыню Драгоценный Пион, лежит на спине и поднимает свои Золотые Лилии на его плечи. Господин Ян, держась за обе стороны кровати, поднимая и опуская свое тело, неоднократно вступает в Драгоценный Тигель и покидает его.

26. *Четырехкрылая птица*

Господин Ян стоит на коленях между бедрами госпожи Инь и, положив обе руки под ее ягодицы, помогает ей приподнять свое тело с кровати. В этом изогнутом положении он входит в Мягкую и Теплую Страну.

27. *Обезьяна, свешивающаяся с ветки*

Господин Ян одной рукой хватается за стойку кровати, потом приглашает госпожу Инь сесть на Нефритовый Стебель, положив ноги позади его туловища. Затем он упирается одной рукой в постель и поднимает себя на руке, держащей стойку, продолжая эти движения, пока не утомится.

28. *Кошка и мышка в одной норке*

Госпожа Инь становится на колени, а лбом упирается в постель. Господин Ян занимает положение позади нее и играет в кошки-мышки в двух отверстиях, предоставленных ему для наслаждения.

29. *Мул весной*

Госпожа Инь подходит к высокой кушетке и перегибается через нее. Господин Ян становится позади нее, держится за кушетку и не отпускает партнершу, пока она не поддастся его Бойцовой Дубинке.

30. *Осенние дни*

Господин Ян лежит на кровати, закинув руки за голову, а госпожа Инь сидит у него на животе лицом к его ступням. После того как они насладились двадцатью девятью позициями без перерыва, он созерцает ее спину, а так как он не может видеть ее лица, она представляется ему самим Великим Духом Инь. Руки ее усиливают его иллюзию, а как только Нефритовый Стебель станет жестким, она поднимается к нему».

Хотя в описаниях сексуальных позиций присутствует разумная тщательность, а любовники постоянно обращаются к страницам «подушечных книг», не следует думать, будто наслаждениям не сопутствовали чувства радости и языческого восторга. Атмосфера в китайской спальне, будь то во дворце или в скромном жилище, была оживленной, шумной, насыщенной щебетанием и пением, перебранками и передвижениями. А сам интерьер спальни, не говоря уже о ее ярком убранстве, составлял сугубо китайский фон для любовного акта.

В следующем отрывке романа XVI в. «Цзинь, Пин, Мэй» неугомонная жена принимается убеждать мужа заняться игрой Порхающих Бабочек.

«Выкупавшись, Золотой Лотос распустила волосы и вошла в спальню. Серебряная лампа светила очень слабо, отчего все очертания предметов становились мягкими и уютными. Одеяло над Симэнь Цином трепетало от его храпа, она села на кровать и надела свои спальные туфельки.

Она улеглась, положив голову на длинную подушку, но, будучи в возбужденном состоянии, никак не могла уснуть. Спустя некоторое время она положила руку на его мужское орудие. Оно было мягким, как мяч из хлопка, и совсем не отзывалось на ее настойчивые прикосновения. Выпитое ею вино до этого на нее ничуть не подействовало, теперь же оно словно ударило ей в голову, и с безрассудной страстью она залезла под одеяло. Через минуту она умудрилась повернуть спящего Симэня так, чтобы взять и рот его Черепашью головку, сосредоточив все усилия на щекотании кончика языком. Тут ее муж проснулся и сказал:

— Ты уже легла? Где ты была?

— Мы пили во дворе. Третья жена Мэн вынесла два подноса с едой и вином, и у нас был настоящий пир.

— Что ты там делаешь, развратница?

— Мы играли на пальцах и, когда я проиграла Прекрасной Башне, то должна была выпить три чашечки вина.

— Мой пояс любви лежит в ногах. Достанешь? Она не только достала, но и помогла надеть его. Результат ее усилий под одеялом был теперь вполне заметен. Завязав ему пояс вокруг талии, она затянула жесткое кольцо вокруг его Нефритового Стебля. Немного ласки — и он вырос еще на два дюйма. Так как Симэнь пребывал в ленивом настроении, а она была очень возбуждена, было решено, чтобы он положил подушку под себя, оставив всю работу ей. Наконец все четыре красные подушки

поместились под его ягодицами, и, не теряя времени на предварительные объятия, Золотой Лотос согнула колени, уселась на него и взяла жесткое орудие в руки.

— Ты не забыл выпить свое лекарство на ночь? — спросила она.

— Я выпил, — сказал Симэнь Цин. — Надеюсь, тебя не стошнит от вина.

— Мы будем наслаждаться в позе Порхающих Бабочек. — И, не щадя Яшмовые Врата, она пронзила себя его копьем. — Вот так, — воскликнула она гордо. — Он такой большой сегодня, но все равно весь внутри. Пощупай себя.

Симэнь засунул пальцы между ее ног, проверяя, действительно ли это так. Он нащупал только свои яички, что моментально побудило его шлепнуть ее по бедрам, а это послужило сигналом к началу движения. Когда ее туловище поднималось и опускалось и так же двигались ее согнутые колени, нижняя часть ее тела в точности походила на порхающую бабочку.

— Что тебе нравится больше — кольцо или серебряный наконечник? — спросила Золотой Лотос.

— Беда в том, что серебряный наконечник натирает мне все внутренности.

Она остановилась, чтобы погладить его по щекам.

— Дорогое сердце и печень, в этом положении ты будто пронзаешь меня насквозь.

За этим признанием последовал новый яростный бросок на него, а сделав триста приседаний вверх-вниз, она закричала, чтобы он укусил ее в тело. В этой позе они одновременно насладились «прорывом туч».

Когда их тела, казалось, плыли в потоке их жизненных сущностей, она почувствовала, будто стадо из сотни оленей легко скачет по ее бедрам. А когда они промчались, тело ее осталось мягким, как кусок шелка.

— Я буду спать, — сказал Симэнь Цин.

— Это и впрямь моя любимая поза. Передай мне полотенце. Мы так вспотели оба.

Они уснули в объятиях друг друга, но совсем скоро на востоке посветлело, и утренняя заря стала подкрадываться к ним».

Пособия, подобные тому, что написал Благороднейший Дун, составили основу позднейших трактовок Искусства Брачных Покоев, а в своих избранных «Сексуальных обычаях» (Пекин, 1927) Е Дэхуй (из г. Чанша) осовременил их, снабдив некоторыми живописными подробностями. Китайцы часто предавались сексу, нимало не смущаясь присутствием посторонних, веками любимыми местами для их забав были сад и бамбуковые заросли. И не случайно Е Дэхуй начал поэтому с перечисления позиций на открытом воздухе, хотя некоторые из них вроде бы уже появлялись в старинных «подушечных книгах». Следующий список очень типичен:

1. *Полет через облака.*

Мужчина и женщина, обнаженные, сидят на садовых качелях, свешивающихся с одной ветки, мужчина ниже и позади женщины, которая согнулась на своем сиденье. Качели оттянуты назад веревками, которые держат слуги так, чтобы мужчина и женщина могли сблизиться. При соитии ощущение полета дополняется наслаждением. Е Дэхуй добавляет: «Только после долгой практики можно совершить такое соитие, когда качели двигаются в противоположных направлениях».

2. *Любовники на канате*

Канат натянут низко над землей. Любовники стоят вместе, пока не совершится соитие, затем с помощью слуг они становятся на веревку. Если они всецело поглощены сношением, их занятие поможет им достигнуть другого конца каната.

3. Обезьяна на фруктовом дереве

Женщина залезает на лиственное фруктовое дерево. Найдя твердую опору, она бросает плод своему возлюбленному, стоящему внизу. Он немедленно бросается в погоню и настигает ее среди листвы. Очень приятно в солнечную погоду.

1. Паук, запутавшийся в своей паутине

2. Женщина подвешена к потолку с помощью веревок и блоков, ее тело растянута на высоте, соответствующей желаним мужчины. Если он хочет насладиться «Качающимся соитием», веревки должны быть из прочного цзянсуского волокна.

5. Плывущие дельфины

Идеальная поза для бассейна. Мужчина плавает на спине с женщиной поверх него. Чтобы держаться на плаву, необходимо барахтаться, что заставляет их обнаженные органы тереться друг о друга. Когда соитие совершится, их согласованные движения не дадут им утонуть. Вода, подчеркивает Е Дэхуй, должна быть теплой.

6. Веревка палача

Разделите на две части длинные волосы женщины, потом заплетите их и завяжите вокруг шеи мужчины, соединив таким образом их лица. Затем слуга связывает им руки, левую с правой, после чего они всячески пытаются достичь соития. Трудности только увеличат их восхищение.

7. Пробуждение Спящей Красавицы

Женщина притворяется мертвой. Тело ее безжизненно, глаза закрыты. Мужчина раздевает ее, но все равно она неподвижна. Затем он дразнит ее, лаская грудь и Жемчужину на Яшмовой Подставке, но она старается остаться расслабленной. Внезапно она оживает, и Железное Орудие бросается во Врата.

8. Тыканье слепца

Глаза у обоих партнеров завязаны, затем они ловят друг друга в спальне. Когда женщина поймана, повязки не снимают в течение всего сношения.

9. Любовники с неподвижными головами

Мужчина и женщина держат чашки чая на голове и пытаются соединиться и совокупиться, не пролив ни капли.

В другой главе «Сексуальных обычаев» автор утверждает: разнообразие в любовных занятиях отличает людей от животных, образованного человека от невежественного. Проводить сексуальные сражения без особых ухищрений подобно двум всадникам, набрасывающимся друг на друга, — это безвкусно, как воск, и надоедливо, как диета из сухого риса. Особенно рекомендуются следующие позиции:

Струи фонтана

Женщина сидит верхом на коленях мужчины. Они смотрят друг на друга, а потом легко соединяют свои языки, Нефритовый Стебель внизу оказывается среди Струн Лютни. Соития еще нет, только легкие прикосновения сверху и снизу. Но как только начинает выделяться Жизненная Сущность, он врывается во Врата.

Над радугой

Мужчина становится коленями на кровать и кладет подушку на ступни, затем садится на нее. Женщина садится верхом на его колени и откидывается назад так,

что голова ее достает до постели, а тело изгибается. Затем он ударяет с края радуги вверх.

Впрочем, легендарный Желтый император (Хуанди) в своих познавательных беседах с тремя осведомленными девами отнюдь не упустил из виду этот аспект отношений Инь—Ян, и Девять славных поз вряд ли были улучшены в позднейших «подушечных книгах». Чистая Дева в своих рекомендациях подчеркивает также терапевтические свойства различных поз, необходимость мелких и глубоких толчков мужского члена. Эти позы, описание которых составляет часть «Сюань нью цзин», таковы:

1. Дракон в полете

Госпожа Драгоценная Инь лежит на спине, подняв ноги и соединив ступни. Великий Господин Ян разъединяет ступни и опускается на ее тело. Затем она двигается вниз, чтобы раздвинуть Яшмовые Врата, а он проходит в Золотой Шатер. Затем он задает ритм «восемь глубоких и шесть мелких», пока оба не переполнятся чувствами и облака не прольются. Эта поза со ступнями, обращенными к небу, походит на летящего дракона и устраняет повышенную кислотность в желудке.

2. Глотающие рыбы

Госпожа Драгоценная Инь и сударыня Белая Яшма лежат одна на другой, расположив ноги так, что их Яшмовые Врата прижаты друг к Другу. Затем они трутся и прыгают одна на другой, как рыбы, хватающие мошек или водоросли с поверхности воды. Когда они возбуждятся еще сильнее, а рты раскроются, Великий господин Ян, аккуратно выбирая позицию, просовывает меж ними Яшмовый Корень. Все трое начинают двигаться, пока не придут к Высшему Блаженству одновременно. Тройной поток Жизненной Сущности укрепит кости, сухожилия и дыхание. Это также поможет Великому господину Ян избежать Пяти перенапряжений и Семи сексуальных недомоганий.

3. Тигр в лесу

Госпожа Драгоценная Инь становится на колени, опустив голову на руки, которые лежат на постели. Затем Великий господин Ян наносит сотню ударов, применяет метод «пяти мелких и шести глубоких». В конце этой серии Яшмовый Цветок будет источать выделения, которые смоют жизненные заботы. Эта поза также укрепляет сердце и печень.

4. Качающаяся обезьяна

Кресло стоит под низким деревом в саду. Великий господин Ян садится в него, держась за ветку над головой. Госпожа Драгоценная Инь усаживается к нему на колени, скользя Нефритовыми Вратами вверх и вниз по Мужскому Острию, не пуская его во Внутренние Покои. Когда возбуждение становится невыносимым, она вводит его и действует по методу «девяти глубоких и пяти мелких», пока он продолжает держаться за ветку. Это укрепляет дух и продлевает жизнь.

5. Совокупляющиеся цикады

Госпожа Драгоценная Инь лежит лицом вниз, вытянув левую ногу и подняв правую. Великий господин Ян становится позади, врывается в Алое Сердце и применяет метод «семи глубоких и восьми мелких». Когда они пребывают в Высшем Блаженстве, все застойные явления исчезают.

6. Плывущая черепаха

Госпожа Драгоценная Инь распласталась на спине, будто отдыхая, подобно черепахе, плывущей по воде. Великий господин Ян поднимает ее ноги, задерживает ее ступни возле своих ушей и проходит через Алые Врата. Его движения должны

напоминать короткие и частые движения головы черепахи. Это способствует выходу нежелательных газов из пяти внутренних органов.

7. Феникс в полете

Госпожа Драгоценная Инь держит свои ступни и оттягивает их как можно дальше назад. Великий господин Ян заключает ее бедра и все тело в тесные объятия. Затем он давит на Яшмовые Врата и, едва вступив в Шатер Наслаждений, двигается влево и вправо, но в ритме «девять мелких и восемь глубоких». Этот способ, напоминающий стороннему наблюдателю Феникса, бьющего крыльями, должен улучшить костный мозг.

8. Прыгающее дитя

Великий господин Ян лежит спиной на кушетке, а госпожа Драгоценная Инь сидит верхом на его Нефритовом Стебле. Затем она беззаботно подпрыгивает вверх и вниз, пока он созерцает чудеса Горы У. Души их наверняка будут парить среди Девяти Облаков.

9. Стоящий бамбук

Госпожа Драгоценная Инь и ее господин стоят перед кушеткой. Она ставит одну ногу на край, а он медленно проникает в Золотую Долину. Он двигается в ритме «девять мелких и один глубокий», пока Сердцевина Цветка не распахнется окончательно и не покроется Ароматной Росой. Стоящий бамбук затем склоняется на ветру, соитие заканчивают лежа на кушетке. Эта позиция прогоняет голод и способствует продлению жизни.

Сама терминология и четкость описаний сексуальных позиций тесно связаны с идеей о том, что сношение является битвой за власть. Соперничество Инь—Ян порождает чудесный мир окончательной гармонии, но обычно оно должно благоприятствовать мужскому «я» и его наслаждению. Как даосизм, так и буддизм, влияющие на его жизнь, ищут многие свои откровения и мудрость в природе и других формах жизни, признавая конфликт в рамках гармонии. Оба пола могли быть равноправны, или же один мог возвышаться над другим, но китайцы сознавали определенную реальность: идет вечная война полов. Китайская цивилизация последней из всех была охвачена причудливой идеей романтической любви, и даже сегодня, несмотря на явную склонность китайцев к современным обычаям и образу жизни, половые различия и приверженность противопоставлению традиционных полюсов по-прежнему остаются незыблемыми.

Не случайно для романов и эпических повествований секс как сражение был почти столь же характерен, как войны государств эпохи Чжоу и битвы против татар и маньчжур. В нижеследующем описании можно ощутить саму атмосферу таких схваток. Фрагмент этот был выбран еще и потому, что здесь изображено первое сексуальное сражение Ученого-Полуночника после успешной трансплантации пениса. Автор романа убедительно передает воинственный дух, в котором его герой вывозит свою грозную новую пушку на поле брани. Автор обращается непосредственно к читателю.

«Есть ли какая-нибудь разница, кроме числа участников, между сражениями армий и теми битвами, что разыгрываются в постели? В обоих случаях первая обязанность командующего — осмотреть местность и оценить противника. В любовных схватках мужчину перво-наперво интересуют холмы и долины женщины, а ее в свою очередь — размеры и огнестрельность его вооружений. Кто из них должен наступать, а кто ретироваться? Как и на войне, узнать себя самого не менее важно, чем узнать противника.

Для грядущих сражений Ученый имел теперь снаряжение не только невиданных размеров, но и редкой мощности. Как он будет обращаться с ним? Сможет ли им управлять? Обретет ли он свирепый дух прежнего владельца — пса? Рассматривая тело Аромата Любви, лежащей на кровати, и читая в ее глазах ужас и восхищение, Ученый решил, что, соблюдая по отношению к ней порядочность, он должен заняться укладыванием подушек под ее ягодицы.

Использование подушки для сложных сексуальных сражений заслуживает более детального рассмотрения. Если голова женщины остается на подушке, не следует подкладывать еще одну ей под крестец, так как в результате она прогнется, как навесной мост. Мужчина, лежащий на таком мосту, примет противоположную форму, отчего ему станет очень сложно соприкоснуться с женщиной со всех сторон. Чтобы поцеловать ее, ему придется изгибать шею, как верблюду, а для вступления в Яшмовые Врата нужно будет ползти вперед на коленях.

Загадка в том, чтобы убрать подушку из изголовья, позволив таким образом телам изгибаться навстречу друг другу подобно сдвоенной радуге. Волосы женщины красиво раскинутся по простыне, ее смеющиеся глаза будут смотреть вверх, а рот удобно расположится для поцелуя. В центре радуги Яшмовые Врата стремятся вверх и находятся в идеальном положении для приема громаднейшего из посетителей. Когда Ученый убрал у нее из-под головы подушку, Аромат Любви поняла, что он мужчина с большим опытом.

Он продолжал демонстрировать свое мастерство, подняв ее ноги и опустив их к себе на плечи. Затем, стоя на коленях, обеими руками проверил, открыт ли, полностью ли увлажнен уже путь для него. Он на мгновение отвел взгляд от Золотой Долины и залюбовался ровным, медово-розовым цветом своего обновленного Нефритового Стебля. Признаков пересадки заметно не было. В самом деле, даже при самой тщательной проверке женщина не смогла бы обнаружить, что это прекрасное оружие не было даровано ему природой.

С большим трудом Ученый ввел шляпку гриба, а Аромат Любви лишь разок вздохнула. Он повременил одно мгновение, зная, что проникновение должно быть более глубоким. Но, если прорываться этим массивным инструментом вперед слишком резко, она станет визжать и кричать, вызывая, разумеется, любопытство

Китайская кровать. Гравюра эпохи Мин

соседей, которые могут даже сбежаться на помощь. Поэтому он решил продвигаться постепенно, в равномерном ритме.

Он вел себя с известной осторожностью. На каждом шагу его Нефритовый Стебель сжимался теснейшим воротником. Но когда тот, казалось, ослабевал, острие могло продвинуться еще немного вперед. Через несколько минут он понял, что достиг внутренних покоев Дворца Наслаждений, и Аромат Любви, удивленная своей беспримерной эластичностью, начала двигаться и переходить в контратаку, как будто к ней вернулась ее уверенность. Это был необходимый Ученому знак. Его пушка открыла заградительный огонь в ответ на ее небывало упорную оборону, проникая даже глубже внутренних палат. И он раскачивался из стороны в сторону, залезал во все щели, преследуя врага во всех закоулках и тайниках. Ее намерение отразить его первую атаку сменилось поспешным уходом в защиту. Она извивалась, всхлипывала и задыхалась от ярости его огня. Она стонала и кричала:

— Дражайшее сердце и печень моя, что ты со мной делаешь! Ты убиваешь меня! — Затем ее крики изменились. — Приближается! Приближается!

Ученый сделал вид, что не верит ее словам.

— Так быстро? Но я только разогрелся. Кроме того, я владею лишь ничтожным «куском мяса».

— Он огромен! Самый большой из всех, что я знаю!

В устах Аромата Любви это была величайшая похвала.

— А как же соседи? Это сдерживает меня.

— Не беспокойся о соседях, — стала умолять Аромат Любви, — с одной стороны этого дома — пустое помещение, а с другой — кухня, где никто не спит.

Ободренный ее словами, Ученый решил не щадить своего милого противника. Кушетка неожиданно стала трястись так, будто дом рушился от землетрясения. Битва сразу пошла не на жизнь, а на смерть, яростно сталкивались тела, бешено рычал мужчина, от восхитительной боли и наслаждения визжала женщина. Она извивалась и билась в судорогах, брыкалась и ослабевала, но Ученый бросался вперед, не останавливаясь. Бой должен был быть доведен до конца, и, как на приеме у Императора, перерывы не разрешались. И было так, пока Аромат Любви, промочив кушетку потоками влаги, не закричала:

— Дражайшее сердце, теперь ты со мной!

Но она понимала: чтобы удовлетворить тщеславие Ученого, ему необходимо дать почувствовать, будто он выиграл сражение.

— Ты самый замечательный любовник в мире. Будь я даже десятком женщин, и то бы не устояла перед твоей атакой. Если хочешь, чтобы я была годна на что-нибудь и завтра, тогда кончай со мной немедленно!

Покорение было лишь частью наслаждения, а так как он сам был уже готов сдаться, то с радостью принял ее предложение. Он бросился в заключительную и сверхглубокую атаку, и наконец они прижались друг к другу в стойком и окончательном «прорыве облаков».

ПРОДЛЕНИЕ НАСЛАЖДЕНИЯ

Мужчины-китайцы, по крайней мере те, кто выделялся образованием и богатством, обладали изобретательным и в то же время практичным умом, считали секс не только удовольствием, но и достойным предметом изучения, в равной мере наукой и искусством. Идеал равенства полов был немислим. Женщина была создана для определенных специфических функций: она должна была рожать детей, преимущественно сыновей, доставлять удовольствие своему господину в спальне, повиноваться его приказам. Романтическая любовь была чужда как образу жизни, так и эмоциональным потребностям, а социальных возможностей для нее было еще меньше. Все располагало к тому, чтобы господин Ян считал госпожу Инь частью своего домохозяйства, которой можно пользоваться или наслаждаться как заблагорассудится.

Акцент на пользе и целесообразности неминуемо вел к экспериментированию и расширению всей сферы сексуального наслаждения. Желтый император, мифический, а возможно и реальный персонаж, был автором раннего, освященного веками, оставшегося в легендах и записях, возможно собственноручных, прецедента достижения гармонии всеми доступными средствами и способами. Об этом свидетельствуют руководства и рукописи, появившиеся с династии Чжоу до династии Мин, а так как гармония в подобном ориентированном на мужчин обществе безраздельно соотносилась с половым актом как таковым, именно на нем и концентрировалось основное внимание. Как расширить опыт, как продлить сношение?

Теория «Инь—Ян» всегда придавала квазирелигиозное значение половым органам, считая их одними из основополагающих сил великого Космоса. Земля, Женщина и вульва — все это Инь; Солнце, Мужчина и пенис — это Ян, и из Хаоса, который предшествовал творению, движение к Гармонии шло через соединение этих противоположностей. Следуя этой логике, можно считать, что Солнце и Земля доводят до завершения свои отношения каждый раз, когда Мужчина и Женщина предаются любви. Продление и прославление полового акта можно, таким образом, считать ритуальными действиями, исполненными очень глубокого смысла.

Было три основных направления, умножающих значительность ритуала; им следовали с усердием и творческой фантазией. Первое: методический подход к положениям при половом акте; второе: инструменты, вспомогательные средства и возбуждающие составы; третье: прославление первичных половых органов. В предыдущей главе речь шла о положениях, эта же будет посвящена возбуждающим средствам. Но прежде чем обратиться к этой теме, следует упомянуть и о других значимых для церемонии факторах. Обычай и предрассудки за долгую историю своего существования наложили на все сферы жизни сложную систему верований и ритуалов; половая жизнь была затронута ею в той же мере, что и рождение, смерть и родственные отношения. Для половых сношений бывали счастливые и несчастные дни, хорошая погода и плохая, благоприятные и неблагоприятные направления, в которых следовало или не следовало ложиться. Внешность женщин также имела некоторые символы и предзнаменования; важнейшими же были принципы, установленные конфуцианской книгой «Записи о правилах поведения» («Ли цзи»). Принципы эти определяли «правильное поведение», нормы и предписания, относившиеся ко всем аспектам общественной и личной жизни, начиная с отношения между членами семьи и соблюдения праздников и кончая такими уста-

новлениями, по которым жена имела «право» видеть, что наложница покинула постель ее мужа сразу по окончании акта.

Использование возбуждающих средств на фоне всех верований и предрассудков, ритуалов и обычаев во многом объясняет успех, достигавшийся с их помощью. Общеизвестно, что вера — одна из важнейших составных частей в любой сексуальной стимуляции, а китаец всегда стремился укрепить эту существенную часть. Стимуляторы, принимаемые внутрь, предназначались только для мужчин; считалось, что женщина может сыграть свою роль на «поле боя» в любое время, тогда как способность Ян к сражению во многом зависит от состояния его Мужского Острия. Мази и порошки были распространены более равномерно: для мужчин — в целях поддержания эрекции и чтобы сделать член менее чувствительным; для женщин — с целью возбуждения Нефритовых Брат. Это увеличивало восприимчивость женщины и таким образом уменьшало необходимость для Ян заниматься любовной игрой, когда ему невтерпеж атаковать «палаты наслаждений».

Основа как наружных, так и принимаемых внутрь средств обычно была травяной; чаще всего в составах встречались женьшень, сера, корица, кедровый орех, морские водоросли, хвоя сосны и измельченный древесный уголь. К ним добавляли что-нибудь из следующего: экстракт печени различных животных, очищенную мочу человека или животного, выделения половых органов человека, ручных медведей, козлов и быков, менструальные выделения, испражнения некоторых птиц и зверей, преимущественно хищников. Третья распространенная составляющая объединяла компоненты, сходные по форме с детородными органами; здесь были рога различных животных, растения, грибы и кактусы, похожие на пенис, некоторые обитатели моря. Перед употреблением все это измельчалось и просеивалось. Однако понятие «возбуждающие средства» не сводилось лишь к концентрированным стимуляторам, к ним относился ряд специальных приемов.

В появившемся в эпоху Мин сочинении Дэн Сисяня много говорится об укрепляющем действии выделений женщины на поглощающего их мужчину, а в «Великом лекарстве трех вершин» читаем:

«Первый и высший уровень называется Пиком Красного Лотоса¹; его лекарство — Яшмовый Раствор или Медовый Источник. Оно истекает из-под языка женщины, бывает зеленого цвета; мужчина должен всосать его вместе со своей слюной. Этот источник бьет прямо из Пунцового Пруда и будет питать все пять органов мужчины, его Жизненную Сущность и его кровообращение.

Средний уровень зовется Страной Сдвоенных Пиков и его лекарство — Иноземный Персик, Талый Снег или Коралловый Крем. Оно выделяется прямо между двумя грудями, бывает белого цвета и сладкое на вкус. Мужчина должен слизнуть его, как только оно появится. Оно укрепит его желудок и желчный пузырь, улучшит характер. Отбери это лекарство у женщины — улучшится ее менструальный цикл, а если она мать, у которой мало молока, это также поможет ей.

Нижний уровень Трех вершин — это Пик Пурпурного Гриба, также называемый пещерой Белого Тигра и Лунным Сиянием. Полезная жидкость находится в Цветочном Павильоне, когда Врата закрыты, и вытекает, когда женщина возбуждена совокуплением. Вбирая эту Жизненную Сущность, мужчина должен наступать жестоко, но отступать медленно, впитывая ее в кожу Мужского Острия.

Те, кто питается этими лекарствами, познают полное наслаждение покоя. Самые яростные их пожелания будут спокойно удовлетворяться, седые волосы станут черными, старики вновь узнают забавы юности»...

Вера в укрепляющие и возбуждающие средства всегда дополнялась этим «sine qua pop» для успешного противостояния, хорошего настроения, а руководства, • как старинные, так и новые, единодушно подчеркивали важность этого. В древнем «Сунной цзин» в беседе между Хуанди (Желтым императором) и Девой-ведуньей следующий диалог подчеркивает необходимость «гармоничного настроения»:

Желтый император: Бывает проблема, когда Яшмовый Корень Ударов не поднимается и не становится твердым. Когда так случается, мое лицо краснеет и я истекаю потом. Я тяжело дышу, сильно вождедею, яростно давлю на врата — но в нем никаких признаков жизни. Как избежать этой огорчительной ситуации?

Дева-ведунья: Эта проблема заставляет страдать многих мужчин. Если это не физическое изнеможение, значит, мужчина пришел в спальню в дурном настроении. При гармоничном настроении Яшмовый Черенок всегда будет тверд, при настроении же горьком и мрачном он похож на шип, пронзающий плоть. Достичь правильного настроения можно, следуя пяти природным склонностям мужчины и руководствуясь пятью откликами женщины.

Желтый император: А каковы пять природных склонностей?

Дева-ведунья: Ему следует быть расслабленным и спокойным, это будет свидетельством его НЕПРИТЯЗАТЕЛЬНОЙ природы. Когда он готов вручить свое мужское орудие партнеру, его настроение должно быть настроением ЩЕДРОСТИ. Его тело имеет пустоты, которые могут быть увеличены, и с помощью правильного дыхания они достигнут верного ОБЪЕМА. В-четвертых, его тело построено из цепочек и кругов, от крайней плоти и до ушей, и поэтому он должен быть настроен на полную БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ, Пятая из природных склонностей прощает Яшмовому Черенку его неспособность напрячься — это единственное извинение — имя ей ВЕРНОСТЬ. Если мужчина хочет уединиться, ничто не должно помешать ему остаться верным этому благородному настроению.

Желтый император: А каковы пять откликов женщины, которые должен иметь в виду мужчина?

Дева-ведунья: Первое: она переполнена чувством, и лицо ее розовеет. Это знак, что он может приблизиться к ней. Второе: ее соски поднимаются и затвердевают, на носу появляется пот. Это знак, что его пропустят в Нефритовые Врата. Третье: ее рот открывается, она дышит быстрее, ее ноздри раздуваются, руки дрожат. Это знак для продвижения вперед. Четвертое: ее Золотая Ложбина обильно смазана, это знак быть подхваченным течением. Пятое: поток уже распространяется по ее бедрам, и она, кажется, теряет все силы. Это знак расслабиться и прерваться перед возобновлением атаки.

Желтый император: Я слышал, что кроме пяти откликов следует знать еще десять откровенных движений женщины. Каковы эти движения?

Дева-ведунья: Вот эти откровенные движения.

Первое: если она притягивает мужчину руками, она хочет, чтобы их тела слились вместе, а их детородные органы находились друг против друга. Второе: если она поднимает колени с постели, она хочет, чтобы он дотрагивался и ласкал внешние части вульвы. Третье: когда она выгибает спину, она готова к первому толчку Яшмового Черенка. Четвертое: когда ее ягодицы сокращаются все более резко, это пожелание большей скорости. Пятое; когда она поднимает ноги вверх или ударяет ими по воздуху, она желает более глубокого проникновения. Шестое: когда она резко двигается вправо и влево, она хочет, чтобы член двигался в противоположном направлении. Седьмое: когда ее бедра сжимаются — это момент

затишья перед Великим Ураганом. Восьмое: если ее тело бьет вверх так неистово, что отбрасывает мужчину, это высший момент Окончания. Девятое: когда ее тело ослабевает, это признак того, что все ее органы и члены участвовали в Окончании. Десятое: если ее выделения продолжают истекать, это признак того, что Жизненная Сущность полностью освобождена.

Если эти движения наблюдались, мужчина может быть уверен в том, что женщина удовлетворена. Но нужно быть знакомым также и с девятью страстями женщины.

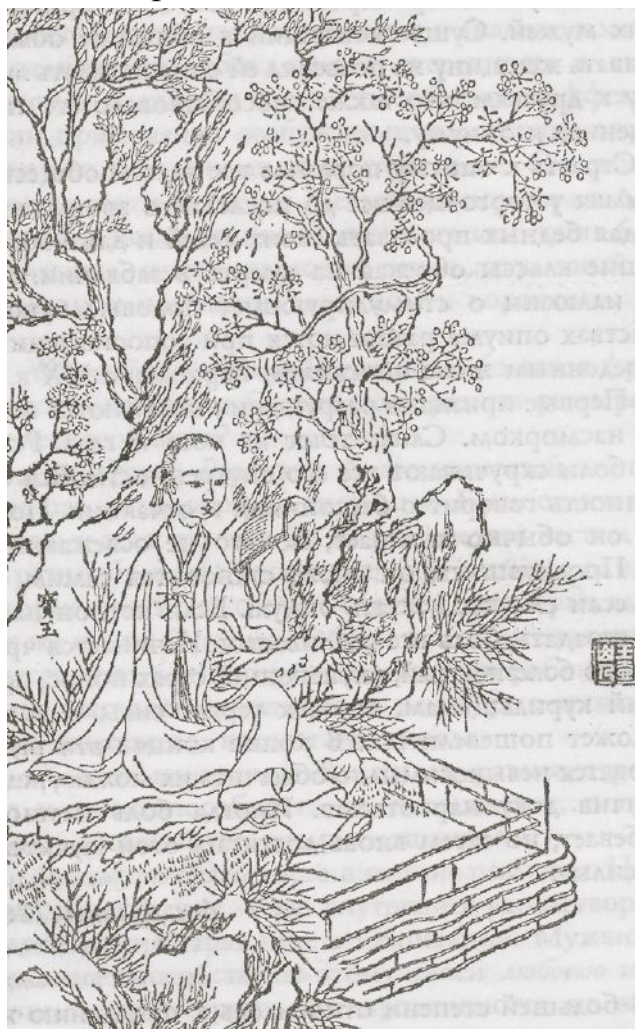
Желтый император: И каковы эти девять страстей?

Дева-ведунья: Первое: если женщина тяжело дышит и быстро сглатывает, это страсть, исходящая из легких. Второе: когда она сосет язык мужчины, это страсть из костей. Третье: когда она вскрикивает и всхлипывает, это страсть сердца. Четвертое: когда она хватается руками Яшмовый Черенок и плотно его сжимает, это страсть селезенки. Пятое: когда Нефритовые Брата истекают влагой, это страсть почек. Шестое: когда она поднимает ноги, это страсть сухожилий. Седьмое: если она ласкает соски мужчины, это страсть плоти. Восьмое: если она ласкает орудие мужчины, это страсть крови. Девятое: если она ласкает свои соски или органы, это страсть Темного Предка.

Дождь, облака сошли с вершин
Нефритовой горы, и тает
Туман любви. Уже она
Неспешно платье надевает.
Одежду, шпильки в волосах
В порядок привела отчасти...
Но в слюдяных ее зрачках
Еще мерцают угли страсти.

Дун Хай (ученый VII в.)

В XIX в. китайская приверженность опиуму распространилась повсеместно. Как возбуждающее средство он действовал скорее на сознание, чем на тело, вызывая чувственные фантазии и в то же время тормозя физиологические процессы. Поскольку курили опиум только мужчины, возлежавшие при этом на; одной циновке с другими мужчинами, увеличилось число гомосексуальных проявлений. Позднее была высказана догадка, что пагубная привычка стольких мужчин может быть объяснена рабским положением, в котором находились женщины, представлениями об их неполноценности и конфуцианским духом послушания, что не позволяло им проявлять инициативу в контролировании пагубных привычек своих мужей. Существовавший в обществе обычай скрывать женщину не позволял ей

Красивый юноша.
Рисунок начала XIX в. - иллюстрация к роману
«Сон в красном тереме»

сопровождать мужчину к друзьям, что также способствовало его приобщению к опиуму.

Страсть к опиуму поразила все классы общества, отнимая у торговцев все до последнего гроша, принуждая бедных продавать своих детей и даже жен, а низшие классы обрекая на смерть в забвении. Любые иллюзии о стимулирующих половых чувства свойствах опиума разбиваются при сопоставлении с приведенным ниже описанием наркомана XIX в.:

«Первые признаки разрушения появляются вместе с насморком. Слизь течет из носа и глаз. Режущие боли скручивают все его внутренности. Вся его внешность говорит о бессоннице и отчаянии. Покурив, он обычно засыпает, но это не освежающий сон. Проснувшись, он снова становится самим собой, если сможет достать опиум. Если нет, он начинает страдать, боль все усиливается. Начинается чрезвычайно болезненный, внушающий страх понос, присущий курильщикам, человек теряет силы и волю, не может пошевелиться. В конце концов эти муки становятся невыносимыми, облегчить их можно, лишь увеличив дозу наркотиков. Иногда боль немного ослабевает, но затем вновь достигает этой мучительной силы».

Дж. Дулитл (1867)

В большей степени относилось к продлению наслаждения внимание китайцев к самим половым органам. Считалось, что их свойства отражают жизнеспособность и потенцию людей, характер, силу их Ян или Инь и даже возможную продолжительность жизни. Эти приметы сексуального состояния были предметом детального обсуждения и анализа; поскольку религиозные убеждения и уверенность в своих физических данных очень способствуют эффективности применения возбуждающих составов, они не останутся без внимания в этой главе. Следующие отрывки взяты из беседы Желтого императора и Девы-ведуньи, а исследование пениса и вульвы, часть 6 «Су той цзин», имеет заголовок вечно актуальный: «О большом и маленьком, длинном и коротком».

Желтый император: Почему Наибольшая Драгоценность мужчины бывает столь разных размеров и жизнеспособности?

Дева-ведунья: Различие Драгоценностей — часть великого разнообразия творения. Если отличаются головы и тела, почему бы не различаться частям этого разнообразия? Некоторые мужчины высоки, некоторые низки, некоторые сильны, некоторые слабы. Так же и с их Орудием Битвы: некоторые грозные и агрессивные, а некоторые маленькие и робкие, некоторые выглядят яростными, а некоторые кроткими. Но важнее всего, каковы они в деле.

Желтый император: Влияет ли различие размеров и жизнеспособности на наслаждение, получаемое от мужчины во время сношения?

Дева-ведунья: Это чисто внешние различия. Настоящее наслаждение — это внутреннее удовлетворение и достижение гармонии в Окончании. Мужчина и женщина способствуют этому своей любовью и уважением друг к другу, они продвигаются по этому пути своим желанием друг друга и достигают этого страстью друг к другу.

Желтый император: Каковы разновидности твердого и мягкого?

Дева-ведунья: Длинный член, если он не совсем тверд, менее способен удовлетворить, чем член короткий, но твердый, как железо. Короткий, очень твердый член, но грубый и неразборчивый в работе, менее способен удовлетворить, чем применяемый более опытно и осторожно. Как и всюду, здесь нужна Золотая Середина.

Желтый император: Правда ли, что правильным лекарством маленький член можно увеличить, мягкий отвердить? И каковы следствия такого особого питания?

Дева-ведунья: Когда пара гармонична, а страсти равновелики, маленький и короткий будет становиться больше, мягкий и слабый станет сильнее. Гармония духа и страстей может поддержать мужчину в сотне половых актов с сотней женщин без риска или опасности для здоровья. Пища для мужской энергии исходит из сущности Инь, которую поглощает сущность Ян. Когда мужчины и женщины предаются друг другу, обмениваясь жидкостями своих тел и дышат друг другу в рот, это похоже на встречу воды и огня в таких равных условиях, когда никто никого не побеждает. Мужчина и женщина должны двигаться и сливаться в совокуплении, как волны и течения в морях, иметь каждый свой путь, но всегда оставаться частью великого потока Гармонии. Так они будут продолжать всю ночь, их драгоценные Сущности будут пребывать в сохранности и постоянно подпитываться, недуги будут излечиваться, и придет долголетие. Если эта Гармония не достигнута, то даже лекарства, полученные из Пяти Минералов, использование увеличивающих страсть средств или растений Яшмового Огня — ничто не сможет помочь. А как только Жизненные Сущности израсходованы или иссушены из-за чрезмерного использования или запущенности, никто не сможет их оживить.

Любопытство — или неистощимая жажда знаний — Желтого императора обращает затем на то, что он именуется «состоянием зрелости пениса». Около пяти тысяч лет назад заботы мужчин мало, по-видимому, отличались от нынешних. Ответы Девы-ведуньи содержат следующие подразделения Состояния Зрелости по восходящей: 1) слабые поднимающие движения мужского органа, не достигающего полной длины; 2) пенис увеличенный, но не твердый по-настоящему — это указывает на неполное пробуждение силы Ян; 3) твердый, но еще не горячий и не пульсирующий — признак того, что сила Ян нуждается в крайнем возбуждении души; 4) когда он и горячий и твердый, а плотина, сдерживающая Жизненную Сущность, стоит прочно; если пенис достиг этого состояния, значит, все Четыре Состояния Зрелости пройдены.

Однако Желтый император не в меньшей мере интересуется и идеальной женщиной, ее физическим состоянием и реакциями, он спрашивает свою наставницу, почему Нефритовые Врата иногда смещены вперед, а бывают и точно посередине? И какое положение наилучшее для сношения?

Дева-ведунья: Пригодность и чувствительность вульвы зависят не только от ее расположения. Высоко ли она, низко или посередине — все это будет равно способствовать удовольствиям Цветущих Полей. Однако существуют различия, и о них я упомяну. Женщина с высоким влагалищем, смещенным вперед, более подходит для сношения в зимний период. Мужчина может оказаться над ней, как только они лягут в постель, укрыв спину вышитым одеялом. Он может наслаждаться, не слезая, с удобством для себя, а так как она будет согреваться его теплом, то и она не будет недовольна. Летом предпочтительнее женщина с низко расположенным влагалищем. Она может располагаться на прохладной мраморной плите в тени бамбука, лежа на боку, а мужчина может устроиться позади нее. Ее влагалище имеет идеальное положение для таких вариантов, для позы, именуемой «Разводить костер позади горы». Женщина для всех четырех времен года — та, чье влагалище находится посередине, тщательно изучив позы, она будет хороша в любви весной, летом, осенью и зимой.

Применение возбуждающих средств было излюбленным мотивом авторов ранних, да и более поздних китайских романов; обращение к ним позволяло исполниться всем желаниям, осуществиться всем надеждам. В романе «Цзинь, Пин, Мэй» неутомимый герой Симэнь Цин, всегда готовый доказать свою удивительную доблесть, встречает тибетского монаха; его интерес к этой колоритной личности быстро оборачивается возможностью увеличения его уже и без того обширных познаний в области лекарств.

Проходя через храм, Симэнь Цин задержался в той его части, что называлась Зал Созерцания. У стены стояло несколько кушеток, и на одной из них полулежал монах очень примечательной внешности. У него была голова свирепого леопарда, на лице печать измождения, глубоко посаженные глаза слепо таранились в пространство. Платье его было бежево-розового цвета, а на шляпе был гребень, напоминающий куриный. С подбородка свисала длинная борода. Этот человек — бог Лохань, решил Симэнь. Это сам Одноглазый Дракон.

Его потянуло к этому монаху как магнитом; когда он присмотрелся, то с удивлением увидел две длинные капли соплей, похожих на пару зеленоватых палочек, свешивавшихся из его ноздрей. Эта невнимательность к своей внешности только утвердила Симэнь Цина в мысли, что перед ним монах, обладающий необычайной энергией. Он взволнованно воскликнул:

— О святой человек, откуда ты? Как получилось, что ты зашел именно в этот храм?

Трижды прозвучал вопрос, прежде чем на него был дан ответ. Монах сел ровно, вытер нос своим широким рукавом и сказал:

— Зачем задавать такой бессмысленный вопрос? Важно ли, откуда я? Разве я не буду тем же человеком, откуда бы я ни был?

Он посмотрел на Симэнь Цина пронизывающим взглядом и, казалось, немного оттаял:

— Разве мое имя меняется во время путешествия? Разве оно изменится, если я буду оставаться на месте? Но раз уж ты спросил, откуда я пришел, позволь сообщить, что я с Тибета, из самой удаленной части сосновых лесов, покрывающих нижние склоны высочайших гор. Мой монастырь называется «Ветренный Двор Холодных Вершин».

— Но что привело тебя в мой смиренный край, о святейший?

— Я вступил в мир обычных людей, чтобы подарить им специальные лекарства и снадобья Холодных Вершин. Неуважаемый юный чиновник, болен ли ты чем-нибудь?

— Я всегда нуждаюсь в особо тонизирующих снадобьях, — признался Симэнь Цин, — нет ли у тебя чего-нибудь для восстановления ежедневного излияния моей Жизненной Сущности?

— Да, есть, — ответил монах. — Эта просьба встречается нередко.

— Если ты будешь так любезен пообедать со мной в моем скромном жилище, мы могли бы вернуться к этому вопросу.

— Откушать за твоим столом — честь для меня.

— Ну что ж, пойдём, — сказал Симэнь, скрывая свое нетерпение.

Монах из Тибета поднял свой железный посох и перекинул через плечо кожаный мешок с пакетами, банками, тыквенными бутылками с лекарствами. Когда они покинули Зал Созерцания, Симэнь Цин пригласил святого человека сесть на его коня, но монах отказался, сказав, что не видит причины менять свои собственные

ноги на ноги животного. Тогда Симэнь приказал слуге сопровождать монаха, а сам повернул коня к главной дороге.

Когда он прибыл домой, то с удивлением обнаружил, что монах и слуга уже около дома.

— Почтенный святой, ты, должно быть, действительно Бог, если можешь путешествовать так быстро! — воскликнул Симэнь. — Однако давайте поднимемся в верхний зал.

Как только они вошли в библиотеку, слуги унесли их верхнюю одежду, и Симэнь потребовал свою шапочку ученого. Длиннобородый монах сурово оглядел зал, будто никогда не видел подобного места; Симэнь почтительно молчал. Стены были увешаны свитками с картинами, их бамбуковые рукояти были украшены яшмой и сердоликом, а занавес у входа был из такой замечательной пряжи, что материал назывался «шелк из усиков креветок». Ковры на полу были орнаментированы изображением львов и фениксов, стулья изысканных форм были выточены из произрастающего на юге черного дерева. Под поминальными табличками стояла мраморная столешница.

— Пьешь ли ты вино, уважаемый? — спросил наконец Симэнь Цин.

— Вино я пью, и мясо я ем, — сказал монах, будто признаваясь, что его самоотречение не распространяется на пищу.

Симэнь Цин сказал слуге, чтобы им подали не вегетарианскую, а обычную пищу. Был праздник рождения Великого Ли, и на кухне целый день готовили изысканные яства; скоро слуга вернулся и поднес кушанья хозяину и его гостю с Холодных Вершин Тибета.

— Давайте отведаем, — сказал Симэнь Цин учтиво. В течение часа грозный монах насыщался, не проронив ни слова. Он начал с четырех блюд, «сопровождающих вино»: тушеных рыбьих голов, остро приправленной утки с соусом из винного осадка, очищенных от кожи цыплят на черепаховых яйцах, а также морского леща из Цзянсу. За этим последовали четыре блюда, «сопровожающих рис»: рубец ягненка, нашпигованный толченым грецким орехом и порошком из козьих рогов, слегка обжаренная змея из Аньхоя, хорошо прожаренное мясо быка с луком, долго варившиеся в «Море Космических ароматов» угри. Затем продолжил наслаждение тремя «острыми супами»: «Драконом, играющим двумя мячами», «Слезам принцессы Шан-Инь» и «Высшим проявлением Ян Верховного бога».

Почти после каждого глотка слуга наполнял сделанную в форме листа лотоса чашку монаха, вскрывая одну запечатанную красной глиной бутылку вина за другой. До того как монах откинулся на спинку стула, было открыто тридцать бутылочек.

— Бесчестно это перед святым обетом напиваться допьяна и наедаться досыта, — без особой уверенности пробормотал монах.

— Уберите все, — сказал Симэнь Цин слугам. Как только они остались одни, он разбудил задремавшего было гостя и спросил:

— Скажи мне, святой отец, про то лекарство, что будет постоянно обновлять Жизненную Сущность.

Просьба оживила монаха, он уселся ровнее и потянулся к своим кожаным сумкам.

— Эти пилюли были изготовлены Древними императорами и распространены Богиней Фей, — пояснил он низким голосом. — Мы, святые люди, обещали давать их только тем, кого считаем достойным такого могущества. Так как мой

славный хозяин был столь великодушен, а его кухня столь великолепна, он, разумеется, достоин такого могущества.

Он перевернул одну из тыквенных бутылей с лекарствами и высыпал на стол кучку пилюль.

— Каждый раз бери не больше одной, иначе я не поручусь за их драконовую силу.

Монах отсчитал сотню таблеток, каждая размером с вишню, затем достал маленькую коробочку с красной мазью.

— Если почувствуешь слабость и головокружение, натри этим внутреннюю поверхность бедер. После ста втирающих движений слабость исчезнет.

Симэнь Цин был восхищен этими сведениями и грудой пилюль, которые обещали еще более великие победы в сражениях в спальне.

— Нельзя ли узнать, как эти лекарства действуют на меня, о святой человек? — спросил он смиренно.

Довольно пьяная речь монаха сразу прояснилась, приятным голосом он пропел:

Пилюли мои — золотые яички,
А цвет у таблеток, что пух у утенка.
Рецепт сохранился в веках преотлично,
Но делать пилюли — процесс трудоемкий.
Успеха секрет императоры знали —
С Богинею Фей тот рецепт сочиняли.

Не скрою, на вкус не приятнее грязи,
Но ценность повыше камней и злата.
За эти таблетки знатнейшие князи
Отдали бы все, чем бывали богаты.
Расстанешься с шубой из лучшего меха
За эти пилюли, что смертным утеха.

И ночь обернется весенним рассветом,
Лишь примешь таблетку — ворвешься в покои,
Сметая, круша на пути все предметы,
Ты лучших любовников будешь достоин.
Пусть двести красоток там ждут в вождельни —
Ты всем им подаришь любви наслажденье.

Ты станешь мудрее и глубже в сужденьях,
И желчный пузырь, и яички взбодрятся,
Здоровье вернется в усталые члены.
С пилюлей моей старики молодятся.
Ты станешь любовником страстным и сильным,
С Нефритовым Стеблем могучим, обильным.

Не веришь — попотчуй кота той пилюлей.
Я вижу, он стар и мышей уж не ловит.
Он будет гоняться за кошками пулей,
И только могила его успокоит.
Он сдохнет, бедняга, забывши погадить.
Ты помни тот опыт, старайся уладить

Проблемы кишечника так же, как страсти.

Тебя поджидает и ветер студеный,
А летом жара и другие напасти.
Ты должен быть свеж, как расточек зеленый.
И после жестокой и сладостной битвы
Тебя подкрепят лишь вода да молитвы,

С пилюлей моей даже темной порою
Все будет светиться волшебным сияньем.
Я тайны восторга и неги открою,
И ты насладишься любви обладаньем.
Достигнешь с пилюлею ты совершенства,
Познаешь вершины и тайны блаженства².

Пение увлекло Симэнь Цина, но как только низкий голос смолк, практическая сторона его натуры заставила его сказать:

— Мой уважаемый святой, лекарств не всегда бывает достаточно. Когда ты возвратишься на «Ветренный Двор Холодных Вершин», как сможет смиренный и верный приверженец твоего величия восстановить рецепт? Запиши мне твой рецепт, и я заплачу столько, сколько ты попросишь.

Он немедленно приказал своему слуге открыть шкатулку с драгоценностями и вручить монаху двадцать монет из «белого золота» (серебра).

— Какая польза мне от денег, — воскликнул монах, жестом приказав слуге не выполнять указания хозяина. — Я отказался от мирского богатства и тщеславия, вряд ли я обрадуюсь, если ты обременишь меня своим «белым золотом».

— Но, может быть, ты возьмешь хотя бы отрез ткани длиной в полных сорок футов? — спросил Симэнь Цин.

Монах поблагодарил, но вновь отказался.

— Я подобно облаку плыву над страной, зачем мне обременять себя' отрезом?

Потом монах записал рецепт, повторил свое предупреждение об опасности чрезмерного увлечения лекарством и, прежде чем Симэнь смог достойно отблагодарить его, эта внушительная фигура перебросила через плечо свою длинную сумку и зашагала через внешний зал».

Пил вино я на горной тропинке,
А она проезжала по полю,
Милая девушка У
Лет пятнадцати, не более...

Я предложил ей вина,
Отпустила лошадку на волю
Милая девушка У
Лет пятнадцати, не более...

Пленительны жесты, глаза подвела,
На колени ко мне забралась.
Милая девушка У
Страсти моей отдалась...

О, то утро у горной тропы,
Жар вина, поцелуи до боли —
Милой девушки У
Лет пятнадцати, не более...

Герой «Цзинь, Пин, Мэй», не теряя времени, пустил в ход свое последнее приобретение, и, судя по следующему описанию, монах не преувеличил его эффективность и силу воздействия на Яшмовый Черенок. Здесь также изображен анальный коитус, чрезвычайно редко встречающийся в китайской эротической литературе.

«Симэнь Цину понадобился большой глоток вина «шуйсин», чтобы запить желтую пилюлю монаха, и, не желая терять ни секунды ее действия, он тут же скинул одежду и принялся за разбор содержимого своего кожаного мешочка с приспособлениями для занятия любовью. Жемчужная Луна, очаровательная куртизанка из заведения «Золотых Ив и Серебряных Вод», села на край кровати и с интересом наблюдала.

— Что это за огромную пилюлю ты проглотил, готовишься к какому-нибудь извращению? — спросила она.

— Я принял одно из драконовых средств наших великих предков-императоров, — ответил он. — А теперь позволь мне подготовиться к сражению.

Его член был по-прежнему в покое, но ему удалось прикрепить на него шелковый мешочек. Затем он надвинул «серное кольцо» на основание Черепашьей головки, взял немного красной мази, что ему дал монах, и втер ее в самый «маленький разрез». К его изумлению и, разумеется, к изумлению Жемчужной Луны, мягкая плоть мгновенно встала на дыбы, как свирепый дракон. Член изменил цвет из медово-розового на пурпурно-красный, подобный цвету печени поросенка, и дрожал, будто пораженный страшным гневом.

— А ты почему еще не раздета? — поторопил Симэнь.

Напуганная как его голосом, так и сердитым «драконом», юная женщина поторопилась сбросить одежду и улечься на кровать. Симэнь Цин спешил испробовать средство монаха и не стал тратить время на любовные игры, он подложил ей две подушки под ягодицы и встал на колени у нее между ног. Однако Черепашья головка была так увеличена, что ему пришлось просить о помощи; пока он держал отворенными врата Золотой Долины, она взяла злого «дракона» и постепенно смогла ввести его.

— Ты убиваешь меня, — выдохнула она. — Я совершенно пьяна после этого вина.

Симэнь Цин был также пьян от вина; когда появились ее выделения, он смог использовать «короткие и длинные» движения, а также те, что известны как «семь мелких и два глубоких». Лихорадка упоения, впрочем, превосходила все, что он знал ранее; это, решил он, действуют пилюли монаха.

— Я совершенно счастлив и собираюсь атаковать тебя сзади, — вскричал он.

Он извлек свое орудие и грубо перевернул ее. Затем он заставил ее упереться лбом в подушку и взялся за холмы ее ягодиц. В этот раз проникновение было еще сложнее, чем раньше, и сопровождалось звуками трения и разрывания.

— Достаточно! — воскликнула Жемчужная Луна. — Я не так пьяна, чтобы вынести это!

Симэнь Цин пронзил ее еще глубже, пока она стонала и пыталась бороться. Но от таблеток монаха он преисполнился также великой доброжелательностью и спросил:

— Ты считаешь, что нам следует вернуться на нормальный путь?

— Если ты только сделаешь это, — умоляла Жемчужная Луна, — я стану держать над нами фонарь так, что ты сможешь наблюдать. Конечно, у тебя такой «ван-ба» (черепаха), на который стоит посмотреть.

Симэнь ощутил благодарность как за предложение, так и за комплимент, позволил ей повернуться и вручил фонарь. Она подняла его одной рукой, и как только Симэнь закинул ее Золотые Лилии выше плеч, она другой рукой помогла ему возвратиться в Сердцевину Цветка. Он снова услышал внятные звуки их любовного соития и заставил ее держать фонарь так, чтобы можно было убедиться, что в Яшмовом Шатре все в порядке. Когда он убедился в этом, то принял позу, известную как «резвящийся Феникс» и нанес двести ударов без перерыва. В восхищении действием пилюль монаха он воскликнул:

— Завтра мой слуга вручит тебе двадцать ярдов лучшего шелка и покрывало для кровати, собственноручно вышитое моей женой.

СУМЕРЕЧНАЯ СТОРОНА ЛЮБВИ

Структура каждой цивилизации определяет присущую ей сексуальную практику. В Китае тремя наиболее очевидными источниками влияния на нее явились социальная приниженность женщин, рассудочная изобретательность мужчин и свободные от комплекса вины элементы языческих верований даосов. Представления о нормальном сексуальном поведении изменяются от эпохи к эпохе, от общества к обществу, и любое исследование, определяющее один подход как верный, а прочие — извращениями, всего лишь исходит из критериев своего места и времени.

Например, среди европейцев был широко распространен взгляд на китайский обычай бинтования ног как на проявление жестокости, в то время как китайцу беспомощность женщины доставляла удовольствие и пробуждала сопутствующее чувство превосходства, китаянка же демонстрировала мазохистское приятие этого неудобства и унижения. Китайцы, в свою очередь, не могли понять христианского неодобрения внебрачных связей, мастурбации и объявления греховными самых восхитительных удовольствий. Не понимали они и то, почему мусульмане ужасаются по поводу пролития девственной крови или используют особых «жеребцов» для дефлорации девственниц — к этому занятию средневековые арабы явно питали отвращение. К обрезанию китайцы относились со страхом, их приводила в недоумение клиторидектомия, а поцелуи и случайные ласки, не ведущие к естественной и иступленной кульминации, они считали оскорблением начал Инь и Ян.

Как в древних, так и в современных обществах природу того, что считается приемлемым, и того, что следует осуждать, определяют понятия греха и вины. Существование таких табу часто подвигает мужчин и женщин на поиск этих удовольствий лишь потому, что они запрещены. У китайцев не было непреодолимых религиозных и этических причин для осуждения гомосексуализма, мастурбации, «игры на флейте» (фелляции), трансвестизма, лесбиянства, полигамии, мазохизма или вуайеризма. Поскольку большинство из этих способов получить удовлетворение — если они практиковались с согласия всех участников — рассматривалось как вопрос личных предпочтений, то не было оснований расценивать их как преступления против общества. В случае садизма — извращения, способного привести к чрезвычайно разрушительным и болезненным последствиям, крайне невелико число зафиксированных письменно случаев, позволяющих предположить, что китайцы

Молодая женщина.

Рисунок начала XIX в. — иллюстрация к роману
«Сон в красном тереме»

прибегали к нему для сексуального возбуждения. И уж конечно не в четырех стенах спальни. Избиение и бичевание были обычными наказаниями за многие провинности, далее за незначительные отступления от «Записей о правилах поведения», публичная пытка была обычным зрелищем, однако получаемое палачом или зрителями удовлетворение никогда не проявлялось как открыто сексуальное.

Было бы вернее определить китайские половые извращения как общественно приемлемые отклонения и относиться к ним с терпимостью и добрым юмором, не говоря уже о присутствовавшей в них обычно игре ума. Как отмечалось выше, случайные поцелуи представлялись бесполезным сексуальным состязанием. Когда европейцы начали селиться в Шанхае и других городах, то можно было увидеть, как мужья и жены приветствуют друг друга поцелуем или заключают в объятия; китайцы, становившиеся свидетелями этих нежностей, ожидали, что европеец тут же извлечет свой Яшмовый Черенок и бросится в битву. Еще более конфузили вездесущих китайцев сцены, когда два француза приветствовали друг друга поцелуями в щеки, — это также казалось бесцельными сексуальными приготовлениями.

Такой свойственный китайцу неромантический подход, а также восприятие им любовницы в качестве скорее сексуальной рабыни, нежели партнера, означало, что он не очень-то стремился ставить ее удовлетворение выше собственного и не слишком уж беспокоился, как бы проявить галантность на западный манер. Таким образом, у китайца за подготовительным поцелуем в рот вскоре последовало бы требование к женщине «сыграть на флейте»; соответствующее искусство ставилось не ниже искусства музыканта. Опытная любовница должна была иметь обширный и разнообразный репертуар «песен», исполняемых мягко или решительно, тремоло или басом в зависимости от того, что соответствовало настроению господина. Такого рода занятия были обыденны в самых интимных отношениях, хотя любовницы, быть может, не заходили так далеко, как всегда исполненная желания Золотой Лотос из романа Ван Шичжэня «Цзинь, Пин, Мэй» (XVI в):

«Двухнедельная разлука с мужем, Симэнь Цинюм, воспламенила ее желание настолько, что утром она не позволила ему покинуть постель. Его член был то в Яшмовом Павильоне, то у нее во рту всю ночь, и когда он сказал, что должен покинуть ее, чтобы отдохнуть, она и слышать не захотела о расставании.

— Твое тело такое теплое, а снаружи так холодно, — запротестовала она. — Я не хочу, чтобы ты простыл. Почему бы тебе снова не направить это мне в рот?

Симэнь Цин был польщен и тронут ее предупредительностью.

— Я уверен, что ни одна другая женщина так обо мне не позаботилась бы, — сказал он.

Золотой Лотос приоткрыла рот чуть шире, и он направил туда свой член. Она торопливо глотала, не позволяя ни капле пролиться на лицо.

Закончив, он спросил:

— Как было на вкус?

— Немного солоновато, — ответила Золотой Лотос. — У тебя есть ароматные листья чая, чтобы отбить запах¹?

— Чай в мешочке, в кармане рукава моей куртки. Угощайся.

Золотой Лотос потянулась к белой куртке, брошенной на стойку кровати, нашла мешочек и сыгнула листья себе в рот».

Гарем неизбежно ассоциировался с любовью между женщинами. Иногда, когда сотни женщин жили вместе, методы взаимного удовлетворения были продуманы до

мелочей, нередко с благословения понимающего господина, который мирился со своей ограниченностью, особенно если он был в годах. Кроме взаимной мастурбации и любовных объятий женщины использовали набор разнообразных приспособлений. Самыми лучшими считались искусственные пенисы из полированной слоновой кости или лакированного дерева, имевшие волнистую поверхность. На изображающей любовную сцену картине эпохи Мин нарисована девушка, к бедру которой прикреплен ремешками искусственный пенис — такое расположение не совпадает с анатомией мужчин, но требует меньше усилий при работе с ним. Дальнейшее усовершенствование этого инструмента говорит об изобретательности китайцев. Двухконечный искусственный пенис длиной в двенадцать дюймов² с прикрепленными к середине двумя петлями из шелкового шнура позволял поклонницам сапфической³ любви получать удовольствие одновременно. Приняв положение, при котором их Нефритовые Брата оказывались обращенными друг к другу, по очереди притягивая петли шнурка, они добивались того, что каждое движение доставляло удовольствие обоим. После появления качественной резины последовало дальнейшее усовершенствование — была добавлена «мошонка», наполнявшаяся теплым молоком; нажатие на нее имитировало момент экстаза у мужчины.

Если бы требовалось определить ту единственную область сексуального своеобразия, в которой китайцы преуспели больше всего, то таковой несомненно явилось бы использование сексуальных вспомогательных средств и приспособлений. По мере развития их утонченного общества, по мере того, как похотливая наивность уступала изобретательности интеллектуала, появился некто, которого можно назвать педантичным любовником. В своей сумке наряду с косметикой и шелком, предназначенными в подарок его женщине, он носил любовные трактаты; в его карманах наряду с предметами личного пользования хранился и мешочек с приспособлениями для занятий любовью. В их число входили «порошок для удовольствий на ложе» и другие стимуляторы, кроме того, возбуждающие мази для смазывания «петель» Нефритовых Брат, серные кольца, серебряные воротнички, зажимы, колпачки и «Полировщики Яшмовой ступени» (приспособления для массажа клитора), а также довольно примитивный набор противозачаточных средств. Тем, кто страдал от утраты эрекции после начала сношения, реко-

Раздевающиеся женщины.
Гравюра из ксилографа эпохи Мин
«Ленюй чжуань»
(«Жизнеописания знаменитых женщин»)

мендовалось во избежание «возврата семени» использовать ленты, туго обвязанные вокруг основания пениса.

Описание подобной сцены - серьезно-комическая переключка животного и разумного в человеке — приведено в следующем отрывке из «Цзинь, Пин, Мэй»:

«Госпожа Улада Сердца пригласила его пройти в спальню, где был уже накрыт стол для пиришества. На нем стояли разнообразные блюда из курицы, утки и мяса, а также острей блюда. Сев, он расстегнул одежды в предвкушении пира, а она поднесла ему чашу вина. Какое-то время они ели и пили, почти не переговариваясь, но ближе к концу пьянящее вино создало более свободное настроение. Они сдвинули стулья и сидя обнялись, затем она забросила ему на колени свои ноги, и он дотронулся до них. С этим сигналом его готовности они встали и помогли друг другу раздеться, затем он отнес ее на кровать.

Она тщательно подготовила ложе. На нем лежала двойная подстилка так, чтобы им было удобно по ней кататься; покрывало было осыпано ароматным порошком с сильным запахом. Над изголовьем висела картина, изображающая резвящихся Зеленого Дракона и Белого Тигра⁴, к стойкам кровати привязаны колокольчики. Госпожа Улада Сердца с удовольствием отметила, что эти роскошные приготовления были быстро и должным образом оценены, ибо еще перед тем, как он лег рядом, он был уже полностью возбужден.

— Через минуту я буду с тобой, — пообещал он, затем извлек расшитый шелковый мешочек.

— Осторожно открыв его, он разложил у края покрывала следующие предметы

серебряный зажим
колпачок Вечного желания
серное Кольцо похоти

Изображение союза Дракона и Тигра.

Стихотворение гласит:

«Белолицый юноша восседает на Белом Тигре,
Девушка в зеленом платье оседлала Зеленого Дракона.
Лишь только свинец с киноварью встретятся в котле,
Они в одно мгновение сольются в нем воедино».

Рисунок из ксилографа, эпохи Мин «Сип мин гунчжи»

(«Правила и смысл половой (природной) жизни»)

*обработанной лекарствами Ленты Желания
яшмовое кольцо для пениса
возбуждающие похоть притирания
татарский любовный колокольчик,*

— Ну, как тебе нравятся мои приспособления для блуда? — спросил он.

Она почти утратила дар речи и не могла ничего сказать, лишь откинулась на подушку, являя собой картину страха и предвкушения. Рот ее приоткрылся, дыхание участилось. Руки ослабли, но колени уже поднимались в воздух. Укрепив серебряный зажим на Яшмовом Черенке, он смазал его притиранием и расположился между ее колен. Оценив положение кратким нажатием на Нефритовые Врата, он отодвинулся и добавил серное кольцо, а также желто-голубую ленту. Усилившись таким образом, он с трудом вошел в Павильон Удовольствий, сразу заставив ее вскрикнуть от боли и наслаждения, как будто лезвие все глубже и глубже вонзалось в нее».

Традиционный обычай «удержания цзин» (семени) с помощью метода прерванного сношения имел в глазах китайцев кроме его предполагаемого терапевтического и омолаживающего эффекта и два иных преимущества. Этот метод позволял китайцу продлевать сношение, и когда ему приходилось распределять свои усилия между несколькими любовницами, важно было не изнурять себя непрерывным семяизвержением. Этой техникой отнюдь не пренебрегают и современные восточные любовники; китайцы и японцы по-прежнему обладают уникальной репутацией за их изысканные и продолжительные любовные игры.

Практика «продленного сношения», занимающая час или два, имела и социальный аспект, часто заставляя партнеров в процессе полового акта заниматься и другими делами. Жизнь в Китае всегда была социально ориентирована, причем как стремиться к уединению, так и ожидать его соблюдения можно было лишь в самых минимальных дозах; присутствие посетителей в спальне не вызывало того замешательства, которое оно вызвало бы в других странах. Соответственно и занятый правитель, чиновник или торговец, имевший обычай часами проводить время в обществе любовниц, был в состоянии усердно заниматься делами. Как в романах, так и в придворных записях приводится немало случаев, когда мужчина для подписания бумаг не отстранялся от женщины, а обсуждение срочных дел с приглашенными сопровождалось время от времени движениями корпуса, чтобы убедиться, что эрекция еще не закончилась. Характерной чертой эротических гравюр эпох Сун, Юань и Мин было присутствие служанок, либо поглаживающих своих господ, либо предлагающих освежающие напитки во время паузы при «продленном сношении». Пользовались также популярностью занятия любовью на свежем воздухе, особенно жарким летом, и в литературе описано не только немало забавных сцен под сенью деревьев, но и веселая пикировка между совокупляющимися парами и прохожими по ту сторону стены сада.

Другие звуки в подобные моменты мог издавать «бирманский бубенчик». Этот пустой серебряный шарик размером с ягоду помещался во влагалище перед сношением, и вследствие странного воздействия тепла и движения на находящуюся внутри «бубенчика» маленькую дробинку было слышно постоянное позвякивание. Другая разновидность этого приспособления содержала каплю ртути и крохотный «молоточек». Два таких «бубенчика», обернутые в вату, часто помещались под большие половые губы и весело позванивали, когда любовники начинали движения. Эту игрушку любили также лесбиянки. Ее внедрение вместе с другими

приспособлениями при длительном использовании вызывало иногда деформации малых половых губ и растяжение клитора. Средневековые китайские книги по медицине описывают жалобу, характерную для наложниц, обойденных вниманием мужчин. Она обозначена термином «возгордившийся клитор», это один из признаков «гаремной нимфомании» («вэйтунши»).

Эта очаровательная терпимость по отношению к большинству человеческих слабостей не была, однако, всеобъемлющей. Среди немногих, к которым относились с отвращением или враждебностью, были те, кто имел репутацию лицемеров или людей, склонных к притворству. К этой категории относились монахи и монахини. Китайцы не были религиозными, по крайней мере в общепринятом смысле, и буддийские монахи вызывали как презрение, так и недоверие, особенно у непримиримых конфуцианцев, считавших их пришельцами с Запада⁵. Однажды численность таких «чужаков», требовавших привилегий в силу принадлежности к монашеству, достигла полумиллиона, что вызвало появление таких едких стихов, как «Зловредность монахов и монахинь» («Сэнни нехай»), принадлежащих кисти Тан Иня (XVI в.):

По слухам, монахи ведут святую жизнь,
Это люди прямые и твердые, как колонна или бревно.
Они бреют бороды и стригут волосы,
Их головы блестят так же, как голые задницы,
И все же ничто не сияет, как то орудие,
Которое они то и дело извлекают из своих одежд.
Глаза монахов подобны крысам, жаждущим воска,
Их руки загребают все, что приносится им в жертву.
Они притворяются святыми, уверяют, что стоят над плотскими утехами,
Рассказывают лживые басни о Священном зубе Будды⁶,
А сами предаются похоти при каждой возможности
И их священные одеяния колышутся между женских ног.

Поймаешь их в такой момент — они тут же заявляют,
Что не боятся ни Неба, ни Преисподней —
Однако придет и для них Судный день!⁷

В обществе, где правосудие часто было скорым и безотлагательным, где «Записи о правилах поведения» и другие авторитеты ясно определяли происхождение и последствия нарушений норм, вынесение телесных наказаний было обыденной чертой жизни. Бамбук произрастал в изобилии, как будто Природа предназначила ему быть использованным в целях поддержания порядка, а фаталистический характер народа принял как эту, так и другие формы насилия. Такой фатализм опирался на абсолютную власть императора и его чиновников, а также на внутреннее чувство незыблемости порядка бытия и уважение к древним традициям.

Бесспорно, элемент садизма присутствовал в каждом ударе руки отца, палки учителя, меча палача или ноги солдата, и широкая распространенность телесных наказаний вызывает сомнений не больше, чем иные аспекты общественной практики или семейных отношений. Они были всего лишь одним из элементов огромного целого. Древний китайский афоризм гласит: «Если сын оскорбил отца и знает это, единственное, что он может сделать, — принести отцу палку и принять от него наказание». Говорят, что 2000 лет назад Бо Юй горько плакал, принимая побои палкой от престарелой матери. Поскольку он был уже почти взрослым и не плакал

до того долгие годы, мать спросила его о причине слез. Тогда Бо Юй признался, что заплакал не от боли, а от того, что удары бамбуковой палкой были так слабы, — он понял, что мать слабеет от старости.

Эта и другие истории не только выражали сентиментальное отношение к воздаянию и освященное временем приятие заслуженного и неизбежного, они были частью концепции соответствия наказания преступлению. По этой причине приговоры часто приводились в исполнение публично, и человеческое сочувствие к жертве совсем не обязательно колебало веру в систему. Последняя включала в себя много сложных и жестоких разновидностей пыток. Свод законов («Да Цин люй ли») был составлен во время династии Сун (960—1127)⁸; количество ударов, к которым приговаривали в наказание, оставалось неизменным до XX века. Большинство преступлений, наказывавшихся палками, было скорее нарушениями обычаев поведения или недостатком сыновней почтительности, нежели проступком более криминального свойства. 60 ударов «длинными палками» были наказанием за уклонение от траура по умершему деду или бабке посредством сокрытия факта смерти, за непроявление скорби, за игру на музыкальных инструментах или за преждевременное снятие траура. 80 ударов были наказанием для жены или наложницы, выказавших неповиновение мужу (если он отведет их в суд), подобное же наказание «короткими и толстыми палками» налагалось, если подсудимый уклонялся от созерцания некоторых общественных праздников. Считалось, что свод законов призван регулировать все случаи нарушений норм в жизни клана, племени или семьи и таким образом установить социальную гармонию и равновесие, причем ожидалось, что аристократия своим правильным поведением послужит образцом для низших классов. В этих условиях, еще более усложненных длительностью существования суровых традиций, природу и степень проявления садизма, бытующего в качестве средства поддержания дисциплины или наказания, определить трудно. Если сексуальный садизм был мало распространен среди мужчин, то сведения о его распространенности в женской среде встречаются нередко — особенно там, где полигамное строение домохозяйства доводило напряженность и ревность до невыносимой степени. Обычная ситуация, которая должна была повторяться очень часто, приведена в «Рисунках света и тени», романе раннего периода династии Цин. В сцене описано наслаждение, с которым старшая жена мучает одну из наложниц мужа по имени Сладкий Ручей. Двум слугам было приказано привязать Сладкий Ручей к деревянному столбу, затем началось зверское избивание. Оно продолжалось большую часть дня, за это время и жена и наложница дважды принимали пищу. Страсть жены к применению бамбуковых палок и кожаных ремешков в конце концов довела жертву до беспомощности, после чего ее остригли наголо, а жена испытала в этот момент приступ оргазма.

Подобное бывало и при дворе, где новым фавориткам правителей нередко устраивали пытки ранее отвергнутые жены и наложницы. Обычно побои направлялись на половые органы, несчастных жертв забивали до полусмерти, засыпали им во влагалище раздражающие вещества (например, песок) или, что еще более жестоко, вводили туда раскаленные докрасна металлические прутья и тому подобные предметы. Нередко у жертв отрезали груди и соски, девушек заставляли совокупляться с козлами, баранами и даже ослами — это представление устраивалось перед глумящейся толпой, причем наиболее шумно вели себя подружки жертвы.

Хотя надругательства самого худшего плана совершались при дворах правителей, членов правящего дома или деспотичных губернаторов, не обходили сцены насилия и жилища более скромных семейств. Тут, конечно, дело не доводило до крайностей кровавых пыток и убийств, но приводимая ниже сцена из «Цзя чан е ши» («Рассказы о необычных семьях»), романа времен династии Мин, дает картину неожиданной вспышки насилия в доме. Жена Дижэня, Ароматный Цвет, ревнует его к любимой наложнице, но не может направить свою ярость на эту, находящуюся под защитой мужа женщину, и набрасывается поэтому на свою служанку, Чистый Хрусталь. Служанка имела несчастье пролить масло на новые туфельки хозяйки:

— Ах ты, неуклюжая ослица! — завизжала Ароматный Цвет. — Посмотри, что сделала ты с моими лучшими туфлями!

Чистый Хрусталь наклонилась, чтобы посмотреть, и получила удар по щеке одной из туфель; потекла кровь. От потрясения и боли она отступила на шаг, но хозяйка подскочила к ней.

— А, ты от меня убегаешь! Я тебе: неприятна, я тебе угрожаю! — кричала она. — Весенний Цветок! Весенний Цветок! — Старшая из двух служанок вышла из внешнего двора. — Эта безмозглая рабыня оскорбила меня — принеси мне кнут!

Прекрасно понимая, что ярость хозяйки может столь же непредсказуемо обратиться против нее, Весенний Цветок повиновалась. Когда она возвратилась с кнутом, ей было приказано раздеть плачущую Чистый Хрусталь.

— Держи ее за руки — если вырвется, займешь ее место! — кричала в ярости Ароматный Цвет.

Чистый Хрусталь была, казалось, слишком напугана, чтобы сопротивляться стремлению Весеннего Цветка раздеть ее побыстрее, но когда ее затащили на высокую тахту и кнут в руках госпожи опустил, причиняя острую боль, на ее обнаженную спину, она завизжала, как свинья, которую режут. После четвертого или пятого удара кнутом Ароматный Цвет сделала перерыв и сказала:

— Мне приходится больше, чем тебе!

Это прозвучало так зловеще, что девушка закричала громче, чем обычно.

— Может быть, хватит? — отважилась спросить Весенний Цветок.

Кнут снова обрушился на спину Чистого Хрусталя, и в комнате поднялся крик, как на скотобойне. Этот крик разбудил в соседней комнате дедушку Вэй, и, когда он сел на ложе, Волшебный Коралл крикнула ему с соседней кровати:

— Иди и уйми свою дочь, пока она не разбудила малыша!

Дедушка Вэй немедленно приказал своей жене встать с теплого кана и пойти прекратить шум. Когда старуха вошла в соседнюю комнату, Ароматный Цвет уже успела нанести тридцать или сорок ударов кнутом.

— Твоя старшая сестра боится, что ты разбудишь малыша! — сказала матушка Вэй. — Я не против, чтобы ты побила кнутом эту ослицу, но ты могла бы подумать и о ребенке.

Это требование еще больше взбесило Ароматный Цвет.

Она толкнула свою престарелую мать так, что та рухнула в стоявшее поблизости «мандаринское кресло»⁹, и нависла над ней.

— Уж не будешь ли ты указывать, как мне обращаться с моими собственными рабынями! Я не потерплю, чтобы кто-то являлся ко мне в комнату и вмешивался в мои дела!

— Я зашла лишь за чашкой холодного риса, — робко произнесла старая женщина, — но что-то мне его уже не хочется.

Когда матушка Бэй вышла, Ароматный Цвет бросилась к рыдающей на тахте девушке, перевернула ее на спину и расцарапала ей лицо. Ногти были такими острыми, что оставили на обеих щеках длинные глубокие раны, однако девушка ухитрилась скатиться за тахту, откуда виднелись лишь подошвы ее босых ног. Этого, однако, было достаточно для Ароматного Цвета. Она выхватила из очага бамбуковую трубку для раздувания огня и стала бить ею по виднеющимся ступням. Когда она довела до изнеможения скорее себя, нежели свою жертву, то бросилась на кровать, отослала служанку в ее комнату и стала лежать ждать возвращения Дижэ-ня. Она чувствовала, что обливается потом, но не пот тревожил ее, а та часть души, которой она ждала возвращения своего заблудшего мужа.

Старая китайская пословица:

«Яд черного скорпиона или зеленой змеи не так опасен, как яд, находящийся в сердце женщины».

Однако поскольку мужчина безоговорочно считался господином, а нормальные потребности его жен и наложниц создавали немалый спрос на его энергию и склонность к сексуальным новшествам, расстройства, приводившие его к садизму, были минимальны. Проявления садизма были вызваны скорее склонностью мужчины к новизне, нежели выражением необузданной жестокости. В «Цзинь, Пин, Мэй» есть описание одного из этих рассудочных случаев проявления спокойного садизма.

Вследствие столь многих дней непрерывных занятий любовью ноги Симэнь Цина ослабли настолько, что он понял — ему нужно либо отдохнуть, либо принять «зелье долголетия и сладострастия». Он выбрал последнее, но тут припомнил, что к травам следует добавить женское молоко. Госпожа Как-Вы-Желаете находилась в своей комнате. Волосы ее были украшены цветами, и выглядела она очень привлекательно. Он тут же спросил, не может ли она нацедить немного молока, чтобы развести лекарство. Та с готовностью согласилась и, пока жидкость стекала в порошок, приказала служанке принести чай и чего повкуснее. Когда девушка ушла и вылитый чай смыл остатки лекарства, Симэнь Цин закрыл дверь и улегся на тахту. Затем он расстегнул белые шелковые штаны и извлек свой Яшмовый Корень, закрепленный в серебряном воротничке. Он захотел, чтобы госпожа Как-Вы-Желаете возбудила его ртом, на что она согласилась, и, пока занималась этим, он стал отведывать от разных блюд.

— Ты, конечно, хорошо работаешь ртом, — сказал он, — я куплю тебе самую лучшую вышитую кофту, какую смогу найти. Ты оденешь ее на праздник 12-го дня первой луны¹⁰. — Несколько мгновений понаблюдав, как она действует ртом, он добавил:

— Ты позволишь мне возжечь на твоём теле «фимиам страсти»?

— Как тебе хочется, — ответила женщина. — Я на все готова.

Он сел, велел ей запереть дверь и из кармана на рукаве достал три маленьких пирамидки «фимиама страсти». Затем он снял с нее юбку и нижнее белье, освободил ее грудь и положил обнаженную женщину на тахту. Один кусочек фимиама он положил чуть выше пупка, еще один — между грудями, третий — среди глянцевитых волос «шелкового веера»¹¹. Затем он поджег все кусочки кончиком горячей ароматической палочки. Вида трех крохотных спиралей дыма и действия снадобья, принятого раньше, оказалось достаточно, чтобы его Мужское Острие напряглось; радость от того, что он не настолько изможден, чтобы на день-другой отказаться от удовольствия, заставила его немедленно погрузиться во Внутренние

Покои. После нескольких минут интенсивной работы он потянулся за ручным зеркалом и положил его ниже поля битвы, чтобы лучше видеть ход сражения. К этому времени пирамидки фимиама наполовину выгорали и женщина начала чувствовать жар.

— Прекрати, пожалуйста, жжет! — вскрикнула она, прикусив от боли губу.

— С кем ты обычно блудишь? — потребовал ответа Симэнь Цин.

— Обычно с Сюн Ваном, но на сегодня можешь назвать меня своей, — выдавила она.

— Так ты шлюха Сюн Вана! — закричал он, будучи снова занят в Нефритовом Павильоне. — А мне ты предлагаешь только свое тело!

— Но я хочу стать полностью твоей... Ну, пожалуйста, жжется ведь!

— Ты находишь, что я лучше Сюн Вана?

— У тебя величайшее орудие в мире!

Не без удовольствия поддерживая этот неприличный обмен репликами, Симэнь Цин продолжал нырять в Золотую Долину и изучать вид, открывающийся в зеркале внизу. Раздвинутые розовые губы влагалища выглядели, как открытый рот тропической птицы, а черные волосы по обе стороны от них были мокрыми и лоснящимися, как намокшие перья птицы. Вдохновленный этим вновь открывшимся видом, Симэнь Цин поднял ее ноги выше обычного, в то время как, она продолжала иступленно вскрикивать от удовольствия и жгучей боли от горящего фимиама. Ее удовольствие и боль достигли пика, когда его «облако» прорвало. Падая на нее сверху, он не забыл смахнуть последние тлеющие угольки.

— Ты непременно получишь самую лучшую вышитую кофту, какую я только найду, — пообещал он. — И ты должна быть в ней на праздник 12-го дня первой луны.

Уже сама по себе жестокость половой битвы была не без садистского значения, в частности, она ассоциировалась со сражением и необходимостью добиться победы. В таких любовных трактатах минской эпохи, как «Боевые действия на цветочном поле», женщины открыто назывались «врагами»; многое в беседах Желтого императора с тремя его богинями было подчинено необходимости принуждать их к покорности. Идея превосходства Ян над Инь не была, однако, ограничена спальней: во Вселенной, разделенной на мужское и женское начала, идея сексуального доминирования распространялась и на неживое. Военачальник Фу Цзянь хвастал, что способен остановить течение потока (Инь). Он выстроил на берегах отряд людей с кнутами в руках и приказал им сечь реку, пока она не покорится. К вечеру люди падали от усталости, а воды продолжали безмятежно течь. Есть еще рассказ о Ши-хуане (271-200 гг. до н.э.)¹², пожелавшем построить каменную дамбу в море, чтобы наблюдать с дальней ее оконечности восходы и закаты солнца. Строительство дамбы было почти завершено, когда она неожиданно разрушилась. Ее восстановили, но вновь случилось то же самое. Ши-хуан приказал бить камни кнутом, «пока на них не появится кровь», после чего «Инь стала послушна» и дамба была завершена.

Милая дева шестнадцати лет,
Мягкая гладкая грудь.
Но между ног ее цепкий капкан —
Страсти мужской оселок.

Если попался ты в сети,
Сразу умрешь от блаженства,
Кровь и здоровье прольются

В деву шестнадцати лет.

Ван Шичэн

Самым жестоким в сумеречной стороне любви был обычай и героический и трагический одновременно. Он был широко распространен до начала нашего века; говоря о нем, самое лучшее — привести соответствующий отрывок о сатизме¹³ из работы Джастеса Дулитла об общественной жизни китайцев, вышедшей в 1867 г. Он писал:

«А теперь опишу два уникальных обычая, касающихся, в частности, вдов, не выходящих снова замуж.

Некоторые вдовы по смерти своих мужей решают не жить без них и приступают к лишению себя жизни. Китайский сатизм отличается от индийского тем, что он никогда не осуществлялся через самоожжение. Способы его различны. Некоторые принимают опиум, ложатся и умирают у тела своего мужа. Другие мортят себя голодом до смерти, топятя или принимают яд. Еще один способ, к которому иногда здесь прибегают, — прилюдное самоубийство путем повешения поблизости от своего дома или в нем. Об этом намерении сообщается предварительно для того, чтобы желающие могли присутствовать и созерцать это деяние».

Истинные причины обращения вдов к сатизму различны. Некоторыми движет преданная привязанность к покойному, другими — чрезвычайная бедность их семей и трудность заработка на честный и уважаемый образ жизни, прочими — факт или перспектива грубого отношения со стороны родственников мужа. Иногда в бедных семьях братья усопшего мужа советуют или настаивают на повторном замужестве молодой вдовы. В одном таком случае, произошедшем здесь около года назад, побудительной причиной к прилюдному самоповешению молодой вдовы стало то, что деверь настаивал на се повторном замужестве. Когда она ответила отказом, он внушил ей, что единственный для нее способ заработать на жизнь, принимая во внимание царившую в семье нужду, пойти в проститутки. Такое бессердечие довело ее до исступления, и она решила покончить жизнь самоубийством, назначив для этого определенное время. Утром назначенного дня она посетила некий храм, воздвигнутый для хранения табличек¹⁴ и увековечения памяти «добродетельных и почтительных» вдов, расположенный близ южных ворот этого города. Ее носили взад и вперед по улицам в паланкине четверо человек, на ней было яркое платье, в руке она держала букет свежих цветов. После того как она зажгла в храме ароматические палочки и свечи перед табличками, что сопровождалось обычным коленопреклонением и поклонами, она возвратилась домой и во второй половине дня лишила себя жизни в присутствии огромной толпы зрителей. Обычно в таких случаях в доме вдовы или на улице перед домом воздвигается помост. В назначенный час женщина восходит на помост и брызгает водой на четыре его стороны. Затем она разбрасывает вокруг несколько видов зерна. Это своего рода залог приумножения и процветания ее семьи. Вдову усаживают в стоящее на помосте кресло, затем обычно к ней подходят ее братья и братья ее мужа, которые поклоняются ей. Часто это сопровождается принесением ей в жертву чая или вина. Когда все готово, она взбирается на табурет и, взявшись за веревку, прочно укрепленную другим концом на возвышенной части помоста или на крыше дома, завязывает ее на шее. Затем она отталкивает табурет и становится таким образом своим собственным убийцей.

Некоторые правительственные чиновники поощряли самоубийства вдов не только своим присутствием при этом, но и участием в поклонении. Говорят, однажды женщина, после того как ей были оказаны почести, вместо того чтобы взойти на табурет, укрепить на шее веревку и повеситься, как ожидалось, вдруг вспомнила, что забыла накормить своих свиней и заторопилась прочь, обещая вскоре вернуться, какового обещания не выполнила. После такого обмана ни один чиновник не присутствовал на сати в этом городе.

Публичное самоубийство вдовы всегда привлекает толпы зрителей. Общественное мнение поддерживает этот обычай в достаточной мере, чтобы он считался достойным и ставился в заслугу, хотя не настолько, чтобы стал очень частым явлением. Братья и близкие родственники вдовы, покончившей с собой после смерти мужа, считают это почетным для семьи и нередко испытывают удовлетворение, имея возможность представляться ее братьями и родственниками.

Иногда девушка, помолвленная с умершим до свадьбы человеком, решает скорее покончить с собой, повесившись публично, нежели быть вновь сосватанной или жить незамужней. Если не удастся уговорить ее изменить решение, ей разрешают назначить день самоубийства, она посещает вышеупомянутый храм, если он не слишком далеко, взбирается на помост, сооруженный у дома ее нареченного мужа, и уходит в вечность таким же образом, как и вдовы, решившие не жить дольше своих мужей. Гроб девушки в подобных случаях зарывают рядом с гробом ее суженого одновременно с ним.

Блаженное состояние невежества относительно связи между «небесным сражением» и венерическим заболеванием позволило многим поколениям китайцев вести свои любовные дела без оглядки на подобные соображения. Излюбленный мужской студень для смазки имел природные антисептические свойства, а полупрезерватив (иньцзя), применявшийся для сохранения «возбуждающего тепла», обеспечивал еще большую защищенность. Венерические заболевания достигли, тем не менее, размеров эпидемии в XVI веке, и врач минской эпохи Юй Бянь сообщал:

«Жители северных частей страны страдают от заболевания половых органов и кожи, которого до настоящего времени было распространено только в Кантоне¹⁵. Эти «кантонские болячки» (гуан чуаи) имеют форму цветов сливы...»

«Порча в виде цветов сливы», «кантонские болячки» и даже «нос, порченный сливой» позднее были определены как сифилис. Сведения о его широком распространении на юге содержатся в записях Хью Джиллана, врача британского посла в Китае лорда Маккартнея, 1793—1794 гг. Он сообщал:

«В Кантоне, где он встречается чаще всего, где лучше всего понимают его природу и способы лечения вследствие общения с европейцами, его называют «цаобитэн», что означает «половые органы мужчины, больны», либо «цао-цзибатэн» - «половые органы женщины больны.»¹⁶ В северных провинциях его называют «баомэй», или «тяньпаочуан», по различным симптомам этой болезни соответственно их внешним проявлениям, таким, как нарывы, сыпь и т.д.»

Кроме того, его часто именуют «кантонской болячкой» — названием, подразумевающим начало распространения болезни по всей стране из города, где она впервые появилась и куда она, быть может, была первоначально занесена европейцами, торгующими в этом порту. Многие миссионеры решительно придерживаются этой точки зрения, в поддержку чего добавляют, что единственный используемый китайцами ртутный препарат попал к ним от одного из миссионеров.

Поскольку Китай был одной из зон распространения чумы, оспы и других смертельных болезней, а медицина, в чем-то преуспевая, была прискорбно несовершенна в остальном, многие симптомы венерических заболеваний отождествлялись с более привычными болезнями или причислялись к тем физическим немощам, которые не поражают страждущего прямо и болезненно. Время от времени начиная с XVI века некоторые не определенные точно эпидемии назывались «чумой бегущих болячек», или «болезнью капающей жидкости».

Тем не менее преобладающее отношение к венерическим заболеваниям состояло в том, чтобы игнорировать их, где возможно, и наслаждаться «удовольствиями бамбуковых зарослей», не заботясь о возможных болезненных последствиях.

Возвращаясь к записям доктора Джиллана, отметим, что у китайцев тем не менее была готовность признать заболевание и принять курс лечения, если он был доступным и не слишком болезненным.

Вот что он пишет о поездке в Кантон в сопровождении группы высокопоставленных чиновников:

«Чжоу и Ван подхватили болезнь у какой-то девицы из Ханьчжоуфу; приблизительно две недели спустя она проявилась в форме язв и гонорей. Военный чиновник Ван обратился ко мне первым и вскоре был излечен от своих недугов. Он, казалось, был чрезвычайно удивлен, когда я впервые предложил ему впрыскивание в мочеиспускательный канал. О таком он до того и не слыхивал, однако с достаточной готовностью согласился, а затем взял спринцовку и лекарство для впрыскивания и самостоятельно применял их в соответствии, с моими указаниями. Его друг Чжоу, видя хороший результат от применяемых средств, очень хотел пройти такой же курс, но, будучи гражданским чиновником, более стыдился того положения, в котором оказался. Поэтому он по секрету попросил Вана возобновить запас лекарств, как будто бы для себя, а затем частным образом передать ему. Когда Ван потребовал от меня еще лекарств, я сказал, что он полностью излечен и предположил, что он собирается вернуться к той девице из Ханьчжоуфу. Он захохотал и признался, что лекарства предназначались для Чжоу, чья застенчивость не позволяет ему прийти. Чжоу справился вскоре со своей застенчивостью и был быстро и полностью излечен».

Небрежное отношение к лечению, преобладавшее среди китайцев в XVIII и XIX вв., отражено в следующем фрагменте из того же источника:

«После того как истечение из мочеиспускательного канала прекращается и внешние язвы исчезают, люди обычно считают себя излечившимися. Они редко продолжают применять ртуть достаточно долго, чтобы излечить органическую инфекцию, и вследствие такого пренебрежения венерические язвы, пятна и струпья часто выходят на поверхность тела; спустя некоторое время начинаются выступления костей, и многие несчастные пациенты, ведя столе прискорбный образ жизни еще несколько лет, умирают, чрезвычайно страдая».

В Китае общепринята точка зрения, что зараженный родитель передает инфекцию своему потомству; исходя из этого, предполагается, что некоторые семьи имеют наследственное венерическое заболевание. В Кантоне используют ртутную мазь для лечения сифилиса, способ применения и изготовления которой они узнали от живущих здесь европейцев. Но в Пекине и во всех северных провинциях применяются ртутные пилюли. Чжоу (чиновник) прекрасно знал, об их сильном воздействии: они часто вызывают сильную рвоту, понос и острые боли в кишечнике.

Эти неудобства и причиняемая пилюлями боль были главными причинами, мешавшими китайским пациентам продолжать прием лекарств достаточно долго для полного исцеления.

ХОЗЯЙКИ ЗЕЛЁНЫХ ПАВИЛЬОНОВ

Десять лет, как сон пролетели в
 Янчжоу... Прощаюсь.
 Девушки в зеленых павильонах льют слезы
 И упрекают меня за то, что я их покидаю...

Ду Му (803-852)¹

Традиционное китайское общество со всеми его неравенством, жестокостями и страданием смогло дожить до наших дней благодаря сложному равновесию его институтов, а также вере всех — вознесенных и низких, ученых и крестьян — в то, что все они лишь частицы высшей общественной организации людей. Эти институты и это равновесие были достигнуты долгой и осторожной заботой о деталях, о наследстве многих поколений мудрецов и ученых, правителей и чиновников, причем последние обычно уважали первых, а иногда и соперничали с ними в мудрости. Их древняя цивилизация доказала, что общество, состоящее из разных племен, частью оседлых, частью кочевых, с различными культурами и верованиями, может быть сплочено лишь всеобщей верностью его институтам, и это стало положением, определяющим все стороны жизни. Императоры правили, семьи повиновались отцам семейств, предки почитались как божества, студенты и ученые, хорошо показавшие себя на Императорских экзаменах, автоматически становились гражданами более высокого класса, нежели те, кто не мог овладеть письмом.

В этой жестко иерархической системе занимаемое женщинами место было также определено в результате продуманных построений. В обществе, где доминирует мужское начало, неизбежен не только приниженный статус женщин, но и неукоснительное исполнение ими желаний мужчин. Поскольку мужчинам нужны были жены для продолжения рода и ведения хозяйства, некоторым женщинам должна была предназначаться эта роль. Большого от них и не требовалось и не ожидалось;

воспитание потомства и поддержание порядка в доме были полноценным и достойным занятием, и это не позволяло женам обращаться к такой деятельности, которая могла бы отвратить их от этого предназначения и цели, ради которой они существовали. Для домохозяйки музицировать, уметь танцевать, красноречиво говорить, писать стихи и быть кокетливой в самом приятном смысле этого слова было бы сочтено за нарушение уготованной ей судьбой роли.

С другой стороны, от мужчин вряд ли можно было ожидать, что они станут отказывать себе в наиболее вдохновляющих, ярких и страстных удовольствиях или смиряться с ограничениями, низводящими их до суровой и даже унылой роли мужа и отца; они всегда стремились к свободе, позволяющей быть любовником. В этом

Мать с двумя сыновьями
 Из альбома XIX в. Художник У Ю

плане личная и семейная жизнь мужчины была устроена достаточно гибко, ибо позволяла иметь наложниц, жен, любовниц и «служанок». Подобные женщины «второго сорта» были ему ближе, чем старшая жена, доставляли больше удовольствия и сопровождали господина во время визитов к друзьям или присутствовали, когда он принимал друзей у себя дома, тем не менее законный и социальный статус таких женщин был ниже, чем у Первой дамы.

В доме наложница беспрекословно подчинялась жене, но поскольку освященные временем правила допускали саму возможность существования наложницы, она считалась членом семьи. Наложница подчинялась всеохватной системе китайских обычаев. Ее задачей было доставлять удовольствие господину, и если она должным образом справлялась с этой задачей, ее часто выделяли из числа других наложниц. Рождение ребенка мужского пола также повышало ее статус и давало немало привилегий. Но главным для нее было оставаться желанной и привлекательной, и для этого она совершенствовала свои способности столь же рьяно, что и чиновник, готовящийся к государственным экзаменам. Наиболее одаренные наложницы владели лютней и мандолиной, играли в шахматы, когда у их господина было задумчивое настроение, пели и танцевали, когда он был весел, фехтовали или сражались врукопашную (на китайский манер), когда он чувствовал прилив энергии, и сочиняли стихи, в которых воспевали их совместные удовольствия.

Эти качества наложницы были, тем не менее, вторичны по отношению к ее качествам как сексуального партнера. Она не только была искушена в технике любви и в том, чего не могла предложить мужу его жена; но испытывала постоянную потребность быть совершенно необходимой мужчине, чего достигала, поддерживая его сексуальную активность, возвращая его к жизни, когда он устал, успокаивая его, когда он беспокоился, и даже стремилась вникнуть в какие-то его проблемы — немислимое вмешательство со стороны жены! Наложница должна была также иметь опыт приготовления укрепляющих снадобий, чтобы мужчина продолжал «пить у Яшмового Источника», поскольку его сила Ян, по определению, постоянно требовала оживляющего воздействия «вод» Инь.

Живущие в доме наложницы были, впрочем, для большинства мужчин роскошью. Для очень богатых это не становилось невыносимым бременем, в их домохозяйствах нередко наложниц было не меньше, чем при дворах членов правящего дома, но по мере роста численности населения и по мере того, как мужчины с более скромным достатком стали жаждать женщин, не похожих на их жен, появился спрос на женщин утонченных и возбуждающих, которым не обязательно было жить при доме. И вновь китайское общество приспособилось к изменившейся ситуации. Возникло новое сословие профессионально ориентированных женщин. Однако, будь то куртизанка высшего разряда или проститутка, новая категория сексуальных партнеров и важность их профессии были восприняты с уважением и терпимостью.

Рост числа представительниц этой профессии был наиболее заметен во времена династии Тан (618 — 906), ставшей не только «золотым веком» китайского искусства, но также временем великих социальных изменений, в ходе которых семейная дисциплина стала менее суровой и переезд из района в район — делом более обычным. В этом более подвижном обществе девушки получили первый шанс обрести независимость, и те, кто оказался готов воспользоваться им, обнаружили, что они отнюдь не остались без средств к существованию. Если девушка была достаточно привлекательна, проституция не только обеспечивала ей достойную

жизнь, но и предоставляла то, чем не располагал ни один другой класс женщин — определенную степень личной свободы.

Этих девиц — любимиц общества и источник вдохновения для некоторых величайших поэтов — с нежностью называли «Опавшими цветами» или «Цветами на стене», ибо сорвать такой цветок мог любой; их называли также «женщинами ветра и пыли» — ведь как ветер несет пыль, так и их судьба могла занести куда угодно. Подобные романтические наименования давались также публичным домам, отсюда и выражения «Пристанища поющих девиц» (чан цзя), «Девушки зеленых павильонов» (цин лоу), или «Красотки голубых теремов». Это последнее наименование происходит от голубых ставней на окнах публичных домов. Аналогичный более распространенному «красному фонарю», этот символ частенько с восторгом упоминается в песнях и стихах.

Для мужчины, желавшего получить любовь за деньги, уличные публичные дома были весьма удобными заведениями, имевшими к тому же такое достоинство, как возможность сэкономить; если же ему требовались девицы для развлечений дома или просто для приятной компании, то было несложно внести некоторые коррективы. Мужчина мог нанять девицу на испытательный срок с перспективой стать наложницей, если та сумеет угодить.

Проститутки подразделялись на классы: от жившей поблизости от дворца куртизанки высшего разряда, имевшей собственных слуг и собственную «кормилицу», до певичек, танцовщиц и «казарменных девок» (инци), обслуживавших солдат в лагерях. На низшей ступени находились «морские шлюхи», которые не только ютились в публичных домах морских портов, но и позволяли обладать своими благородными телами китайцам иностранным морякам и всяким прочим «иностранному дьяволам» (гу-айло)².

Знаменитая танская куртизанка и поэтесса Сюэ Тао (768-831)

Сцена в публичном доме. Гравюра эпохи Мин

Поскольку Китай — страна многих рек, имеющая длинную линию побережья со многими морскими портами, то в большинстве районов, где жители селились преимущественно у берега, можно было встретить плавучий публичный дом (хуачуань). Джонки, сампаны и другие суда восточного типа традиционно использовались как жилье, мастерские и трактиры; между ними постоянно сновали маленькие лодки, снабжавшие обитателей судов продуктами питания, всевозможными вещами, одеждой и всем, что могло понадобиться членам предпочитавшего жить на плаву сообщества. Просто развлечения предоставляли лодки с музыкантами и певцами, двигавшиеся вдоль рядов пришвартованных судов; развлечения же более дорогостоящие предлагались на стоящих неподвижно «цветочных лодках».

Последние нередко бывали плавучими дворцами, имевшими на борту собственные рестораны и бани; клиенты доставлялись с берега целой вспомогательной флотилией. Бывали и более скромные «цветочные лодки», вплоть до сампанов, занавешенных вдоль бортов парусом. К какой бы категории ни относились проститутки — к первой (цзинной) или к третьей (ецзи, «дикие птицы»), — все они назывались «небесными водяными лилиями». Независимо от своего положения и обеспеченности девушки принадлежали к почтенной профессии, которая обязывала их приветствовать своих клиентов предварительной церемонией угощения чаем, вежливым и грациозным представлением, и любые упоминания об оплате и деньгах были бы сочтены неучтивыми. При лунном свете, при виде множества судов, усыпанных цветами, обвитых лианами и украшенных фонариками, когда после раскаленного дня веет прохладный ветерок и течение слегка покачивает судно, «цветочные лодки» должны были представляться в высшей степени романтическими пристанищами для удовольствий Тучки и Дождика.

Если наложницы, куртизанки и проститутки стремились оказаться на верху социальной лестницы, то им приходилось заботиться о своей подготовке и в этом полагаться на «кормилицу» (цзяму, или «приемную мать»). Девушки в свою очередь именовались «приемными дочерьми», и поскольку принадлежность к данной профессии постыдной не считалась, отношения между «матушкой» и «дочерью» частенько становились не менее тесными, чем в семье. «Матушек» называли также жаргонным словечком «бандерша» (бао); обычно они были вышедшими в тираж Опавшими цветами, вложившими сбережения в своих подопечных.

Как проницательные предпринимательницы они были постоянно настороже, стремясь не упустить возможность продать своих «дочерей» любому поклоннику, увидевшему в одной из девиц будущую наложницу или жену. Выкуп девушки обошелся бы мужчине не только в сумму, вложенную бао в обучение дебютантки; ему пришлось бы возместить ее будущие доходы и, возможно, первоначальную стоимость, если девушка была куплена у отца. Б стенах публичного дома слово Мадам, подкрепленное «человеком с сильными руками» (бао бяо), было законом даже для клиентов. В более цивилизованных и утонченных заведениях был установлен строго соблюдавшийся ритуал, в котором собственно допуску в спальню предшествовали церемониальное чаепитие, музыкальное представление, процедуры обычного знакомства, а иногда и длительные ухаживания. Посещаемые лишь ради сексуальных удовольствий и следящие лишь за своевременностью оплаты публичные дома считались заведениями, приличествующими только грубым и необразованным мужланам; таких клиентов спроваживали к первой же освободившейся проститутке. В «зеленых павильонах», уже классом выше, бао не

только управляла делом, вникая при этом в мельчайшие детали, но и направляла клиентов к девицам, которых она считала наиболее подходящими; этот аспект искусства «гармонизации» был важным условием успешного ведения дела.

Одной из причин того, что проститутка была принята в обществе и ее профессия не считалась позорной, была ее роль возлюбленной молодых китайцев-мужчин. Представления о важности сохранения девственности, бытовавшие у всех слоев общества, стоявших выше крестьян и ремесленников, а также суровые традиции, делавшие невозможным для молодых холостяков романтично ухаживать за девушками ввиду затворнического образа жизни последних, заставляли молодых людей направлять свои чувства на Опавшие цветы. Отец молодого человека, желающий сыну успехов в роли как любовника, так и мужа, нередко представлял его куртизанкам для курса обучения любви, щедро платя за как можно лучшее такого рода образование. Если куртизанка была выбрана верно и ей удавалось вдохновить романтическую сторону юношеских чувств, то молодой человек нередко получал истинное наслаждение от приближающих его к заветной цели ухаживаний — они сопровождались полным набором обещаний и отказов, надежд и отчаяний, в душе юноши соседствовали любовные стихи и мысли о самоубийстве. Когда же он бывал допущен к ней в спальню — может быть, через несколько недель ожидания, — этот невинный «весенний цыпленок» (дунцзе цзи) встречал свое сексуальное посвящение с тем же смятением чувств, с каким молодой человек прикасается к своей первой возлюбленной.

Старые китайские пословицы:

«Юноша, впервые входящий в Голубей Палаты, подобен сычуаньским псам, которые так редко видят солнце, что стоит ему засиять, лают от страха».

«Нервный любовник — что глупые быки из Цзянсу: восходит луна, а они дрожат, думая, что это уже солнце».

Репутация самых знаменитых куртизанок была такова, что императоры, как известно, предпочитали их своим наложницам. Особенно привлекала такая черта характера этих женщин, как независимость; китайским мужчинам надоедали их уступчивые партнерши. Самые свободные из женщин, некоторые куртизанки проявили себя в искусствах и даже превзошли мужчин как поэтессы и сочинительницы песен.

Такова была, например, Юй Сюаньцзи (844— 871), имевшая счастье дружить с некоторыми из самых блестящих мужчин своего времени. Еще в 16 лет, озабоченная физическим выживанием в своей профессии с присущим ей высоким уровнем конкуренции, она освоила основы каллиграфии, обратилась к изучению классических трудов, научилась играть на трех музыкальных инструментах, открыла у себя голос несравненно сладостный и, наконец, объединила эти разнообразные таланты, став поэтессой, и ею восхищались многие!

Сцена в публичном доме.

Из ксилографа эпохи Мин «Фэн юэ чжэньци»
(«Любовные страсти»)

В этот ранний период своей жизни она писала:

МАЛЕНЬКАЯ КОМПАНИЯ

Каждый мужчина — принц,
Каждый мужчина — нищий,
Каждый носит корону,
Каждый просит любви.

Приходят они господами —
Как дети становятся вскоре.
Уходят они с поклоном —
Улыбка моя неизменна.

Что привело их сюда,
Что увело их отсюда,
О чем вспоминают теперь?
Улыбка моя неизменна.

Сюаньцзи стремилась не отстать в доблести от своих любовников, и существовало немало рассказов о ее выходках, невероятном количестве выпитого ею вина и фатальном влечении к нарушителям законов и преступникам. В компании таких людей она оставила свой высокий стиль, обнаружила, что не может заработать на жизнь обычным способом, и стала наложницей одного из них. Однако домашние этого человека, и в особенности его жена, не могли смириться с такой своевольной и необузданной женщиной, и Юй Сюаньцзи пришлось уйти в монахини.

Она заинтересовалась даосизмом, и, поскольку даосские монастыри предоставляли убежище за своими высокими стенами людям с душами не только святыми, но и весьма пылкими, она скоро вновь втянулась в оргии и пьянство, ничем не отличавшиеся от тех, в которых ей доводилось участвовать раньше. Содержавшие это заведение монахи ожидали, что столь красивая и талантливая куртизанка окажет поддержку не только им самим, но и монастырю. Одним из мужчин, посетивших Юй Сюаньцзи в ее апартаментах, был поэт Вэнь Тинъюнь. В его обществе она скоро отбросила те ограничения, которые накладывало на нее монашество, и отбыла с Вэнем в увеселительную поездку по стране. Любовь к Вэню была последней страстью в ее жизни, и когда последовала неизбежная развязка, эта уставшая женщина с разбитым сердцем вернулась в монастырь, чтобы написать свое грустное, но все же бессмертное стихотворение «Продаю поникшие пионы»³.

Другой легендарной куртизанкой была Лян Хунъюй, жительница маленького городка, ставшая героиней войны XI в. против татар⁴. В те времена было принято возобновлять разрешение на занятие проституцией у губернатора, и Лян Хунъюй приближалась с этой целью к воротам его дворца, когда перед ней как бы материализовался тигр. Она тут же потеряла сознание, а когда пришла в себя, то оказалось, что ее поднимает солдат, стоявший в карауле. Никаких других живых существ поблизости не было. Она возвратилась домой и рассказала о замечательном видении «матушке». Эта бао была практикующим астрологом, она немедленно обратилась к картам и предзнаменованиям, а затем объявила, что караульный солдат был звездой Небесного Тигра. Поднимая ее из пыли, он символически обозначил цель своего пребывания на земле, каковой было предложить девушке новую судьбу.

Две женщины заторопились назад к молодому человеку и пригласили его отобедать. За столом были прочитаны «восемь иероглифов»⁵ молодой пары, и когда бао поведала солдату о его истинной сути, тот стал возражать. Затем старуха

сообщила, что судьбой им определено пожениться и что она освобождает свою «приемную дочь» без обычной компенсации. Это предложение было весьма соблазнительным для бедного солдата, да и девица была привлекательна, и Хань, так его звали, принял предложение. Однако, как только он женился, его скромная судьба немедленно изменилась к лучшему, и спустя короткое время он был назначен командовать армией.

Когда войны с татарами потребовали его присутствия на фронте, Хуньюй настояла на том, чтобы сопровождать его. Она участвовала во всех сражениях, воюя бок о бок с мужем, и в битве на воде, состоявшейся на реке Янцзы, благодаря ей была спасена империя. Хань расположился во главе армады боевых джонок, но они попали под такой тяжелый удар судов вторгшихся татар, что Хань готов был уже дать сигнал об отступлении. Хуньюй, послушав его решение, выбежала на палубу командирского корабля и боем в боевой барабан скомандовала наступать. Приказ был исполнен на других кораблях, флотилия перешла в наступление, и татар погнали вниз по реке.

Обычай прикреплять женщин к ведущим боевые действия войскам существовал и за тысячу лет до Хуньюй. Тогда император У (140-87 гг. до н.э.) назначил комиссию для расследования таинственной болезни, поразившей его лучших военачальников. Даосские монахи, которым было поручено расследование, доложили, что начало Ян офицеров, длительное время оторванных от начала Инь, сильно ослаблено и что их здоровье и боевой дух вернутся лишь тогда, когда будет восстановлена их внутренняя гармония. Были срочно мобилизованы девицы для предоставления Инь не только офицерам, но и всему десятитысячному войску.

Позднее набор на службу инцзи (казарменных шлюх) стал более упорядоченным, и они стали получать за свои услуги оклады. Когда добровольцев не хватало, на эту службу заставляли идти женщин-преступниц и родственниц тех, кого преследовали власти. Эти государственные публичные дома позднее были усовершенствованы, а в эпоху Мин (1368 — 1644) подобные дома были учреждены для многих рангов гражданских чиновников. Те, что предназначались для самых высокопоставленных, были особенно роскошными, сюда набирали самых красивых и одаренных девушек страны. В описании одного такого заведения высшего разряда упоминается разнообразная мебель и шелковые драпировки, доставленные из всех пределов империи; там же говорится, что температура в помещении регулировалась круглый год посредством установки больших медных нагревателей зимой и огромных ледников летом — лед для них запасался и неплохо сохранялся в глубоких ямах.

Китайская проститутка сохранила свой романтический образ на протяжении столетий, и это доброе отношение и симпатия были присущи не только ее соотечественникам. Сесил Клементи во «Введении» к переводу «Кантонских любовных мелодий» (опубликованы издательством «Кларедон Пресс» в 1904 г.) приводит рассказ об одной такой девушке с той же лиричностью и симпатией, что были присущи многим поколениям китайских писателей до него. Трагедия этой проститутки, оставшейся чистой сердцем и заколовшей себя булавкой при расставании с возлюбленным, — тема, к которой обращаются постоянно. Он пишет:

«Брак в Китае, как и в других странах, где патриархальная система прочна и где главным культом народа стало поклонение предкам, стал не чем иным, как институтом для рождения законных детей. Принцип выбора сексуального партнера не определяет в Китае вступление в брак, поскольку жених, и невеста нередко

впервые встречаются на свадьбе, где лишь закрепляется сделка, заключенная их родителями. Поэтому любовь до брака почти невозможна, а любовь после заключения брака встречается достаточно редко. Соответственно, принимая во внимание тот факт, что возвышенная любовь как тема мало присуща китайской поэзии, представляется возможным расценить многие образы... как эвфемизмы, необходимость употребления которых налагается на поэта самой природой его темы. «Беседки цветов и ив», «убежища грез и цветов», «румяна и пудра», «мир цветов» и другие тому подобные выражения имеют для китайца лишь одно значение и поэтому теряют часть той изысканности, которую они сохраняют для уха англичанина».

«Речи царств» сообщают нам, что в VII в. до н.э. некий чиновник по имени Гуань Чжун «изобрел и разработал практику проституции, как шедевр политической экономики, сделав ее источником доходов для страны. Царство Ци, современный Шаньдун, описывалось тогда как место веселое и праздничное, а также большой торговый центр; путешественники и купцы прибывали туда со всех концов страны и находили там готовый рынок для своих товаров. Опасаясь, что полученное купцами за их товары серебро покинет царство и будет для него навсегда потеряно, Гуань Чжун счел целесообразным узаконить и стимулировать проституцию: он надеялся, что это побудит торговцев проматывать прибыль, транжирить деньги на распутниц, и их выручка, или заметная ее часть, останется таким образом в царстве и внове поступит в оборот»⁶.

Экономический аспект проблемы проституции остался неизменным. Именно для решения проблем домашней экономики отец продает своего ничего не понимающего ребенка, а муж закладывает жену, хотя в последнем случае для сделки требовалось согласие жертвы. Известны случаи, когда женщина закладывала себя для оплаты долга; при случае и китайское правительство не прочь было погреть руки на продаже девушек, от которых по их вине отказались их семьи. Именно экономическая необходимость, а не свободный выбор заставляет женщин отправляться в «ивовые переулки и цветочные улицы».

По этой причине над жизнями молодых девушек нависает неизбывная грусть. «Широко-широко море горечи: если злосчастна твоя судьба, то ты в нем уже больше чем наполовину». Избавление почти невозможно, его удастся добиться лишь одним из двух способов. Либо, греша, девушка должна собрать денег достаточно, чтобы выкупить себя и расстаться с тем образом жизни, на который обрекла ее судьба; либо, если судьба была к ней более благосклонна, она могла, пока девичество ее не увяло, «встретить возлюбленного с искренним сердцем», чья любовь «оградит ее и доставит к берегу» в качестве жены или наложницы. Это единственный луч надежды, сияющий во мраке.

В ряде зарисовок «Кантонские мелодии» показывают нам жизнь такой девушки. Мы видим ее за туалетным столиком, заплетающую волосы, и каждое ее движение подобно любовному заклятию: ведь как она разделяет волосы, так и ее любовник отринет все свои заботы и придет к ней; центр ее прически символизирует сосредоточение ее сердца; корни волос и кончики кос говорят о том, что в любви своей она пойдет до конца; цветы, вплетенные в волосы, — символ ее «цветочных долгов», они подарят благосклонность Повелителя Цветов: «лунные розы» обеспечат ей защиту Подлунного Старца⁷. Затем мы видим девушку в краткие часы ее счастья: она стоит с любовником у ограды и беззаботно щебечет, пока он записывает на выбеленной стене песню о лотосе, которую они пели вместе. Вдруг она

подслушивает бросающие в дрожь слова людей о том, что павлина и его подругу скоро разлучат. Весенние грезы развеялись, и она мужественно принимает на себя бремя предназначенной ей судьбой печали. Ее любовник — блестящий молодой ученый, долг перед книгами призывает его отправиться на сдачу экзаменов в Пекин.

Девушка, любящая его столь нежно, не может позволить своей любви препятствовать его продвижению. Она надеется увидеть его однажды облаченным в халат ученого и с честью возвратившимся домой, но мысль о часе расставания преследует ее... В постели она нашептывает ему в ухо свое прощальное послание: «Любовь моя, как бы ни было тебе весело в Пекине, все же не забывай своей возлюбленной!» Быстро пролетели часы, а с ними ушла и ее надежда, что ветви деревьев в лесу задержат заходящее солнце. Через мгновение экипаж и лошади будут у дверей. Она заставляет себя веселиться и смеяться, чтобы возлюбленный мог уехать с легким сердцем; вот он и отбыл на север. С тоской в глазах провожает она взглядом удаляющийся экипаж, и когда тот скрывается из виду, девушка возвращается в свою комнату и наконец находит облегчение в длительном навзрыд плаче. Природа пытается утешить ее, но песня иволги, аромат цветов и дыхание весны лишь усиливают ее горе. В опустевшей спальне она глядит на красный фонарь, стоящий на столе, и в тщетной попытке поднимает в руке чашку так, чтобы ее тень на стене создала обманчивое впечатление, будто она не так одинока. Потом она пытается обрести покой во сне, но и там грезит о воссоединении с возлюбленным.

Га! — неожиданный крик гуся нарушил строй ее мыслей, Это почтовый гусь, но он не принес ей письма от возлюбленного. Стал ли он беззаботным или ему всего лишь лень писать письма? Если любимый пишет письма лишь в уме — пусть отправит хотя бы конверт, чтобы, достав чистый лист бумаги, возлюбленная девушка могла вообразить, что на нем написаны десять тысяч слов. Он обещал писать ей; когда она сочла дни на пальцах, вышло, что минуло уже полгода, а новостей нет. Со временем приходит отчаянье. Она подумывает о самоубийстве, но боится умереть несвоевременно и, чтобы не умереть, говорит: «Если бы я могла начать жить сначала!» «Цветочные долги» (ее «приемной матери») еще не оплачены полностью, и она надеется лишь на то, что жизнь возвратится к ней. Так, вновь насильно обращенная к своей отвратительной жизни, ночь за ночью она спит с любовниками, но чувство одиночества не покидает ее. Любовники ссорятся из-за нее, но ее сердце остается верным уехавшему.

О, если бы все приходящие к ней мужчины возненавидели ее или, если это невозможно, перестали ненавидеть ее, возбуждая ревность других мужчин! Затем следуют упреки «приемной матери», которая видит, что старые знакомые уходят, а новые не появляются. В приходных книгах одни долги и никаких платежей. Градоначальник и его полиция ругаются и угрожают, когда приходит время платить «налог на румяна», чтобы у дам из императорского дворца были деньги на заколки. За рвящей болтовней подкрадывается старость, и увядает красота этого цветка. Внезапная глухота делает ее в глазах мужчин втрое отвратительней, она быстро седеет и становится так слаба, что едва способна выдержать вес своих одеяний. Наконец она умирает, и ее изящные ножки шагают по широкой дороге в ад.

Но в аду нет постоянных дворов, где же ей отдохнуть? Быть может, кто-нибудь из любовников бросит ей на могилу бумажные деньги, чтобы, принеся их Владыке Ада, она могла бы купить себе место в небесных куцах...

Поскольку большинство куртизанок высокого класса были женщинами довольно культурными, они бесплатно предоставляли свои милости поэтам и художникам и считали хорошим вознаграждением полученное взамен стихотворение или рисунок. «Власть поэзии» уважалась, и не только из почтения к писателям, но и потому, что их стихи перекладывались на музыку и могли стать широко известны. Сказания о доблестях и любви, начав свое существование как стихи, нередко становились популярными народными песнями. Этой власти поэта следовало и бояться, как видно из урока, полученного красивой куртизанкой Ли Дуаньдуань. Она нанесла великое оскорбление известному поэту Цуй Хэю, отвернувшись от него и обратив свою благосклонность на высокопоставленного чиновника. Поэт немедленно нанес ответный удар, написав стихи, посвященные ее двуличию и вздорности. Его обвинения звучали столь убедительно, что вскоре Дуаньдуань покинули все ее клиенты. В отчаянии она умоляла поэта выправить положение, сочинив хвалебную поэму. На это он согласился при условии восстановления их отношений, а затем написал свои лучшие стихи, в которых сравнивал ее с белым пионом, никогда не теряющим свои свежесть и аромат. Его «поэтической власти» оказалось достаточно, чтобы вновь наполнить кошелек Ли Дуаньдуань.

Ли Шиньинь

Советы мужчине, посещающему публичный дом

Не хвастайся своей удалью любовника.

Не извиняйся за свои неудачи.

Не совершай туалет в ее присутствии.

Не плюй на подстилку.

Не делай дырок в перегородке, чтобы подсмотреть, как другие занимаются любовью.

Не давай ей ложных обещаний.

Не восхваляй ее в стихах, если они неискренни.

Не верь ее похвалам или словам любви.

Не давай ей понять, что ты домогался ее «сводной сестры».

Не кради ее собственность под видом взятия взаймы.

Советы, однако, давались не только мужчинам; роман — неизменно гибкая и конструктивная литературная форма — использовался также и для того, чтобы помочь и дать совет Опавшим цветам. В романе автора XVIII в. Сун Кана «Сестры из зеленых теремов» говорится о взлете и падении злой «приемной матери». Но ее советы «дочерям» — дебютанткам были и практичны и разумны:

«Ваша профессия многого от вас требует, а когда, юность пройдет, кому вы будете нужны? Поэтому не доводите себя до изнеможения без нужды, принимайте все подарки и приношения, денег всегда просите с запасом. Те из клиентов, кто богат, будут слишком горды, чтобы увиливать, те, кто считает, что цена слишком высока, предложат меньше — это можно или принять или отклонить. Лучшие клиенты — старики. Они меньше требуют, больше спят и более снисходительны к переменам настроения и слабостям молодых женщин. С ними одно неудобство: чтобы возбудить их, иногда приходится поработать не меньше, чем для удовлетворения дракона-любовника. С другой стороны, они готовы, приплатить за возбуждающие средства, и предлагать им следует не самые эффективные, а самые дорогие. Если не помогут и возбуждающие средства, посоветуйте им хорошенько выспаться, льстя упоминаниями о доводящем до

изнеможения характере их важной работы и занятий. Когда они проснутся, предложите им чашку чая с лепестками хризантемы.

Мужчин, которые сомневаются в своем Яшмовом Черенке, следует незамедлительно ободрить, и не только словами, но и делом. Следует заставить клиента верить, что он - дракон-любовник, даже если он разряжается сразу после входа в Цветочные Врата. В этом случае следует быстро закрыть Цветочные Врата, сжимая влагалище и твердо удерживая его ногами, закинутыми ему за спину. Если его мужественность нормальна, и если вы вскоре начнете движения внутренними мускулами, он не замедлит возобновить нападение. Если нет, то обратитесь к возбуждающим средствам или мазям для Яшмового Черенка. Следует быть очень осторожными с теми из них, которые содержат «шпанскую мушку» (баньмао), так как это может вызвать рвоту или раздражение.

Женщина сохранит свою молодость и энергию, если сможет заставить мужчину разрядиться быстро. Это общеизвестно. Если каменщик может разбить камень одним ударом молотка, то зачем ему отбивать по кусочку зубилом. Секрет «быстрого удара» заключается в том, чтобы возбудить не только тело, но и разум. Например, женатый мужчина быстрее возбудится от поведения, которое он вряд ли может ожидать от своей супруги. Дерзкие слова, похвалы, выражения страха перед его яростью и размерами его члена, — этим наряду со смешками и вздохами следует сопроводить физическую инициативу. Инициатива эта не должна быть заметна, и может принять форму самого возбуждающего движения — круговых движений бедрами во время соития, известных как «вращение жерновов». Следует, однако, воздерживаться от такой техники, имея дело с мужчинами драконовского сложения, — с ними нужно прибегать к искусству «подчинения урагану» или «держания удара»; кроме того, с такими мужчинами нужно сначала обильно смазать Яшмовые Врата составом из меда и бычьего жира (нюфэй).

В равной степени разумны советы «приемной матери» ее подопечным по поводу приобретения дополнительных подарков и выгод. Она продолжает:

«Если мужчина возвращается к вам четыре или пять раз за неделю, предпочитает ваше общество компании других девушек, то пришло время повысить цену. В конце концов, если он желает владеть вами безраздельно, ему следует раскошелиться. Однако более выгодно и более изящно получать дополнительную плату в форме подарков. Девушка должна осторожно дать понять, что она не может надеть ничего, что подтвердило бы его любовь к ней, в то время как другие девушки в заведении постоянно щеголяют украшениями, которые они получают в подарок. Это самый деликатный способ показать, что она ожидает совместного визита к ювелиру; с ювелиром же должна быть заранее достигнута договоренность об украшениях, которые будут им предложены. Когда этот визит состоится, девушке не следует обращать внимание на дорогие украшения, предложить их - дело мастера. Если самые лучшие украшения не будут одобрены любовником, то это потому, что они слишком дороги. Выразив недовольство лучшими украшениями, он все же купит такие, какие на самом деле не может себе позволить. Когда его уговорят на покупку, снимите украшения, которые вы носите, и которые, как ему известно, являются подарками предыдущих любовников, и с отвращением бросьте их в мусорную корзину ювелира. Эти выброшенные украшения ювелир вам потом вернет».

В 1920—30-х годах у Шанхая была репутация «греховной столицы мира». Большая часть города была поделена на иностранные анклавы, управляемые западными и японскими оккупационными властями, но китайское население, пользуясь всеми преимуществами богатства, привезенного иностранцами, все же ухитрилось сохранить многое из своего собственного образа жизни. Дома удовольствий и девушки для удовольствий были той областью, которая испытала особое влияние неизбежного двуличия и «двухфасадности» такого положения дел. Существовало — по крайней мере открыто — не менее двухсот считавшихся респектабельными танцевальных залов, где можно было завязать знакомство, получавшее развитие в гостиничном номере или спальне девушки; кроме того, насчитывалось свыше трех тысяч публичных домов. Они подразделялись на категории от традиционных «зеленых павильонов» до заведений низкого пошиба в районе 4-й авеню (сы малу). В свою очередь, существовали заведения высокого и низкого класса отдельно для китайцев и отдельно для европейцев, а также такие, где принимали и тех и других. Они были открыты круглосуточно и, поскольку город был хорошо освещен, а на улицах всегда полно народа, публичные дома являлись важным и жизненно необходимым элементом существования города-колонии.

В эти последние веселые денечки перед тем, как коммунистическое правление в 24 часа покончило с публичными домами и Опавшими цветами, некоторые понимали, что эти заведения были местом встречи Востока и Запада, где китайцы оставались собой и в то же время приспособлялись, приводя «зеленые павильоны» в соответствие с вкусами и обычаями «заморских чертей». Приведенный ниже рассказ «Моя ночь с госпожой Совершенство» из «Шанхайских рассказов» Ли Чуна (1928) отчасти воссоздает ту атмосферу конца эпохи: на самом деле — конца двухтысячелетнего существования «ивовых переулков». В этом рассказе проститутка, оставаясь в основном китайячкой, уже впитала многое от западного образа жизни:

«В моей маленькой деревушке в 60 милях от Шанхая яркие огни этого города порочных страстей хотя и не были видны из-за расстояния, однако вспыхивали каждый вечер в умах молодых мужчин вроде меня. И как только я смог — а мне тогда было 22 года, — я накопил денег достаточно для величайшего из земных благ, для нескольких ночей греха. Я последовал совету моего двоюродного брата, рекомендовавшего мне заведение «Райские туманы и росы» как лучшее в этом огромном городе, и направился прямо туда. Я полагал, что меня встретят по-дружески и без церемоний, но оказался как будто в конторе. Перед тем как я понял, что, собственно, происходит, с меня взяли свыше ста долларов за внесение в список — разницу я должен был оплатить в тот день, на который мне будет назначено, — и предложили прийти в следующее воскресенье. Плата была достаточно высока, и уж конечно я не мог предвидеть недельную отсрочку встречи с выбранной мною женщиной, лучшей в их заведении госпожой Совершенство — ее звали также госпожа Белый Аромат.

Деньги для этой поездки я копил два года и хотел получить за них только самое лучшее. За лучшее приходится платить, это простейшее правило было в ходу и в моей деревне, и здесь. Поэтому мне захотелось узнать, за что же я плачу деньги. Кроме того, мне было также любопытно понять, что делает женщину, подобную госпоже Совершенство, лучшей, а не просто одной из лучших в ее профессии.

— Послушайте, — сказал я. — Я приплачу, если вы сможете устроить мне это сегодня.

Девушка в приемной даже не подумала заглянуть в переплетенную в кожу с золотым обрезом книгу предварительной записи.

— Ваше время, господин, в следующее воскресенье, в 9 часов вечера. — Она кончила заполнять квитанцию и протянула ее мне.

— Я проставила время, чтобы Вы не ошиблись, Она сама была красавицей, и я спросил себя, сколько времени отнимают у нее секретарские обязанности. Я сказал:

— Я приехал издалека и не могу целую неделю ждать в Шанхае. Не может же быть, что у госпожи Совершенство все вперед расписано?

— Наше дело основано на принципе «первый пришел — первый обслужен», — ответила она. — Когда речь идет о подобных госпоже Совершенство, то назначенного времени не пропускают, и вряд ли стоит надеяться, что кто-нибудь не явится. Действительно, тогда (1928 г.) в Шанхае было множество иностранцев, которые везде вводили всевозможные стеснения и ограничения на западный манер, но я и подумать не мог, что их присутствие скажется даже здесь.

— Послушайте, — сказал я нетерпеливо, — я не могу поверить, что госпожа Совершенство вроде одного из заморских врачей, приема у которых приходится ждать дни напролет. Это ведь дом удовольствий, а не лечебница!

— Когда речь идет о врачах, это иногда вопрос жизни и смерти, — резко возразила она. — А у нас никто не умирает, если ему приходится несколько дней подождать. Ожидание даже прибавляет бодрости.

— А на сегодня действительно ничего нет? — снова спросил я.

Из соседней комнаты вышла вторая секретарша, держа в руках точно такую же книгу предварительной записи и пачку денег — там было долларов пятьсот. По крайней мере уединение клиентам здесь предоставляется с самого начала, подумалось мне.

— Возьмем сегодняшний день, — продолжала не без сочувствия моя секретарша. — Госпожа Совершенство сейчас с богатым клиентом из Пекина в «Доме покоя и счастья». Она оставляет его в 4 и с 4.30 до 6.30 будет с высокопоставленным армейским офицером. С 7 до 9 она будет в отеле «Грейт Ориентал» с юристом из Кантона, а с 9.30 до 10.30 идет к постоянному клиенту в гостиницу «Дом благоухания». Как же я могу куда-то Вас вписать?

— И у нее так каждый день? Она сложена, верно, как чемпион по атлетике.

— Ее недаром зовут госпожа Совершенство. Постарайтесь только не потерять квитанцию, а то Вас не примут даже в следующее воскресенье.

Квитанцию я положил в бумажник бережно, как будто это были документы на владение участком земли — и первоклассным участком! По дороге от заведения к дому, где я остановился, я снова попытался представить себе, в чем разница между самой и не самой лучшей из таких женщин. Происходила ли эта разница из их телосложения, их способов любви, из того, что они давали, что обещали? Всю неделю, которую я провел в ожидании в Шанхае, вопрос этот постоянно будоражил меня.

Но дни неудержимо бегут, пришел и воскресный день. После обеда я пошел в кино, но не фильм поглощал мои мысли. Затем я посетил брата, но был так рассеян, что, должно быть, произвел впечатление ужасного грубияна. Я нанял рикшу довести меня до «Райских туманов и рос», дал ему лишний доллар за то, что он так торопился, а затем обнаружил, что прибыл на четверть часа раньше срока. Не будет ли это выглядеть, будто я слишком стремлюсь вломиться в двери? Я

колебался не более мгновения и, наконец оказался перед женщиной, принимавшей меня в прошлое воскресенье.

— Следуйте, пожалуйста, за мной, — без промедления сказала она.

Я пошел за ней, полагая, что меня ведут в комнату ожидания.

— Это комната ожидания. Не может быть! — вырвалось у меня, когда мы пришли.

Мне никогда не приходилось видеть такой роскоши, По ковру идешь как по свежесму снегу, мебель украсила бы квартиру любого миллионера, на кровать, освещенную сиянием ламп и бра, были наброшены шелковые покрывала. Но больше всего меня удивили шесть зеркал, образующих вокруг кровати экран и размещенных так, что изображения уходили в бесконечность.

Перед тем как секретарша покинула меня, я спросил ее о предназначении бросившейся мне в глаза массивной деревянной перегородки, разделявшей диван на две части.

— Скоро узнаете, — ответила та с озорством. — А когда придет госпожа Совершенство?

— Видите ли, ей нужно отдохнуть. Кроме того, сейчас всего лишь 8.40.

Служанка принесла на большом подносе чай, пирожные, сдобу и тыквенные семечки, как будто готовилась сцена для представления, ради которого я пришел.

— Если мне сегодня понравится, когда я могу назначите следующую встречу?

— Через две недели. В конце концов, она лучшая в этом городе.

Когда секретарша отвела взгляд от моего лица и улыбнулась, до меня дошло, что улыбка эта предназначена кому-то, кто без звука вошел в комнату. Я быстро обернулся и тут же понял, что стоящая за занавесом, отделявшим часть комнаты, женщина с великолепной фигурой и есть госпожа Совершенство. Как описать ошеломляющую красоту. Сказав, что ее внешность была необычайно чувственна. Что она царственна, будто ее присутствие делает вам честь. Она двинулась вперед грациозно, не прилагая, казалось, никаких усилий. На ней было платье западного образца, она была высокой, белая кожа ее имела кремовый оттенок, каждая черточка на ее лице создавала ослепительный контраст с белизной кожи.

Это было нечто большее, чем любовь с первого взгляда, это была «эрекция с первого взгляда». Подобно тому, как поднимаются с кресла приветствовать гостя, мой Яшимовый Черенок за пять секунд пришел в возбужденное состояние. Когда я обернулся, секретарши уже не было.

— Я думаю, Вы пришли не только любоваться мной, — сказала, наконец, госпожа Совершенство. — Если вы мне скажете, что из удовольствий Вы предпочитаете, то мы сможем приступить.

Вопрос озадачил меня. Ведь ясно же было, зачем я пришел. Она объяснила;

— Вы хотите наслаждаться сексуальным возбуждением или сексуальной чувственностью.

— А в чем различие?

Она ответила, протянув руку, и ее прикосновение просило меня в дрожь.

— Давайте разденемся, — прошептала она.

Я с готовностью подчинился приказу, но немного стеснялся и успел раздеться лишь наполовину, когда она уже стояла, передо мной, похожая на одну из западных статуй обнаженных женщин. Забыв о стыде, я заторопился раздеваться; когда я

охватил взором ее тело, взгляд мой остановился на аккуратном треугольнике самых шелковистых черных волос, какие только можно себе представить.

— Раз уж тебя заинтересовало именно это — вот! Она протянула руку к прикроватному шкафчику и подала мне увеличительное стекло, потом развернула один из светильников на подставке. Свет она направила на диван, а не на кровать. Она, легла, и оказалось, что луч света падает прямо на нее; когда я приблизился, она положила ногу на высокую деревянную перегородку — ту самую, что озадачила меня раньше. Я оперся коленями на край дивана и встал так, чтобы можно было смотреть прямо в очаровательное «сердце цветка». Мне понадобилось несколько мгновений для того, чтобы собраться с мужеством и раздвинуть розовые внутренние губы; поскольку ощущение было необычайным, я поймал себя на том, что стараюсь запомнить каждую деталь. Яшмовые Врата действительно имеют форму сердца, подумалось мне, немного похожи они и на искривленный рот. Словечко, бывшее в ходу среди моих друзей — «один квадратный дюйм»⁸, — было не совсем точным, поскольку и дюйм был не один, и не квадратный он был — скорее уж, два дюйма на пол-дюйма.

В этот момент моего исследования я был ошеломлен чудесным запахом, становившимся все сильнее, сильнее по мере того, как я приоткрывал «сердце цветка». Интересно, все ли женщины так пахнут, подумал я. Отшвырнув луну, я без колебаний поцеловал влажную середку, затем глянул на девушку с мальчишеским обожанием. Она в ответ подмигнула.

— Готов ли твой лысый «монах» посетить «храм»? — приятным голосом осведомилась она.

— «Монах» готов. Ты его сейчас применишь.

— Если не считать богини Гуаньинь⁹, которой предстоит сразиться с твоим рвущимся в бой «монахом», «храм» полностью в твоём распоряжении.

— К несчастью, для моего «монаха» этот бой первый, вряд ли ему удастся выстоять против Гуаньинь.

— Он может превзойти твои ожидания.

С этими ободряющими словами мы перебрались с дивана на кровать, поперек которой она тут же распласталась подобно морской звезде, а затем она направила «монаха» в «храм». Это было медленное, даже бесстрастное введение в весьма хорошо смазанные «палаты», но впечатление оказалось обманчивым. Переступив порог и еще не успев как следует ознакомиться с окрестностями, мой бедный «монах» был схвачен мертвой хваткой вроде бы не сильно, но крепко. Неожиданно я понял, что он уже сражается не на жизнь, а на смерть, и что мне приходится помогать ему изо всех сил, поэтому я стал вращать его сначала в одном направлении, затем в другом, тянул к себе и вновь устремлял вглубь. С этой госпожой Совершенство речь шла не о сексе, а о смертном бое!

Стоило мне глянуть ей в глаза — и они тут же открылись. Ее губы потянулись к моим и слились в поцелуе столь же упоительном, как и сжатие «нижних палат».

— Твой «монах» оказался лучшим бойцом, чем ты думал, — сдавленно произнесла она. — Давно уже моей «богине» не приходилось так сражаться.

Эта лесть оправдала каждый цент маленького состояния, уплаченного за это свидание, и я вдруг уверился, что могу перехватить инициативу. Посильнее упершись коленями в матрас, я направил «монаха» серией действительно бешеных ударов — наградой мне было увидеть, как исчезли с ее лица последние следы улыбки и появилось выражение сосредоточенной страсти и ярости. Она сыпала прокляти-

ями и жалобами, хныкала и, противореча себе, просила еще. Было ясно: я побеждал и она наслаждалась этим. Когда мы достигли Предела, тела наши были развернуты так, что ноги оказались на подушках. Несколько минут мы лежали, истекая потом, и этот отдых был почти так же упоителен, как и предшествовавшие ему занятия любовью.

Потом она повела меня в ванную комнату, приняла душ, затем омыла мой Яшмовый Черенок ароматной водой. Она проделала это неторопливо, поднимая и поворачивая ею не без любопытства.

— Это и в самом деле чрезвычайно мощное и прекрасное боевое орудие. Я собираюсь попросить секретаршу отменить все назначенные на эту ночь встречи. Ты не остался бы у меня в гостях до рассвета?

Я решил, что здесь, верно, какой-то подвох; она добавила:

— Твой «монах» может пять минут отдохнуть, а потом, надеюсь, он будет готов к следующему сражению.

Когда я возвратился из ванной, она, лежа, раскинувшись, на кровати. В голову вдруг нахлынули весенние мысли, питаемые, несомненно, перспективой остаться в тереме жасминов, лилий, пионов и ландышей. Когда я присоединился к ней на этом широком капище любви, она извлекла из-под подушек маленький колпачок в форме гриба.

— Это для твоего лысого «воина», — весело прощепетала она.

Я заглянул внутрь предмета, оказавшегося глубоким мешочком, и заметил, что он покрыт похожим на перец порошком и что вокруг края там и сям имелись пучки упругих, волосков. Мой «монах» был возбужден лишь наполовину, но как только я короновал его этим шелковым мешочком, он рванулся вперед и вверх, как будто надутый воздухом. Госпожа. Совершенство, лежа на спине, с гордостью обзревала результаты своих трудов.

— У тебя там действительно сияющий воин в доспехах, — воскликнула она. — Я думаю, мне следует зажечь ароматическую палочку для моей любимой богини Гуаньинь.

Моему нетерпеливому «монаху» удалось сохранить над собой контроль, когда объект его вождения выскользнул из кровати и, обнаженный, подошел к маленькой бисерной занавеске, прикрывавшей нишу в стене. Когда она отодвинула красные бусины, взгляду открылась небольшая золоченая статуэтка богини на пьедестале; она нажала на выключатель, и электрическая лампочка красного цвета омыла статуэтку розовым светом. Госпожа Совершенство зажгла ароматическую палочку и поместила ее в медную чашечку, встала перед Гуаньинь на колени, помолилась, прося богиню о помощи, вновь поклонилась и поднялась на ноги.

После. Фрагмент свитка эпохи Мин

— Теперь я готова к битве, — твердо okazала она, мгновенно забралась в кровать, подняла колени и привела в боевую готовность свои изысканных форм половые органы.

— Что же ты медлишь?

— Я задерну занавеску, — ответил я. — Нехорошо позволить Гуаньинь подсматривать.

Как красивы эти ножки, подумал я, вновь оказавшись на кровати и встав на колени у нее между ног. И какими же ароматными казались ее увлажненные «врата» и шелковые фениксовые волосы, обрамляющие их, но время для поэзии было неподходящее. Мой «рыцарь» ворвался в «храм удовольствий», плюмажи его нового шлема исчезли во «вратах», и он немедленно начал погром. Моя прекрасная партнерша мгновенно возбудилась, и я почувствовал, что страсть ее искренна, а не притворна — лишь бы увлажнить клиента. Она несколько раз дико выгнулась (извивы, казалось бы должны были сбросить, меня, и в то же время она меня придерживала), затем яростно впилась зубами в подушку и лишь чуть менее безумно стала сосать мои шею и ухо. Когда движения битвы установились на этом взрывчатом уровне, пришло удовольствие от жесткости в обращении и причинения боли друг другу. На смену поцелуям пришли укусы, ласкам — стискивания и удары; наши слитые воедино, тела сотрясались. Это не могло продолжаться долго — и не продолжалось: как только «облако» излилось, мел в изнеможении замерли молчаливой грудой,

Но скоро и этому пришел конец. Она стянула мою «шапочку желания», протянув руку, достала что-то вроде горшочка с кремом для лица и обильно смазала моего грустно поникшего «воина». Безжизненность обмякшей плоти прошла, на смену ей пришло пощипывание, не болезненное, но ощутимо жгучее, и, к моему удивлению, поскольку это был третий раз в течение часа, мой «рыцарь-воин» снова беи готов к битве. Как будто удовлетворенная сотворенным ей чудом, госпожа Совершенство снова пересекла комнату, направляясь к нише, где занавес скрывал богиню Гуаньинь, завершив молитвы, она повернулась и сказала:

— Ты полностью покорил «передние палаты», Теперь давай посмотрим, на что ты способен сзади. Это будет не так-то просто, уверяю тебя.

Простыни на кровати были зелеными, как перья павлина, и, когда она встала на колени, готовясь принять меня, ее голова уперлась в подушку и это напомнило мне белого пони, пасущегося на альпийских лугах горы Тайшань. Сочтя, что ее тело расположено слишком низко, я взял две подушки и подложил ей под колени, а затем начал проникновение в «задние палаты удовольствий». Несмотря на то что мой «монах» был обильно смазан кремом, вхождение оказалось очень трудным. Госпожа Совершенство дала мне понять, что размеры моего «монаха» могут быть предметом гордости — кажется, так оно и было. Она задерживала дыхание и стонала, пока я медленно завершал овладение, приподнимая ее за талию и притягивая к себе, когда я давил вперед. Даже у девственниц, пожалуй, не бывает так сильно сжато. Это примечательно отличалось от двух наших предыдущих сражений и потому было бесконечно более возбуждающе. Именно тогда я понял, почему эта разновидность любви называется «прямой и узкое» или «скользящий и сухое». Тело госпожи Совершенство было отвернуто от меня, но несмотря на это она все-таки ухитрилась несколько раз приласкать меня и поддержать по-иному; с того момента, как я сжал ее в объятиях и до того, как «копье» наконец приковало

ее к месту в экстатическом приступе, порожденном «извержением облака», прошло совсем немного времени.

На этот раз нам обоим понадобилось отдохнуть подольше; служанка, подававшая чай, с интересом уставилась на меня — не на мое тело, скрытое в тот момент зелеными, как перья павлина простынями, а на меня самую, на человека, обладавшего будто бы особыми талантами, из-за которых ему было позволено остаться на ночь. Чай вдохнул в меня жизнь, и во время паузы госпожа Совершенство немного рассказала мне о том, как она к 22 годам достигла вершин своей профессии. В 16 лет она приехала в Шанхай из Пекина и стала любовницей французского дипломата; когда его жена узнала о ней, то вместо того, чтобы взорваться от ярости и ревности, обучила молодую девушку изысканнейшим тонкостям искусства куртизанки. Между двумя женщинами возникла доверительная дружба, и жена со временем призналась, что каждый вечер тайком от мужа она проводила два-три часа, развлекая богатых китайских предпринимателей, готовых щедро заплатить за весьма редкий опыт общения с красивой и одаренной француженкой. Когда ее муж был убит одним из этих китайцев, приревновавших ее к нему, обе они — и мадам Люсиль, и ныне рассказывающая мне эту историю женщина, — поступили на работу в «Райские туманы и росы». Обладая молодостью, не говоря уж о прочих талантах, госпожа Совершенство потратила два года, чтобы стать лучшей в Шанхае.

— А теперь испробуем один из наших впечатляющих и традиционных методов, — завершила, свой рассказ госпожа Совершенство.

Я уже обратил внимание на удивительное множество свисавших с потолка фонариков. Теперь, когда она взяла меня за руку, я понял, что четыре из них декоративными цепями, а то, что казалось абажурами, представляло собой на самом деле широкие кожаные петли. С помощью высокого табурета я закрепил петли на ее запястьях, и вскоре она свободно покачивалась в воздухе. Цепи были расположены так, что Нефритовые Врата, были широко открыты, для посетителя, и посетитель этот при виде беспомощности госпожи Совершенство уже стал, в предвкушении подниматься.

— Хватит малейших прикосновений.

Это замечание госпожи Совершенство было верным в двух смыслах. Ей явно нравилось сдаваться на милость победителя моему «воину», и как только я расположился у нее между колен и плотно, взялся за ее покачивающиеся ягодицы, она закрыла, глаза и обвисла как умершая. Когда я ввел «воина» в «сердцевину цветка», нужно было лишь чуть нажать, чтобы отодвинуть ее от меня на несколько дюймов. Стоило ослабить нажим, и обратное движение маятника вновь прижимало ее к моему телу. Из всех схваток, которыми мы наслаждались, эта была самой нежной, требовавшей меньше любой другой физических усилий и дававшей больше любой другой удовольствий. Госпожа Совершенство была абсолютно беспомощна, была игрушкой, покорной тем ритмам и движениям, которыми мне хотелось играть с ней. Испытав, наконец, высшее наслаждение завершения, я навалился на нее, и мы вместе парили в воздухе подобно двум фениксам.

— Ну, хватит этого подражания нашим славным предкам, — сказала госпожа Совершенство. — Помоги мне теперь добраться до кровати.

Сказать, что я был изнурен, значит ничего не сказать, и, оказавшись в кровати, я осознал, что с трудом перевожу дыхание. Моя чудесная хозяйка, была, однако,

весела и приветлива как всегда. Она снова распорядилась принести чай с пирожными, и скоро я снова смог сесть и ощутил, что оживаю. Когда я обрел дар речи, то мог вымолвить лишь одно:

— Ты более чем заслуживаешь свое звание самой лучшей. Вернувшись в деревню, я начну экономить каждый доллар, чтобы поскорее вернуться сюда.

Впервые за весь вечер профессиональные манеры госпожи Совершенство изменили ей. Уже не блестящая очаровательная и знающая свое дело куртизанка, развлекающая богатых предпринимателей, высокопоставленных иностранцев и посетителей поскромнее вроде меня, передо мной находилась простая и неиспорченная девушка, которой она, наверно, некогда была.

— Тебе следует поискать девушку в своей деревне, такую, к которой ты смог бы относиться с любовью — полюбил бы всей душой и всем телом. Те удовольствия «инь—ян», которыми мы наслаждались и которые ввели тебя в заблуждение из-за моего опыта и искушенности, не могут все же сравниться с глубочайшим экстазом Тучки и Дождика, наступающим при общении с твоим истинным партнером «инь»; но ты еще молод. Ты поймешь.

Я с недоверием смотрел на нее. Она предавала все удивительные радости, которыми Мы вместе наслаждались. Да мог ли какой-то истинный партнер «инь» заставить меня чувствовать себя лучше, более торжествующим и мужественным, чем сейчас? Что за чужеземный романтический бред подобрала эта девица в Шанхае, этом городе космополитов? А ее замечание о моей молодости — что может быть более незрелым, чем ее слова о любви, ее мысли, что женщина способна дать мужчине больше, чем сексуальное удовольствие. Лежа на ее кровати среди обстановки более западной, чем китайской, я понял, что госпожа Совершенство как-то перешла грань и никогда более не будет принадлежать своему народу; это еще более усилило мое торжество и чувство превосходства. Со всем ее опытом из нас двоих она была менее зрелой, Я по-прежнему был частицей нашей древней и высшей цивилизации, ее проявлением «ян», в то время как госпожа Совершенство была всего лишь женщиной с лицом китаянки, принадлежащей этому современному и лживому западному обществу.

— Я все же хочу прийти и увидеть тебя снова, — наконец произнес я. — Но что ты собираешься делать сейчас?

Этот вопрос вернул ее лицу блеск профессионального выражения. Пожатие плеч, изгиб губ, прищур глаз — и миловидная крестьянская девушка из такого недалекого, но безвозвратно потерянного прошлого исчезла. Госпожа Совершенство начала ласкать мой Яшмовый Черенок, как будто прикидывая, какому способу отдать предпочтение на этот раз, и мне было приятно видеть, что она снова занялась делом. В жизни, как учит конфуцианство, мы должны всегда знать, кто мы и к каким корням восходим, к каким кругам общества принадлежим. Госпожа Совершенство была в Шанхае лучшей, и, по-моему, этим следовало гордиться, а не стыдиться. Что это был за западный бред? Мол, следует найти любовь в своей деревне, а превыше гармонии «инь—ян» нужно ставить какое-то неопределенное состояние духа, именуемое любовью. Но госпожа Совершенство не утратила своей высшей квалификации и в этот момент романтической слабости. Мой «ян» вновь готов был к сражению. Госпожа Совершенство и впрямь более чем заслуживала свое звание. И я сделал то, о чем сказал ей. Возвратившись в деревню, я в тот же день начал копить деньги для следующей поездки в Шанхай».

Старая китайская пословица:

"Сначала мед в рот — потом меч в живот».

Эротика китайских мандаринов

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЛИТЕРАТУРА ФАКТОВ И ВЫМЫСЛА

Если сердцем люблю я его,
Почему бы ему не сказать.
Если телом стремлюсь я к нему,
Почему бы ему не сказать.

Из «Книги Песен» (600 г. до н.э.)¹

В предисловии к «Жемчужинам китайской словесности», опубликованным в 1884 г., Г.А. Джайлс² сокрушался по поводу неспособности западных читателей открыть для себя сокровищницу китайской литературы. Он утверждал, что «благодаря огромному труду доктора Легга³ канонические конфуцианские книги стали легко доступны для любопытствующих, но огромный пласт китайских источников все еще остается нетронутым и дожидается продуктивного освоения». Почти столетие спустя положение слегка улучшилось, но все еще остается абсолютно несоразмерным с разносторонней и богатой старинной литературной традицией, подобную которой не встретишь ни в какой другой древней или нынешней цивилизации. Г.А. Джайлсу принадлежит другое меткое суждение, актуальное и поныне: «Лавина тошнотворных восторгов по поводу Японии, одиозные сравнения, сделанные поверхностными наблюдателями с целью принизить Китай, — все это горько и обидно любому, кто знает, под чьим руководством Япония впервые научилась читать, писать и мыслить».

Уже при династии Чжоу (XI в. до н.э.) при дворе осознавали важность литературного творчества; оттуда поступали заказы на рассказы и стихи, которые нередко клали на музыку и распространяли по всему царству. В дальнейшем растущее внимание к культуре вылилось в ежегодные поездки чиновников и правителей по стране с целью выявления новых сочинений и талантов. Авторы привозили в столицу, записывали текст и пускали его в широкое обращение. Успех этой «народной» культуры зависел от популярности тех или иных сочинений, от того, понятны ли они были на слух неграмотным сельским жителям. Таким образом сформировалось наиболее древнее собрание фольклорных песен и рассказов. Их доступность для простой языческой аудитории зависела от того, насколько безыскусны и знакомы были их сюжеты этим земным людям. Поэтому неизменно популярными темами оставались любовь и война, герои и тираны, прекрасные женщины и ужасные чудовища.

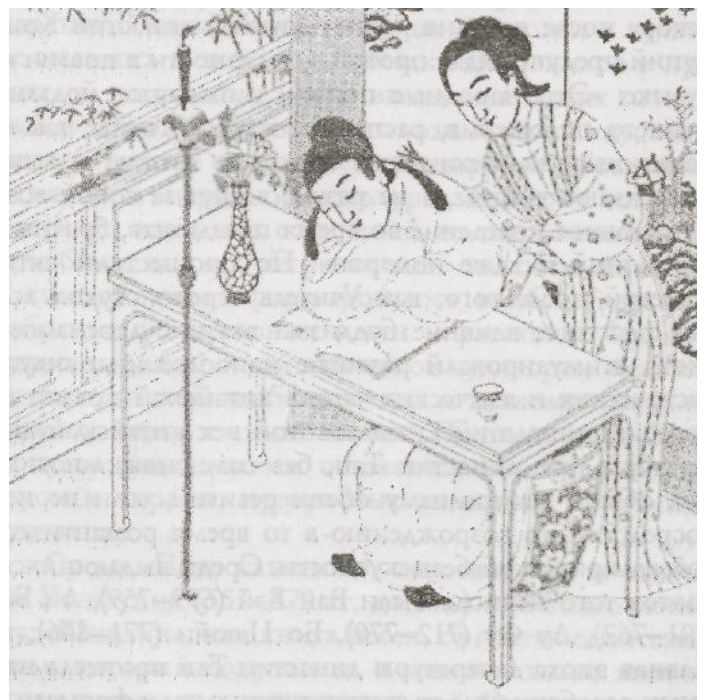
Среди «Пяти канонов»⁴, относящихся ко времени Конфуция (551—479 гг. до н.э.) или более раннему, «Шицзин», или книга песен, считается единственным, который сохранился с минимальным количеством переделок, утрат и изменений. Счастливая участь этого памятника, устоявшего против цензуры и во время нередких литературных чисток, порой калечивших самые безобидные сочинения, отчасти объясняется предельной простотой и непреходящей нравственностью содержащихся в нем идей.

Река Чжэнь ровно течет,
Благородный господин возлежит со своей девушкой,
Вода прозрачна при солнечном свете,
После занятий любовью они дарят друг другу пионы»⁵.

Восхищение, которое простой люд испытывал от естественных удовольствий, неизменно вызывало критическую реакцию среди наиболее консервативных и склонных к морализаторству ученых и чиновников. Вскоре после падения раннечжоуской династии Конфуций предупреждал против вульгарности в поэзии и музыке: «Эти народные песни», сложенные людьми низшего положения, распевают как мужчины, так и женщины; они поощряют похоть и низкие мысли, возбуждают чувства, а не разум, влекут за собой возмутительное поведение во время празднеств, брачных церемоний и даже похорон». По прошествии пяти столетий после того, как Учитель строго осудил все это, растущее влияние буддизма вкупе с даосизмом вновь стимулировали развитие наиболее индивидуалистических и языческих черт в китайской поэзии и прозе. Пришедший затем золотой век китайской литературы при династии Тан, без сомнения, многим был обязан натурализму обеих религий, если не непосредственно возрождению в то время романтической и лирической безыскусности. Среди выдающихся поэтов того периода были Ван Вэй (699—759), Ли Бо (701-762), Лу Фу (712-770), Бо Цзюйи (771-846); и славная эпоха литературы династии Тан принесла наконец освобождение от сверхтонченности и формализма классических сочинений.

При династии Сун (960—1279) неперменной принадлежностью каждой харчевни, базара и общественного мероприятия являлся бродячий рассказчик, репертуар которого включал народные сказки, рассказы о современных скандальных событиях и прочие отступления от традиционного повествовательного жанра. В XII в. император Гаоцзун нашел этот новый жанр столь привлекательным, что приказал своим евнухам ежедневно подыскивать ему по одной оригинальной истории, правитель предпочитал, чтобы их исполняли сами уличные артисты. Подобные рассказы, будучи приспособленными к более пространным повествованиям, начали превращаться в темы первых романов. Эпизодический характер длинных рассказов этого периода заставляет предполагать, что их персонажи были не более чем средством изображения ряда пикантных ситуаций, и прием этот оказался столь успешным, что стал общепринятой формой построения позднейших порнографических романов. Не случайно некоторые из шедевров позднейшей династии Мин уходят корнями в период Сун, а «Цзинь, Пин, Мэй» отличается непреходящими гуманистическими достоинствами (и озорным юмором), которые сближают века, разделяющие первых бродячих артистов и современных китайцев.

Художественная литература стала теперь предназначаться больше для развлечения, нежели для вдохновения и наставлений, хотя в романе нередко встречались пространные рассуждения о предметах, считавшихся чересчур тривиальными для ученых или политически опасными для того, чтобы выразить их в более откровенной форме. Наихудшие порнографические сочинения в глазах китайских правителей выглядели

Пробуждение спящего любовника.
Из альбома эротических цветном гравюр эпохи Мин
«Фэн лю цзюэ чан»
(«Ветер и поток не знают преград»)

предпочтительнее книг, в которых ставился под сомнение их авторитет, подрывались конфуцианские идеи и ценности, критиковались традиционные обычаи вроде бинтования ног или плетения кос. Но временами даже на порнографическую литературу распространялась мания книгосожжения. Эти охватывавшие всю империю «пуританские» крестовые походы велись столь тщательно, что многие из шедевров прошлого уцелели лишь постольку, поскольку в прежние времена успели дойти до Японии, где всегда высоко ценили китайскую эротическую литературу.

Китайский эротический роман, несмотря на беспредельные полеты фантазии в ходе самого повествования, был выдержан в определенных классических формах. По всем правилам приличия роман начинался с вступления, воспевающего «правильность мыслей и высокую мораль», предупреждающего читателя, что все нижеследующее надлежит воспринимать на полном серьезе и что бурные приключения персонажей (или главного героя) влекут за собой возмездие, заслуженное наказание или крах их карьеры. По окончании проповеди герой пользовался полной свободой поведения среди женщин. Второй характерной чертой показного уважения к классике была привычка прерывать повествование поэмой или стихотворением, предназначенным для выведения морали из содержания главы или конкретной ситуации. Но известные сцены (или приключения персонажей) говорили сами за себя наилучшим образом, и китайский эротический роман во все времена представлял веселым и языческим действием.

В предыдущих главах авторы приводили отрывки из некоторых романов, как правило, с целью проиллюстрировать или пояснить тот или иной предмет исследования, отрывки же, которые следуют ниже, — это ситуации, которые следует оценить как таковые. Наряду с фрагментами из двух шедевров — «Жоу пу туань» и «Цзинь, Пин, Мэй» — представлены и более современные образцы эротической прозы и поэзии, но всем им присуща сугубо китайская особенность радостного восприятия неизбежных сил — времени и судьбы.

«Жоу пу туань», написанный Ли Юем, был впервые опубликован в XVII веке, приведенный здесь фрагмент взят из издания 1705 г., вышедшего в Японии. Герой, которого обычно называют Ученый, или

Ученый-Полуночник, что указывает на период самых интенсивных его занятий, временно покидает жену и отправляется в долгое путешествие, в течение которого он намеревается укрепить «свой разум и дух». За время своей сексуальной одиссеи он посредством хирургической прививки приобретает огромный пенис (об операции рассказано в главе четвертой) и пускает его в ход при каждом удобном случае.

Нижеследующий эпизод, где изображено сексуальное состязание, начинается с того, что Тетушка Утренний Цветок, женщина средних лет, входит в спальню, где Ученый занимается любовью с ее тремя юными племянницами. Ока тут же выпроваживает его для того, чтобы слегка поразвлечься с ним в своей собственной комнате. Трое племянниц, однако, не намерены позволить ей полностью завладеть Ученым и вовлекают тетушку в игру, которая, являясь сексуальным состязанием, послужит также и наказанием за ее вмешательство. Состязание начинается с карточной игры, на каждой карте изображена одна из поз для полового сношения, и вино льется рекой.

«Наконец условились о правилах, а Тетушку Утренний Цветок уговорили быть Главнокомандующим и взять в заместители Ученого. Она начала с того, что выпила чашку вина сама и приказала Благоуханной Тучке выпить две, Драгоценной Яшме — три, а Бесценной Жемчужине — четыре чашки. Поскольку Ученый должен

был поравняться с ними со всеми, ему пришлось выпить подряд десять чашек. Покончив с этим, Тетушка Утренний Цветок приказала Драгоценной Яшме вытереть карты влажной тканью так, чтобы они не прилипали друг к другу, и велела ей держать ткань наготове, чтобы вытирать все выделения, которые будут истекать во время состязания.

Они бросили жребий, кому брать верхнюю карту. Договоренности состояла в том, что каждое соитие будет происходить в той же позе, что изображена на соответствующей карте, но Ученый при этом должен совершить сто толчков с первой партнершей, двести — со второй, триста — с третьей и четыреста — с последней. При этом та, которой посчастливится оказаться четвертой, должна была заполучить его Жизненную Сущность. Любой отказ следовать духу состязания, например, принять любовную позу, изображенную на карте, подлежит наказанию в виде двадцати штрафных чашек вина и отстранения от всех дальнейших забав с Ученым.

Но Бесценная Жемчужина, имея в виду заготовленную ими для Тетушки Утренний Цветок шутку, спросила ее: «А если сам Главнокомандующий предпочтет не сдержат слово, будет ли для него наказание особенно строгим?»

Пожилая женищина тут же уверила ее: «В этом случае я выпью тройное количество вина и не буду сопротивляться, если меня заставят принять все позы, что изображены на каждой из тридцати карт»,

Юные племянницы, коим было от семнадцати до двадцати лет, наконец удовлетворились, и Бесценная Жемчужина взяла, верхнюю карту, на которой было прекрасное изображение мужчины, опирающегося на кисти рук и ступни ног и выгнувшегося над обнаженной женищиной, лежащей под ним. Его Нефритовый Стебель целился прямо во Врата Павильона. Поза называлась «Стрекоза, скользящая над поверхностью пруда», и всем было известно, что это значит. Карту засунули обратно в колоду, затем женищины быстро раздели Ученого и Бесценную Жемчужину и помогли им забраться на кровать. Но поскольку они ожидали, что Ученый удовлетворится легким танцем у входа, им определенно пришлось удивиться. С завидной энергией Ученый вонзился в нее сто раз, нарушив правила, но вряд ли вызвав тем самым нареkania Бесценной Жемчужины. Она, со своей стороны, пытаясь убедить тетушку в подлинности соревнования, стонала и вздыхала, словно каждое движение доставляло ей бесконечное наслаждение.

Следующей брать карту должна была Благоуханная Тучка. Поза называлась «Гребля в лодке по течению», а изображена на ней была женищина, раскинувшаяся в кресле, и мужчина, стоящий у нее между ног, закинутых ему на плечи. Сходство с гребцом заключалось в том, что мужчина держался за ручки кресла, как за весла. А когда он устремлялся в Золотую Ложбину, тела раскачивались так, словно их действительно крутило в бурлящем потоке.

Тем временем Тетушка Утренний Цветок начала испытывать сильное возбуждение от всего того, что наблюдала. Хотя она была замужем вот уже двадцать лет, ее собственные сексуальней сражения всегда проходили в темноте. И ей никогда не удавалось оказаться подле, тех, кто развлекался Тучками и Дождиком, и увидеть вблизи штурм Яшмового Павильона. Она была так возбуждена, что почувствовала, как дрожат и увлажняются от предвкушения ее собственные органы; когда настанет ее очередь, с радостью вспомнилось ей, Ученый обязан будет не останавливаться, пока не одарит ее своей Жизненной

Сущностью. Наблюдая за сражением, она не могла удержаться от того, чтобы не подражать Благоуханной Тучке в ее движениях вверх и вниз.

Затем настал черед Драгоценной Яшмы принять беспощадное и, видимо, неутомимое Мужское Острие. На этот раз, словно желая поскорее заполучить Тетушку Утренний Цветок, Ученый совершил без перерыва три сотни толчков в позиции, известной как «Перевернутый Лотос». Он едва успел вытащить свой лоснящийся инструмент, как старшая из женщин потянулась за верхней картой. Другой рукой она нетерпеливо распустила пояс своих штанов, и как только те упали к ее щиколоткам, она уверенно перевернула карту.

Сощуриив на мгновение глаза, чтобы разглядеть картинку, она испустила возглас неверия. Племянницу молчали, терпеливо ожидая, пока им покажут карту. Но Тетушка Утренний Цветок, не сказав ни слова, смертельно побледнела.

— Что-нибудь не так, тетушка? — спросила наконец Бесценная Жемчужина.

— Тут вышла ошибка, — быстро ответила тетья. — Мне придется взять другую карту.

Девушки, однако, предвидели такую реакцию и, прежде чем Тетушка Утренний Цветок успела заменить карту, колода была убрана.

— Вспомните правила, — вскричала Бесценная Жемчужина. — В конце концов Бы же Главнокомандующий

Внезапно Благоуханная Тучка выхватила карту из ослабевших, пальцев старшей женщины, взгляделась в нее и завопила:

— Ага! Это поза «Рабыня, на все согласная». О, тетушка, тетушка.

Трое племянниц одновременно разразились неудержимым смехом. Ситуация была тем более забавной, что Тетушка Утренний Цветок явно ничего не подозревала. Поза на ее карте изображала девушку, которую ее подружки кладут на высокую кровать, в то время как мужчина приступает к анальной разновидности игры в «огонь за горой».

Забыв про свои штаны, все еще лежащие у ее ног, тетья закричала:

— Этого я никак не ожидала. За все двадцать лет, что я провела с вашим дядей Вэем, я ни разу так не делала.

Девушки перестали наконец смеяться и заметили, что коли карта так уж неприятна главнокомандующему, следовало бы ее убрать вообще до начала игры. Затем они обратились за поддержкой к Ученому, и хотя тот подозревал, что карту эту намеренно положили четвертой по счету, он не имел твердых тому доказательств.

Держа в одной руке свое грандиозное снаряжение, словно его тяжесть требовала некоторых усилий, Ученый предложил компромиссное решение: тетушку избавят от рабского унижения, но зато она без перерыва примет четыре другие позы.

Племянница закричали в ответ: «Фан би»⁶. Но Благоуханная Тучка принялась говорить, что тетушке надлежит по крайней мере наклоняться над стулом, даже если Ученый не прижмется к ней.

Три пары рук схватили растерявшуюся тетушку, освободили ее полностью от штанов, а затем ей было велено нагнуться над спинкой стула. Беззащитность того, что открылось Ученому, вызвала у него приступ дикого вожделения, но не добавила сочувствия. Он мелкими шажками приблизился к обнаженной задней части и тут же попытался вставить свое сделанное вручную приспособление в то, что теперь казалось невозможно маленьким отверстием. При первом же толчке

Тетушка Утренний Цветок вскрикнула, будто ее убивали, но трое племянниц громко захлопали в ладоши от радости. После пяти неудачных попыток девушки смочили мишень плевками, а Бесценная Жемчужина встала позади Ученого и принялась со всей силы толкать его в спину.

Их усилия совпали с желанием (или уступчивостью) Тетушки Утренний Цветок, поскольку ее сопротивление явно уменьшилось. Благоуханная Тучка немедленно воспользовалась случаем и принесла баночку с притираниями для постельных удовольствий. После того как надлежащее место было щедро намазано, все принялись тщательно копировать позы, изображенные на картинке. Все это сопровождалось новыми вскриками Тетушки Утренний Цветок. Она сделала последнюю попытку освободиться, но теперь уже и Ученый и девушки были преисполнены решимости удержать ее над стулом, а она оказалась совершенно беспомощной, в ее визгах уже угадывалась не только боль, но и наслаждение. Бесценная Жемчужина напомнила Ученому, что ему надлежит не прерываться вплоть до «прорыва облаков», а когда это наконец произошло, Тетушка Утренний Цветок почти потеряла сознание. Глаза ее были закрыты, а сама она обвисла на спинке стула, словно ворох одежды.

Затем позвали служанок, чтобы те отнесли ее в ее комнату, а вслед им по дому разносился торжествующий смех. Как сказала Бесценная Жемчужина, пройдет еще немало времени, прежде чем она вновь попытается увести от них Ученого. И действительно, Тетушка Утренний Цветок четыре дня не вставала с постели, три из них — с высокой температурой, а еще один день потому, что не могла сидеть как подобает».

«Жоу пу туань» появился, как полагают, в 1634 г., что совпало с одним из периодов наиболее сокрушительных литературных репрессий. В 1663 г. по приказу императора Канси было обезглавлено семьдесят ученых и писателей и составлен «Перечень запрещенных книг». Многие из них были политическими или революционными, а у некоего Люй Люяня⁷ в этом «Перечне» оказалось 68 его сочинений. Пришедший затем к власти император Цяньлун хотя и считался покровителем искусства, но тем не менее сохранил цензуру и по существу несет ответственность за ее дальнейшее ужесточение. Запрещая интерпретации классических сочинений, принадлежащие кисти Се Цзиши, Цяньлун отдал жестокий приказ: «Побольше уничтожать. Пусть не спасется никто». Указ императора о запрете книг Цянь Цяньи гласил: «Пусть правители каждого уезда обыщут книжные лавки и библиотеки в каждом городе, каждом поселке и каждой деревушке, что спрятались в горах и долинах. Ни одного тома не должно остаться для потомков, и я даю правителям два года на выполнение этого приказа». Бремя от времени приказ дополнялся предупреждениями в адрес уездных правителей о том, что, несмотря на увеличивающийся приток подвергаемых цензуре книг в столицу, они могли бы действовать еще активнее. Обычно их рвение после этого возрастало.

Большинство подвергшихся цензуре книг было опубликовано в период конца Мин—начала Цин, Обычно они вызывали возражения вследствие актуальности и злободневности их содержания, но в «Перечень» попадали и те, где высказывалась критика в адрес династий, считавшихся предшественницами царствующей.

Что касается романов, то запрет на них пытались представить как акцию, направленную на сохранение высочайших стандартов учености и мастерства. Без всяких ссылок на порнографическое содержание они попадали в разряд низкокачественных, плохо написанных вещей, стиль которых не соответствовал

содержанию. Роман Жу Хунсюня был сожжен по причине его «туманности и запутанности». Сочинение Ян Минлуня было предано огню на основании «вульгарности языка и приземленности стиля». В некоторых случаях сопротивление, оказываемое авторами, не только влекло за собой пытки и гибель их самих, но и нередко те же наказания для всех мужчин в семье, отправку в рабство женщин. Цяньлун уничтожил около трех тысяч томов, причем учет писателей, которых постигла та же участь, велся с куда меньшей тщательностью.

Подобные репрессии, как это происходило в похожих случаях в разных странах в разные периоды времени, совпадали с возрастанием количества запрещаемых книг: вероятно, запреты стимулировали распространение такой литературы.

Не случайно поэтому многие наиболее эротические, порнографические и красочные китайские романы появились в период Мин. Б их числе «Цзинь, Пин, Мэй» и его менее известное продолжение «Гэ лян хуа ин» («Тени цветов за занавеской» или «Силуэты соития»). Наряду с замечательным реестром сексуальных обычаев и изящными описаниями интимных моментов из жизни китайских любовников того времени в этих романах развернута широкая панорама общественной и домашней жизни.

«Цзинь, Пин, Мэй» в стиле «Жоу пу туань» и прочих романов того времени начинается с привычных предостережений от земного греха и погони за материальным благосостоянием, от блуда и плотских пристрастий. Тем не менее герой обязан сделать всех своих шестерых жен счастливыми, а его интимные отношения с ними прерываются к тому же любовными делишками с множеством других женщин. Поэтому в своих сражениях в спальне он прибегает к любым мыслимым маневрам и разнообразной стратегии. В конце концов он умирает от чрезмерной дозы афродизиаков — подходящий для героя конец. О безостановочной деятельности Симэнь Цина и качестве письма можно судить по сцене с прекрасной куртизанкой Лунный Луч, встреча с которой состоялась после ночи непрерывных «Тучек и Дождиков», которую герой провел у себя дома.

Одетого в лучшее летнее платье и черные с белым туфли Симэнь Цина препровождают в публичный дом в паланкине, чтобы он мог провести вечер со своей новой любовницей. Его встречает хозяйка заведения, которая приказывает молочной сестре Лунного Луча, девушке по имени Восхитительная, позвать красавицу и предложить господину чай. Внешность входящего Лунного Луча столь же головокружительна, как и ее имя. Ее кофта и юбка — белого, алого и зеленого цветов, туфли красные, а каждое движение сопровождается отчетливым позвякиванием украшений и драгоценностей. Она пьет свой чай, прикрываясь дрожащим позолоченным веером, ее блестящие черные волосы обрамляют лицо подобно темному небу, окружающему луну. По завершении официальной церемонии две «сестрички» сопровождают Симэнь Цина в комнату Лунного Луча. Там служанка готовит легкую закуску, состоящую из ароматных печений и сладких пирожков, которые подают на золоченых тарелках. Покончив с едой, хозяйка и гость принимаются играть в домино фишками из слоновой кости. В конце игры подают вино и фрукты, и Лунный Луч, придя в возбужденное состояние, берет свою лютню, а Восхитительная — гитару, и они вместе ублажают господина любовными песнями. Наконец Восхитительная, сославшись на то, что ей нужно переодеться, удаляется.

«Как только Симэнь Цин остался наедине с Лунным Лучом, он тут же достал из рукава маленькую золотую шкатулку.

— Эта твои ароматные листья? — спросила девушка.

— Нет, это возбудитель. Я принимаю его каждый день, чтобы поддерживать силы. Я бы не купил золотую шкатулку для одних только ароматных листьев.

Положив наместо шкатулку, он вынул свой платок, форма которого заставила Лунный Луч воскликнуть:

— Прежде я видела только два таких платка, и оба они принадлежат моим сестричкам, Серебряной У и Коричному Дереву,

— Да, — признался Симэнь. — Но это было до того, как меня познакомили с тобой. Возьми вон этот себе. — Он проглотил свой возбудитель с глотком вина. — Эти платки делают только в Яньчжоу. Поди сюда, выпей вино у меня изо рта.

Он наполнил рот вином, и когда они поцеловались, вино перешло от него к ней так, что не пролилось ни капли. После этого их рты не разъединились, а языки продолжали переплетаться и играть, и вскоре уже Симэнь Цин запустил руки ей под одежду и принялся гладить груди. Он нашел их одновременно и мягкими и твердыми, а соски напоминали маленькие розовые вишни из Сычуани. Хотя никакой новизны для него в этом не было, его переполняло любопытство, свойственное человеку, стремящемуся раскрыть какой-либо секрет, и вот он быстро расстегнул ей кофту и не испытал разочарование. Ее груди были словно холмы из чистого небрита, белые и гладкие, невообразимой красоты.

Вновь дотронувшись до них руками, он почувствовал, что его Нефритовый Стебель напрягся и восстал, а сам он сидит в такой позе, что штаны ему просто мешают. Поэтому он встал, снял их и попросил Лунный Луч возбудить его посильнее. К его удивлению, хоть они до этого и провели ночь вместе, Лунный Луч, казалось, была потрясена этим предложением,

— Я что-нибудь не так сказал? — осведомился Симэнь.

— Это, вероятно, твой возбудитель подействовал, сказала Лунный Луч, все еще с выражением удивления на лице. — Он такой большой и красный. Мне жаль того, кто окажется у него на конце.

Ее замечание вызвало смех Симэнь Цина.

— В таком случае сыграй на нем мелодию, чтобы привыкнуть.

Но аккуратный розовый ротик Лунного Луча продолжал говорить, а не действовать.

— Это всего лишь наша вторая встреча. Я сыграю мелодию попозже. А пока позволь, я позову служанку убрать посуду,

Как только этот предлог для отсрочки оказался исчерпанным, прекрасная куртизанка сказала:

— Мы с вами вместе проведем в будущем дней больше, чем можно насчитать листьев на деревьях. Почему бы не использовать этот день, чтобы познакомиться поближе?

Судя по поведению Мужского Острия, ответ на этот вопрос был вполне очевидным, и Симэнь Цин произнес:

— Ну, если ты не хочешь сососать меня, давай ляжем в постель.

— Но ведь этой штукой ты можешь меня убить. В прошлый раз мы сражались, но сегодня, клянусь, он еще больше, — ответила Лунный Луч.

А когда Симэнь довольно расхохотался, она сказала: — Я хочу попросить служанку принести еще вина. Мне придется призвать на помощь всю мою храбрость, чтобы по-королевски принять такого посланника.

— Хватит пить. Я иду в постель.

Симэнь говорил столь решительно, что ей ничего не оставалось, кроме как снять с него туфли и кофту и распусть свои волосы. Затем она зашла за ширму умыться, а Симэнь Цин загасил курильницу, опустил бамбуковую занавесь, запер дверь и вернулся в постель. Он был уже полностью обнажен, и когда появилась Лунный Луч, поспешил привести ее в то же состояние.

Сняв с нее ночную рубашку, он принялся любоваться ее телом, ведь в прошлый раз они были вместе в темноте. Кожа ее от шеи до пят отличалась такой же гладкостью и белизной, как и грудь. Он с удивлением заметил также, что на Павильоне Удовольствий не было заметно ни тени волоска.

Крайне заинтригованный своим открытием, он уложил ее поперек кровати и подверг Драгоценный Цветок тщательному рассмотрению. Та же ровная кожа яшмовой белизны была и на животе и между ног, и нигде не обнаружил он ни одного волоса. Он погладил ее пальцами и произнес:

— Это напоминает мне свежайший пельмень — теплый, мягкий и начиненный всякими вкусами.

Симэнь приблизил лицо к тому, что его так восхищало, и ему показалось, что он вдыхает естественный аромат целого поля весенних, цветов. Раскрыв Нефритовые Врата, чтобы заглянуть в сам Павильон, он почувствовал головокружение от изумительного запаха,

— Этот аромат не купишь и за тысячу слитков серебра, — воскликнул он, задыхаясь. — Давай же насладимся Тучками и Дождиком.

Впрочем, штурму Нефритовых Врат предшествовало надевание Шапочки Вечного Желания, которая помогала проникнуть к Сердцевинке Цветка. Как только проход расширился, он сумел, невзирая на мольбы Лунного Луча, ввести свою Черепашью головку. Он еще раз наслаждался видом гладко-белых губ, теперь приветствовавших его внутри, и, возбужденный их чистотой, яростно ринулся вперед. Его удовольствие от преодоления этого последнего препятствия смешалось с криком боли.

— Ты убил меня, — выдохнула Лунный Луч.

— Давай начнем с семи мелких и двух глубоких. Лунный Луч обеими руками вцепилась в подушку.

— Пожалуйста, будь осторожен.

Симэнь Цин смягчился. Он закинул ее ноги к себе на плечи и приступил к серии очень медленных, и поверхностных толчков. Чем медленнее ритм, тем глубже удовольствие — и он почувствовал, что как бы гребет в лодке по озеру. Но через полчаса подул сильный ветер и на воде появилась рябь. Тогда его прежде неспешные движения стали более резкими.

— Ты совсем не такой, как в прошлый раз, — заявила Лунный Луч. — Твои жены тебя удовлетворяют?

— Это все благодаря дневному свету. Пицца, которую принимаешь в темноте, никогда не покажется такой же вкусной, как если ее видишь своими глазами.

Тем временем день уже начал меркнуть, и Симэнь Цин, словно чувствуя приближение вечера, перешел в еще более мощное наступление на Сердцевинку Цветка. Болтовня Лунного Луча тут же сменилась всхлипами и вздохами. Они оказались даже более возбуждающими, чем откровенная белизна Нефритовых Врат, потому что в своей устремленности совершить тысячу толчков без перерыва Симэнь Цин совершенно забыл то, чем он втайне любовался вначале».

Китайский юмор:

«Чжэнь Далана разбудила его жена, чтобы узнать, почему он пыхтит и дергается во сне. Он признался, что ему снилась другая женщина. Тогда жена, вскочила с постели, схватила веник и хорошенько отлупила муженька. Едва сумев перевести дух, он стал протестовать, уверяя, что человек не может отвечать за то, что ему снится. Тогда она обвинила его в том, что он не занимается с ней любовью достаточно часто, намекнув, каким образом он сможет впоследствии избежать побоев. Чжэнь ответил ей, что не может выказать ей большей преданности, кроме как посоветовать всегда класть с собой в постель веник».

Эротические рассказы и романтические истории не ограничивались романами. Излюбленной формой для того, что считалось наиболее забавным и популярным, были стихи. Примером любовной эпической поэмы может служить «Хуа Сээн»⁸, принадлежащая двум анонимным поэтам эпохи Мин..

В ней рассказывается о юноше Ляне и невинной девушке Яо Сээн. Хотя ни в замысле ни в языке таких поэм нет ничего порнографического, глубокий эротизм придает им страстность. Сочинению этому предпослано, как и в случае с более свободно построенными романами, введение, в котором разъясняются возвышенные намерения автора. Следующий отрывок из введения и фрагмент самой поэмы основаны на переводе 1824 года, сделанном П.П. Томсом:

Когда желанный вечер принесет
Прохладу после знойного полудня,
Покинь свое жилище и вдохни
Свежайший поцелуй морского бриза.
С осенним ветром запах прилетит
Цветущих лилий водяных, а небо
Вдруг озарится'полною луной,
На озеро спокойное похожей.

Сегодня в ночь Ткачиха и Пастух
В супружеском соитии сойдутся,
И если время звездам для любви,
То время для любви и человеку,
Отправится он в путь за жемчугами,
Похитит девственниц прекрасные цветы
И истощит себя на этом поле битвы.

Коль в браке добродетельна любовь,
Так почему должна грехом считаться :
Любовь, скрепленная лишь узами сердец?
Итак, любовники, вы не забыты мною.
О вас в строках летучих расскажу,
Чтоб вашу жизнь потомки рассудили.

В поэме описывается процесс сватовства начиная с первой случайной встречи до формального представления любовников друг другу. Затем следует эпизод, когда Лян, которому не терпится испытать брачные удовольствия, тайно встречается с Яо Сээн в поле. Она дает ему отпор, а его реакция на это отличается непреходящей узнаваемостью:

«За что любовь мою ты отвергаешь?
Ты ставишь под сомнение чистоту
Моих надежд, пороча нашу близость

И даже честь родителей своих!
А если уж любви не уступаешь,
Что может убедить тебя тогда?»

Увидев муку на его лице,
Девушка Яо ясно понимала:
Слова любви его лишь возбуждают
И вызовут досаду, но сказала:
«Мой милый, наша свадьба решена.
Давай дождемся мы назначенного срока —
Побыть успеем Тучкой и Дождем.

Я знаю о страданиях мужчин,
О том, как страсть рассудок затмевает,
И сна поэта и ученого лишает,
Но будь же терпеливым, дорогой!»
Лян понял, что упорствовать напрасно,
С трудом свои желания смирил
И тихо в сад цветущий удалился.

Китайский юмор:

«Правитель царства Ци предложил свою дочь вместе с богатым приданым простому мяснику Ту. Тот отклонил почетное предложение, сославшись на импотенцию и боли в половых органах. Услышав об этом, брат мясника тут же принялся упрекать его:

— Ты самый сильный мужчина в городе. Неужели ты хочешь провести всю свою жизнь в этой вонючей лавке? Почему ты отказался от принцессы?

— Потому что она уродлива, — ответил Ту. — Я не зря был мясником все эти годы и кое-что соображаю теперь.

— Но откуда ты знаешь, что она уродлива, достойный мой брат? Ты же ее никогда не видел.

— Когда мясо хорошее, никого не нужно уговаривать купить его. Люди сами приходят за ним. Если же мясо неважное, мой наидостойнейший старший брат, я могу продать его, лишь предложив двойную порцию за ту же самую цену. Эта принцесса — что мое плохое мясо: приданое, которое ей дают, такая же приманка, когда товар стоит лишь полцены.

На следующей неделе они узнали от дворцового евнуха, что принцесса «худая, как бамбуковый шест», что глаза ее «крохотны, как трещинки в абрикосах», «рот — словно у гигантского карпа», а зубы похожи на «ряд крошечных личинок насекомых».

Юмор в эротических романах варьирует от неистового до тонкого и косвенного, но он неизменно порождается неожиданными и невероятными сексуальными ситуациями. Когда кто-либо ведет себя не соответственно своему характеру, когда обычное дело принимает неожиданный и удивительный оборот, как в современных фарсах, — все это является испытанным способом посмеяться над любовниками. В следующем отрывке из раннего романа эпохи Мин («Мин тай янь ши») невинная девушка подсматривает за своей хозяйкой, пока та развлекает какого-то господина. Зрелище это так возбудило ее, что когда ей было велено проводить гостя, в ее голове проносились совсем другие мысли:

— Следуйте за мной, господин, — сказала служанка. Одной рукой она подняла шест с висящим на нем фонарем, другой взяла гостя за рукав.

— Ночь темная, — заметил господин.

Это выглядело как просьба быть более услужливой, и она схватила его за руку. Ей было не больше пятнадцати лет, она была девственницей, и то, что она увидела сквозь ширму, не только захватило ее ум, но и вызвало какие-то ощущения во всем теле, которые теперь просто переполняли ее. Ноги ее одновременно напрягались и подкашивались, а между бедрами разливалась влага удивительной теплоты. Пройдя по двору полпути к воротам, в том месте, где было особенно темно, она поняла, что ей представился случай, который упускать нельзя.

— Господин, — сказала она, — можете Вы уделить презренной служанке хоть крошку от тех сладких пирожных, которыми вы потчевали мою хозяйку? — Она вцепилась в его руку еще крепче. — Она съела так много, а мне бы только попробовать, какое это удовольствие.

Господин с ужасом понял, что попался в ловушку к изголодавшейся по любви девственнице. Следует ли ему прислушаться к голосу разума или же надлежит доставить ребенку удовольствие?»

— Тогда опусти лампу, — сказал он, решившись вести себя наименее благородно. — И ложись на скамейку.

Она словно прочла его мысли, так как стала освобождаться от нижних предметов одежды прежде, чем он кончил говорить. Когда она улеглась на каменную плиту, одежда прикрывала лишь верхнюю часть ее туловища.

Теперь перед господином встала еще одна проблема приличия. Если он займется любовью с этой низкой служанкой, ее хозяйка определенно сочтет это насмешкой над часами восторгов, которые они только что провели вместе. Решение тут же пришло само собой. Он быстренько даст этой нетерпеливой служанке вкусить то, чего ей так недоставало, а затем отошлет ее обратно в дом, пока хозяйка не заметила ее отсутствие. Поэтому он устроился между ног девушки, раскрыл узкие губы ее девственного влагалища и попытался без лишних проволочек ввести свое истрепанное в сражениях, но по-прежнему всегда готовое Мужское Острие.

— Нет, — выдохнула она. А затем еще более искаженным голосом вскрикнула: — Стой! — Одновременно с выкриком ее тело дернулось так, что подалось далеко назад, будто сиденье под ним было из мягкого пуха. Контакт был тут же утерян.

Реши же в конце концов, — заговорил господин, — хочешь ты получить удовольствие или нет.

— Как это может быть, что моя госпожа испытывала такое наслаждение, а я — только боль? Вы уверены, что пользуетесь тем же инструментом?

— Уверяю тебя, что это тот же способ, благодаря которому твоя хозяйка испытала все удовольствия.

— Тогда попробуйте снова, но поаккуратнее. Он снова нацелился в Сердцевинку Цветка, и хотя служанка стискивала зубы, чтобы не закричать, в Нефритовые Брата вошла одна лишь Черепашья головка.

— Любезное дитя, — сказал господин, снова обеспокоившись своими мыслями, — это дело не делается в такой спешке. Для того чтобы девушка насладилась этим, нужно, чтобы Тучки с Дождиком встретились раз десять, не меньше.

Девушка, все еще прижатая кончиком его инструмента и недвижимая, тут же ответила:

— Тогда давайте, благородный господин, сыграем в Тучки и Дождик десять раз.

— Нет, сейчас не время и не место, — твердо возразил тот. — Кроме того, я слишком велик для тебя, но это не твоя и не моя вина, а просто так уж мной распорядилась природа. Завтра я пришлю к тебе одного из моих молодых слуг и ты попробуешь с ним всякие сладости, какие только захочешь.

С этими словами он вынул инструмент из болезненно сжатой Сердцевинки Цветка и встал на ноги. Служанка натянула штаны, подняла фонарь, и они продолжили свой путь по двору. Как благородный человек он повторил свое обещание прислать одного из своих молодых слуг следующей ночью.

Сочинители подобных романов не были второстепенными литературными деятелями либо людьми, ищущими быстрого успеха и славы, а потому предлагающими читателям истории, способные возбудить низменные инстинкты. Поскольку секс был замечательно свободен от морализаторства и социальных ограничений, если не считать необходимости изъяснить на словах уважение к конфуцианским нормам, эротическая литература того времени считалась предметом, достойным внимания ученого и писателя. Некоторые из них по разнообразию талантов и широте творческой работы не уступали наиболее плодовитым гениям Запада, а Ли Юя с его славой драматурга, поэта и постановщика с полным правом можно сравнить с Шекспиром.

Кем были авторы таких книг, как «Жоу пу туань» и «Цзинь, Пин, Мэй»? Они были людьми, совмещавшими в себе три неперенные добродетели, присущие писателям, ценимым публикой: мудрость, опыт общения с самыми разными людьми, личную скромность. Творческое проявление этих гуманных качеств придавало их работе человеколюбие и темперамент, проникавшие в душу людей высокопоставленных и простых, живших в различных обществах, а при обращении к сексуальным сюжетам эти авторы явно не отличались почтительностью и заторможенностью.

Ли Юй (1611—1680) родился в провинции Цзян-су. Его молодость была омрачена двумя драматическими событиями, одним из которых был постоянный неуспех при сдаче провинциальных экзаменов, а другим — гражданская война и вторжение маньчжур, которые предшествовали падению династии Мин. Уже в молодые годы ему было свойственно зрелое чувство юмора, позволяющее человеку воспринимать общество таким, какое оно есть, пользоваться им наилучшим образом и философски относиться к собственным неудачам. Его родной дом в Нанкине хотя и представлял собой довольно значительное поместье, но назывался Особняк с Горчичное Зерно — намек на его малые размеры и на то, что даже сама «Великая Гора» может, образно говоря, поместиться в таком зерне⁹. В возрасте тридцати пяти лет он начал писать, чтобы обрести средства содержать себя, сорок своих жен, наложниц и детей. Вскоре он поселил у себя дома еще и труппу певичек. Затем у него родилась мысль писать сценарии для девушек, и столь большой талант он проявил в этом деле, что его убедили создать передвижной театр.

Ли Юй ездил по стране в качестве режиссера — постановщика своих пьес, а его известность возрастала, равно как и количество наложниц у него в семье. За пятнадцать лет странствий он написал множество романов, эссе, стихотворений и пьес, а весы его судьбы постоянно раскачивались от успеха к провалу, от богатства к бедности. Тематика сочинений Ли Юя отражает его разносторонность. В них говорится об архитектуре и путешествиях, индивидуальных и общественных проблемах, женской красоте, драматургии и актерской игре, диете и гигиене («Сянь цин оу

цзи»). К концу жизни состояние его здоровья ухудшилось, и в 1677 г. он воссоединился в Чжэц-зяне со своими сыновьями, скончавшимися года за три до него. Его юмор и жизнелюбие, сочувствие к человеческим несчастьям нигде не проявились лучше, чем в сцене соблазнения из романа «Цзюэ хоу чднь» («Просветление превыше знания»).

«Этим днем Благоуханная Яшма решила выкупаться. Ванну принесли к ней в спальню, и она принялась беззаботно плескаться. Окна были закрыты, но что там творится, мог слышать любой проходящий мимо. Как раз в то самое время Честный Чуань, садовник, решил вернуться в дом, но услышав звуки, что неслось из спальни красавицы жены его хозяина, громко кашлянул с определенной надеждой.

Благоуханная Яшма могла бы не обратить на это внимания, но она предпочла закричать:

— Я купаюсь. Не смей входить!

Слава Честного Чуаня, имеющего орудие размером с морской огурец, взволновала на мгновение его хозяйку, я мысль о нем заставила ее предупреждение прозвучать кокетливо и приглашающе. Он, со своей стороны, вряд ли мог пренебречь предупреждением, и, поскольку все его намерения вернуться к работе исчезли, он прошел мимо двери, вышел из дома и принялся изучать окна, выходящие во двор. Вскоре он обнаружил одно, через которое отчетливо доносился плеск, но поскольку щели в деревянных рамах отсутствовали, а пергамент, через который внутрь комнаты проникал дневной свет, был почти новый, поглядеть на несравненное тело прекраснейшей жены его ревнивого хозяина не было никакой возможности,

Пусть простой садовник, Честный Чуань был не лишен хитрости. С изрядной осторожностью он помочил палец и начал тереть им по матовой бумаге. Вскоре в ней образовалось достаточное для одного глаза отверстие, к которому он тут же и прильнул. А в это время в комнате Благоуханная Яшма вполне догадывалась, что происходит и кто за ней подсматривает. Но ее негодование заглушалось волнующей мыслью о том, что громадный Нефритовый Стебель садовника, должно быть, как раз сейчас возбужденно реагирует на ее красоту.

Эта мысль заставила ее встать в ванной, края которой доходили ей до пояса. Принявшись тереть себе грудь, она случайно повернулась лицом к черному пятну, появившемуся на оконной бумаге. Некоторое время постояв в этой дразнящей позе, она чуть-чуть приподнялась, чтобы усесться на широкий край ванной, которая, как обычно, стояла рядом с кроватью. Устроившись поудобнее, она уперлась ногами в противоположный край и откинулась назад, на кровать. Минуту она лежала со сжатыми коленями, а затем вдруг раздвинула ноги в стороны.

Зрелище Сердцевинки Цветка, представшее перед ним, так возбудило Честного Чуаня, что он проскреб вторую дырку в пергаменте и принялся любоваться тем, что увидел. Второе черное пятно привело Благоуханную Яшму в еще больший восторг и она, не зная удержу, подняла ноги и стала игриво болтать ими в воздухе. Честному Чуаню все стало ясно. Это был приглашающий жест, и если он ворвется к ней в комнату, его вряд ли прогонят.

Когда глаза в окне исчезли, Благоуханная Яшма нырнула обратно в воду и не удивилась, хотя и разыграла негодование, когда дверь распахнулась и Честный Чуань просился перед ней на колени.

— *Благороднейшая юная госпожа, простите великодушно грубого наглеца. Я знаю, что это преступление, за которое меня могут лишить головы, но я с радостью приму такое наказание.*

Его мольба, смешанная со страхом, была прервана резким окриком:

— *Как ты смеешь врываться, когда я в ванной!*

— *Но, благороднейшая прекрасная госпожа, с первого дня, как я поступил к вам на службу, я мечтал увидеть вас в таком виде. Эту возможности я не мог упустить, Что же мне делать?*

Садовник выглядел настолько испуганным, что Благоуханная Яшма забеспокоилась, как бы он не убежал, Ее ответ был достоин честности самого Честного Чуаня.

— *Ну, мы же не можем заняться этим прямо здесь. Я в ванной, а кругом люди разные ходят. — Прервав причитания садовника, она добавила:*

— *Всему есть должное время и место. Садовник наконец стал изъясняться более связно. — Я понимаю, что полдень — неподходящее время, а полная ванна воды — неудобное место. Но ваш низкий раб всегда готов посетить вас в любое время в любом месте, только скажите этому насекомому, этой личинке, когда следует прийти.*

— *Ночь ты проводишь со своей женой Как-Вы-Желаете. Она вряд ли тебя отпустит.*

— *Ей не удастся остановить меня, — возразил Честный Чуань, — К тому же, как только мы сыграем в Тучки и Дождик, она тут же засыпает, и потом ее не разбудишь.*

— *Тогда приходи сегодня ночью, — сказала Благоуханная Яшма, — Но смотри, чтоб ты не был слишком усталым.*

Перед уходом садовник осмелел настолько, что погрузил руки в воду и наслаждался первым прикосновением к Золотому Дворцу Удовольствий, в котором его будут принимать нынешней ночью, а затем радостно поспешил из комнаты. Благоуханная Яшма была по натуре методичной женщиной, и, оставшись в одиночестве, она принялась готовиться к свиданию со всей тщательностью актрисы или певички, собирающейся выйти на сцену. Сначала она вытерлась и надушилась, легла отдохнуть и расслабиться. Затем приказала принести хризантемовый чай для дыхания, личжи¹⁰, гранаты и персики для того, чтобы взбодрить дух, и Лунные печенья¹¹ для удовольствия. Затем она принялась спорить со своей совестью и убедила ее, что невнимание мужа — прекрасный повод для неминуемой неверности жены. И, наконец она велела разбросать по комнате веточки жасмина.

Во вторую стражу¹², через два часа после того, как она улеглась в постель, дверь дважды скрипнула, открывшись и закрывшись.

— *Это ты, мой преследователь? — прошептала Благоуханная Яшма.*

— *Это твой раб, — ответил тот.*

Боясь, как бы он не споткнулся в незнакомом помещении и не наделал шума, она вылезла из постели и провела его по комнате. Но как только они разделись и улеглись рядом. Благоуханная Яшма, сказала:

— *О твоей мощной дубинке говорят все женщины нашей двора. Я должна просить тебя в благодарность за милость, которую я тебе оказала, быть очень аккуратным. По крайней мере до тех пор, пока я не приспособлюсь.*

— Такое грубое создание, как я, вряд ли доставит хоть малейшее неудобство нежному и ароматному телу моей, госпожи. Вы можете положиться на меня, я буду мягок, как шелест ивовых веток при легком ветерке.

Но как только он взгромоздился на нее, а она направила его к самому порогу Нефритовых Врат, садовник решил, что она проявляет робость лишь из кокетства, а на самом деле хочет, чтобы он был с ней резким. Как только она убрала сдерживавшую его руку, он сделал пару пробных мягких толчков, а затем устремился вперед. Женщина под ним среагировала мгновенно, но это была, не та страсть, на которую он рассчитывал.

— Ты, грубиян! Сума сошел, что ли! — слова ее прерывались вздохами и вскриками. — Ты что, думаешь ты бык в стаде коров!

Ее сопротивление было слишком непритворным, чтобы в нем усомниться, и Честный Чуань заколебался, стоит ли ему продолжать движения в этом Яшимовом Павильоне весьма ограниченных размеров. Он понял, что ведет себя как животное.

— Пожалуйста, прости меня, драгоценная госпожа, — воскликнул он, — Я никогда раньше не обивался с женщиной, обладающей такими совершенствами, как же я могу не уподобиться человеку, выпившему зараз пять кувшинов гуандунского вина! Я обещаю впредь быть вдвое мягче и втрое осторожнее.

— Мой муж размерами весьма, невелик, но даже ему бывает трудно,

— Не бойтесь, драгоценная госпожа. Всего лишь три месяца назад я впервые улегся со своей невестой — девственницей, я буду вести себя с вами так же, как с ней.

Он сдержал обещание. Как только гигантское Мужское Острие освободили из плена, он принялся легко доигрывать в Долину Удовольствий, временами стучась в Ворота, но не пытаясь вторгнуться во Внутренние Покои. Вскоре потоки блаженной сущности заструились из множества потайных источников и, наводнив долину, волшебным образом преобразили ее. С этими потоками вряд ли бы сравнились даже разливы Хуанхэ и Янцзы, и вот Честный Чуань обнаружил, что его уже несет по течению.

Первой проявила нетерпение Благоуханная Яшма.

— Когда же твой «посланник» будет вручать верительные грамоты во дворце?

— Мой «посол» словно корабль, ждущий прилива, о драгоценная госпожа.

— Ставь парус немедленно, умоляю.

— Может, вы соблаговолите вытолкнуть меня на главную струю?

Услышав такое предложение, она схватила скользкого угря и бесцеремонно толкнула его головку в Сердцевинку Цветка. Честному Чуаню сразу стало ясно, что все трудности, которые она должна была испытывать со своим миниатюрным мужем, вряд ли можно поставить ей в вину. В мгновение ока весь его десяти дюймовый Нефритовый Стебель устроился даже более удобно, чем в просторных палатах его жены Как-Вы-Желаете.

— О, мое сердце и печень, — простонала Благоуханная Яшма. — Ты уверен, что у тебя больше ничего не осталось для меня?

Честного Чуаня никогда прежде так не оскорбляли, и поэтому он исполнился решимости наказать ее за намек на его несостоятельность. Закинув ее ноги себе на плечи, он ухватился за обе стороны Золотой Долины и, раздвинув ее, вошел еще на дюйм. Затем он нажал как можно глубже и перешел к медленным равномерным движениям. Это было как раз то, чего жаждала Благоуханная Яшма.

В глубине души Благоуханная Яшма была убеждена, что она лишилась тела, а то и самой жизни и стала частью движения. В течение получаса с ее губ не слетало ни одного связного слова, а в следующее полчаса ее чувства выражались в целой серии вспышек страсти, оргазмов, припадков и излияний жизненной сущности внутри и снаружи Павильона Удовольствий.

Когда Честный Чуань истоил себя, и сама она пришла в то же состояние, ее первыми словами были:

— Я весьма довольна собой. Для женщины столь, хрупкого сложения я вела себя вполне хорошо.

— О, драгоценная госпожа, даже император не смог бы найти столь великолепную Сокровищницу для своей драконового орудия.

Благоуханная Яшма, как уже было сказано, отличалась расчетливостью и осторожностью. Она уже думала о будущем.

— Мы должны подумать, как бы сделать так, чтобы ты мог приходить в эту спальню почаще, — сказала она. — О муже я не беспокоюсь, потому что он часто путешествует, я беспокоюсь о твоей жене. Лучший способ избавить ее от ревности — это уговорить ее присоединиться к нам. Как ты думаешь, она согласится?

— Драгоценная госпожа, когда я хорошенько отлуплю ее, она, безусловно, согласится. И даже сочтет за честь делить ложе с такой заботливой хозяйкой.

Настал уже час третьей стражи. Когда ночной стражник, постукивая в Бамбуковый барабан, прошел мимо окна с двумя дырочками, сделанными ранее в тот день, Благоуханная Яшма решила, что не будет беспокоиться насчет починки окна. Если это то, что случается, когда мужчина подсматривает за женщиной, кто осмелится сказать, что ей лучше было бы обидеться?»

Закат над бамбуковой рощей

В предыдущих главах были описаны обычаи, верования и факторы, игравшие наибольшую роль в сексуальной деятельности китайцев.

Инь и Ян существуют тысячелетиями; необходимость достижения гармонии, объединения в Высшем Блаженстве Завершения в наше время столь же насущны и важны для человеческого счастья, как были тогда. Древняя терминология может измениться или пребывать в процессе изменения, но многие из традиций будут по-прежнему сопротивляться тому, что в современном мире считается прогрессом.

Нигде это не проявляется с такой очевидностью, как во врожденном восприятии китайцами иностранцев. То, что континентальный Китай с его четвертью населения Земли принял идеологию всечеловеческого братства и равенства, мало сказалось, как представляется, на свойственном китайцам чувстве особенности и даже превосходства.

Иностранцы делятся на Сырых варваров (белые) и Испеченных варваров (цветные), кажутся призрачными из-за своей белизны, дикими из-за волосатости и устрашающими из-за своих размеров. В какие бы контакты с этими варварами Китай ни вступал в прошлом, это неизменно заканчивалось мучениями, унижениями и предательством. Предубеждения насчет характера и нравов жителей Запада порождались всей историей Китая, богатой событиями.

Для подавляющего большинства китайцев, не исключая и тех, кто живет за рубежом, их культура, общество и нравственный облик — это то, что они создали для самих себя и поэтому наиболее для них подходящее. Пища, воспитание, язык, искусство, сколь бы сложными и архаичными они ни казались со стороны, все это оправдано хотя бы тем, что люди предпочитают их до сих пор. И многое из этого сохраняется вопреки действию революционных сил в их собственной стране и несмотря на соблазнительный материализм западного мира.

Если утверждение о целостности китайцев как народа справедливо, то это не обязательно относится к их общественным институтам. Приведем в качестве примера, быть может самого распространенного, один такой институт — брак. В традиционном браке двое людей, которых он лично касался в первую очередь, были практически отстранены как от выбора себе пары, так и от самой подготовительной процедуры. Родители, родственники и свахи устраивали все вплоть до того момента, когда чету провожали в спальню. Советовались с предсказателями судьбы, изучали знаки и календарные даты, которые могли благоприятствовать браку либо разрушить его, жена могла быть одной из многих супругов, и никогда другим она не представлялась большим, чем воспитательницей детей и женщиной, которая ведает домашними делами мужа. По существу и по закону она являлась собственностью своего мужа, и хотя сама она никогда не имела права развестись с ним, существовало семь причин¹, по которым тот мог выгнать ее из дома или отправить обратно к родителям.

Новые законы о браке, принятые в континентальном Китае, полностью изменили этот порядок. В «Законе о браке» (Пекин, 1950) необходимость покончить с феодальной системой прошлого воплощена в формулировках самого закона: «Новая система открывает путь для становления всеобъемлющих новых отношений, основанных на свободном выборе вступающих в брак, единобрачии, равных правах мужчин и женщин и охране законных интересов женщин и детей. Старые феодальные традиции запрещали вдовам вновь выходить замуж. Многие молодые

вдовы принимали смерть от рук своих братьев и родителей, потому что опасались опозорить свои семьи повторным браком».

Статьи закона начинаются так: «Уничтожается феодальная система брака, основывавшаяся на господстве мужчины над женщиной, запрещается двоеженство, взятие наложниц, принятие в семью девочек в качестве невест для сыновей, вымогательство денег или подарков в связи с вступлением в брак; запрещается также препятствовать вдовам свободно вступать в брак, вступление в брак разрешается мужчинам по достижении 20-летнего, женщинам — 18-летнего возраста»².

У тех зарубежных китайцев, что уверенно приспособились к обществу, в котором они поселились, институты могут существенно отличаться от тех, что были им свойственны в прежние годы. Но все же многое из того, что характерно только для них — система поведения, прочные семейные связи, расовые черты сходства, — остается неизменным. Иные обстоятельства, в которых оказались зарубежные китайцы, способствовали увеличению межнациональных браков, хотя и в несравненно меньшей степени, чем между другими расовыми группами, а также некоторой социальной ассимиляции. Подобное смешение с варварами сопровождается определенным ощущением снисходительности со стороны части китайцев, а нижеследующие заметки из «Дневника Цзэн Година» (Пекин, 1932) иллюстрируют отношение Господина Ян к Госпожам Инь с Запада:

«Нам, китайским мужчинам, западная женщина кажется чрезвычайно сладострастной. У нее крупные конечности и большая грудь, ее глаза бывают разного цвета, круглые. Смеется она открыто и свободно. Всякий раз, когда западная женщина начинает смеяться, мне кажется, что это приглашение в спальню. Но наиболее заметно она отличается от наших женщин своим крепким телосложением. С ней не нужно обращаться с излишней деликатностью, не нужно держать ее в руках, словно хрупкую куклу. Когда европейская женщина манит к себе своими большими глазами, когда выражение ее лица становится столь развязным, что лицо китайской женщины просто не может с ним сравниться, кто из нас, мужчин, сможет остаться равнодушным к такой вопиющей сексуальности? Есть еще и такое чудо, как ее волосы. Это вся гамма цветов и форм: прямые и кудрявые, волнистые и пушистые. Крайне возбуждающая особенность.

Но есть у западных женщин две черты, которые вряд ли понравятся китайскому мужчине. Естественность ее запаха — это как раз то, чего следует ожидать от Сырых Варваров, и никакое количество мыла или духов не может перевить его.

Во-вторых, лобковые волосы многих западных женщин кажутся весьма грубыми по сравнению с волосами китаянок. Это напоминает езду на голой спине верблюда или осла, жесткой и шершавой. А иногда отдельные волоски простираются вверх до пупка, а вниз до колен».

Все же, несмотря на чувствительность к определенным физическим особенностям западной женщины и деликатность, которую китаец во многих случаях проявлял к своим соотечественницам, Господин Ян и прочие любовники — драконы прошлого вели себя в спальне, как представляется, с такой прямоотой, которую можно расценить лишь как эгоизм. В сексуальных пособиях и «подушечных книгах», придворных и простонародных сочинениях во все века Гармония между Инь и Ян, связанные с ней приемы и обычаи изображаются как действия, допускавшие и освящавшие господство мужчины над своей партнершей.

Это в наибольшей степени проявляется в относительном недостатке описаний любовной игры. Упор делался на скорейшем штурме и занятии Яшмового Павильона. Отождествление секса со сражениями, мужского члена — с «оружием», «копьем» или «дубинкой», установка на «тысячу толчков, быстро следующих один за другим» — все эти и другие особенности традиционного китайского «искусства любви» заставляют полагать, что социальные роли партнеров попросту воспроизводились во время занятий любовью, а женщина воспринимала «нападение на Яшмовый Павильон» как еще один знак ее неизменной униженности.

Стихотворение из «Книги Песен» гласит:

Коль сыновья народятся, то спать
Пусть их с почетом кладут на кровать,
Каждого в пышный оденут наряд,
Яшмовый жезл как игрушку дарят.
Громок их плач... Заблестит наконец
Их наконечников яркий багрец —
Примут уделы и царский дворец.

Если ж тебе народят дочерей,
Спать на земле уложи их скорей,
Пусть их в пеленки закутает мать,
В руки им дай черепицу играть,
Зла и добра им вершить не дано,
Пищу варить им да квасить вино,
Мать и отца не заставить страдать³.

Столь же велики были, думается, различия и в спальне. Мужчина предполагал, что восполняет постоянную утрату семени тем, что впитывает женскую сущность Инь — секрецию, которую, как считалось, источает первичная жизненная сила Великой Матери, или Земли-Матки. При том количестве существенных соображений и верований, сопряженных с половым сношением, неудивительно, что романтические и эстетические чувства должны были считаться гораздо менее важными.

Если попытаться подытожить те черты сексуального поведения, которые были наиболее характерны для китайца, на первое место следует поставить отождествление полового акта с высшим строем великих космических сил. В момент оргазма мужчина и женщина вливались во всеобщий Космос и достигали кратковременного соединения с великой общностью природы и бытия. Это, в свою очередь, стимулировало увлеченность физическими свойствами половых органов и выделявшимися из них секретами, поскольку существовала необходимость понять, освоить и оценить их в космических терминах. На этой почве выросла богатая традиция сексуальных пособий и «подушечных книг» вместе с замечательным разнообразием афродизиаков, приспособлений и упражнений, а также эротическая литература, которая неминуемо кажется одной большой хвалебной песнью размерам и мощи Нефритового Стебля, радостям и гостеприимству Павильона Удовольствий.

Тем не менее зафиксированная китайскими учеными и писателями история сексуальных обычаев содержит лишь те аспекты, которые соответствуют традиционным представлениям о многозначительности и достоинстве, а более заурядные и менее красочные настроения и моменты любви не заслуживали, очевидно, внимания потомков. Разумеется, в эротических романах сугубо романтическим и более человеческим чувствам любовников Инь и Ян. вряд ли

позволяли портить жадный аппетит читателя, предвкушающего смакование более крутых поворотов повествования.

Позвольте поэтому завершить рассказ о сексе в Китае на высокой романтической ноте, а именно — поэмой Г. Картера Стента «Обмахивание могилы» (1871). В основе ее сюжета — похороны, а строчки ее можно вообразить своего рода венком из добрых и простых чувств, возложенным на могилы Господина Ян и Госпожи Инь, навечно упокоившихся друг с другом в Бамбуковой Роще.

Весна царила в воздухе, объятom
Сладчайшим и целебным ароматом.
Цвели, обнявшись, персики со сливами,
Как женихи с невестами счастливыми.
Жасмина пена, ивы трепетанье
Прекрасны были в солнечном сиянье.

Однажды мистер Ван в начале мая
Прогуливался садом, размышляя
О пробудившихся деревьях и цветах,
Вдаль с ветром уносясь в своих мечтах,
Встречал в саду он близких и друзей,
Что к предкам шли с поклажею своей,
И каждый путник нужный нес предмет
Для тех, кто уж покинул этот свет⁴.

Так Ван гулял, покуда не набрел
На скромный холм, где пышный мох расцвел..
И возле одинокой той могилы
Такая дума Вана посетила:
«Что жизни суета? — Все труд напрасный!
О одиночество, одно лишь ты прекрасно!»

Но вдруг услышал он печальные рыдания,
И вздохи, и глухие причитанья.
Хотел он удалиться быстро прочь,
Но передумал и решил помочь.
Пробрался потихоньку Ван поближе
И вдруг воскликнул: «Боже, что я вижу!»
Молоденькая дама близ могилы
Стояла на коленях в позе милой.

Две «золотые лилии» прелестных
И траур на красотке неизвестной,
А веер быстро вьется над могилой, —
Такая странность Вана удивила.
К чему старается с усердием рабыни
Над холмиком прекрасная богиня?

Ван тихо кашлянул и голову склонил,
Такой вопрос он к-даме обратил:
«О, госпожа! Мне это очень странно,
К чему Вы машете над мертвым беспрестанно?»
С испугом вскинула на Вана дама взгляд,

Лишь на минуту прекратив чудной обряд.

Поклоном низким Вану отвечала
И над могилой снова замахала.
Но внешность Вана ей была приятна,
Он был одет красиво и опрятно.
И сердце милой женщины смягчилось,
Учтиво к незнакомцу обратилась:
«Мой господин, пока Вы не уйдете,
Послушайте меня — вы все поймете».

Мой муж, увы, покинул этот свет,
Но перед смертью взял с меня обет —
Я обвенчаться не могу ни с кем,
Пока земля ни высохнет совсем
На одинокой мужниной могиле —
Недавно мы его похоронили.

И каждый день рыдаю здесь одна,
Ведь клятве, данной мужу, я верна.
Но я так одинока. Может быть,
Смогу я веером могилу осушить.
«О, госпожа! — ответил Ван. - И у меня есть веер!
Я вам помочь решительно намерен.
Покойных уважать — наш долг святой,
Хоть мы не властны над своей судьбой».

Ван в магии немного понимал
И шутку простенькую с веером сыграл.
Минуты не прошло, как холм иссох —
У дамы вырвался восторга робкий вздох.
И молвил Ван: «Исполнена причуда
Супруга Вашего, уйдем теперь отсюда!»
Деревья вешние над кладбищем склонились,
Вдвоем они с могилы удалились.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава первая

1. Согласно принципам даосской биоэнергетики, два главных канала, соединяющих энергетические центры человеческого организма, проходят соответственно сзади и спереди тела по центру.

2. «Пять внутренностей», или «Пять внутренних органов», — это сердце, печень, селезенка, легкие и почки. Их взаимодействие является, согласно традиционной китайской медицине, основой жизнедеятельности организма.

3. Полный комментированный перевод трактата, названного по имени его создателя «Дун Сюань-цзы» («Учитель Проникший-в-Таинственную-Тьму») выполнен А. Кобзевым. См. Китайский эрос. М., 1993, с. 186-201.

4. Весьма вольная трактовка оригинала. В более точном переводе И. Соколовой этот фрагмент выглядит так: «Из мириад вещей, рожденных небом, самое ценное — человек. Из того, что возвышает человека, ничто не может сравниться с чувствами, проявляемыми в спальных покоех. Подражать Небу, сообразовываться с землей; следовать инь, подчиняться ян — прозревающий эти принципы пестует свою природу и удлиняет свой век, пренебрегающий этими истинами ранит дух и безвременно гибнет» См.: Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972, с. 133.

5. Согласно китайской традиционной топологии, слева располагается восток, а справа — запад.

6. Одно из основных произведений конфуцианского канона, входящее в состав «Пятикнижия». В «Ли-цзи» излагаются взгляды Конфуция и его учеников на обряды, церемонии, мораль и прочие жизненные правила.

7. «Цзюэ хоу чань» (в переводе Д. Воскресенского «Просветление, пришедшее с прозрением») — это не отдельный роман, а второе авторское название романа «Жоу пу туань» («Подстилка из плоти»). В двух этих названиях как бы отражены грехопадение и последующее прозрение героя романа, составляющие сюжетную канву почти всей китайской литературы подобного рода. См.: Ли Юй. Полуночник Вэйян. М., 1995, с. 12.

8. Пять первоэлементов, или пять стихий (у син) — одно из основных понятий древнекитайской философии. Это порождающие и уничтожающие друг друга вода, огонь, дерево, металл и земля.

9. Глава 31 «Записей о правилах поведения», носящая название «Уравновешенность и гармония» («Чжун юн»), в XII в. в эпоху расцвета неоконфуцианства была включена как самостоятельное произведение в конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). Видимо, здесь имеется в виду содержание этой главы, иногда называемое учением о Золотой Середине. «Гармония и уравновешенность — неперемненные условия успешного пути мудрого, едва ли не важнейший источник его добродетели и величия», — комментирует Л. Васильев. См.: Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской мысли. М., 1989, с. 242.

10. Очевидно, поражение «пяти внутренностей» — сердца, печени, селезенки, легких, почек. «Семь недомоганий» относятся, скорее всего, к мочеполовой системе.

11. Согласно трактату «Лун Сюань-цзы», этот порошок состоит из пяти компонентов: цистанхе солончаковой (жоу цун жун), лимонника китайского (у вэй цзят), повилики японской (ту сы цзы), истода тонколистного (юань чжи) и жгун-корня (шэ чуан цзы).

Глава вторая

1. Полуфантастические предания о невиданной силе, а также распутстве и прочих, безобразиях последнего правителя династии Инь встречаются во многих исторических

1. сочинениях. См.: Сыма Цянь. Исторические записки, Т. 1. М., 1972, с. 175-177.

2. Имеются в виду жены всех рангов, наложницы и, возможно, многочисленные служанки.

3. По данным древнекитайского источника «Речи царств» («Го юй»), Да-цзи была отдана Чжоу-синю в качестве выкупа. См.: Го гай. М., 1987, с. 124-125. В китайских хрониках царства У имя правителя Гу не встречается.

4. Существуют различные описания этого вида пытки огнем, по-китайски «паогэ», или «паоло». В «Жизнеописаниях знаменитых женщин» («Ле нуй чжуань») рассказывается, что расположенный горизонтально медный столб намазывали жиром, а под ним разводили огонь, затем обвиняемого в преступлении заставляли пройти по столбу; поскользнувшись, он падал на раскаленные угли. См.: Сыма Цянь. Исторические записки. Т. I, М., 1972, с. 296.

5. В имеющемся русском переводе книги Марко Поло дается такое описание внешности императора: «Великий государь царей Кублай-хан с виду вот каков: рост у хорошего, не мал и не велик, среднего роста; толст в меру и сложен хорошо; лицом бел и как роза румян; глаза черные, славные, и нос хорош, как следует от времен Адама, нашего предка, и поныне не было более могущественного человека, и ни у кого в свете не было стольких подвластных народов, столько земель и таких богатств». Книга Марко Поло. М., 1956, с. 104. В дальнейшем при совпадении цитат из книги Марко Поло с этим переводом, принадлежащим И. Минаеву, предпочтение оказывалось последнему.

6. Племя, или род, кунграт отмечен среди многих тюркоязычных народностей.

7. Слово «карат» служило для обозначения не определенной ценности, а относительного достоинства в баллах. Высшая оценка обозначалась 24 каратами. См.: Книга Марко Поло, с. 282.

8. Вероятно, неточность. Среди императоров династии Тан это имя не встречается.

Глава третья

1. Цитата из Оды царю Ю-вану в переводе А. Штукина. См.: Шицзин. Книга песен и гимнов. М., 1987, с. 276.

2. Письмо IX. Цит. по: Монтескье. Персидские письма. М., 1936, с. 19-20.

3. Английский путешественник, исследователь Африки.

Глава четвертая

1. Даосские мифологические персонажи, от имени которых излагаются наставления в «искусстве брачных покоев» во многих эротологических сочинениях. Как считает китаевед Е. Торчинов, уже сами имена данных персонажей указывают на тесную связь даосизма с китайской эротологией. «Сокровенное» — одно из обозначений Дао-Пути как скрытой первоосновы мира. Чистота указывает на даосский идеал простоты и естественности. См. Петербургское востоковедение. Вып. 4. СПб., 1993, с. 132. Многозначность даосских терминов объясняет расхождения в переводах имен этих персонажей.

2. Имеется в виду династия Южная Тан, которая с 937 по 975 г. правила царством У в нижнем течении Янцзы. Видимо, речь идет о первом из трех правителей — Ли Бяне.

3. Серное кольцо (лю хуан цюань) не обязательно являлось нагрудным ремнем.

4. Полностью на русском языке роман Ли Юя в переводе Д. Воскресенского был впервые опубликован в 1995 г. под названием «Полуночник Вэйян, или Подстилка из плоти».

5. Образное выражение, означающее оказание уважения к старшему.

Глава пятая

1. По древним китайским представлениям печень — также вместилище души.

2. Здесь непонятно происхождение «скомканной простыни». Имеющиеся переводы этого фрагмента трактата

3. «Дун Сюань-цзы», как правило, не расходятся: 1. Нежная привязанность. 2. Тесные узы. 3. Раскрытые жабры. 4. Рог единорога.

Глава шестая

1. Этимология эзотерических выражений, встречающихся в даосских алхимических и медицинских сочинениях, в отдельных случаях вполне понятна, но иногда о происхождении тех или иных терминов можно лишь догадываться.

2. Весьма вольное переложение речитатива монаха. Максимально приближенный к оригиналу комментированный перевод см.: «Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе». Иркутск, 1994, Т, 3, с. 124—125.

Глава седьмая

1. Чай в виде смеси листьев с ароматическими веществами или изготовленных из этой смеси лепешек применялся в Китае для удаления дурного запаха изо рта или устранения неприятного вкуса.

2. Чуть больше 30 см.

3. Сафо, или Сафо, — греческая поэтесса второй половины VII в. до н.э. Большую часть жизни провела на о. Лесбос. Основательница музыкально-поэтической школы. С ее именем связывают становление сапфической, или лесбийской, любви — сексуального общения женщин.

4. С начала нашей эры эта пара животных использовалась в магической и алхимической литературе в качестве символа сексуальных отношений между мужчиной и женщиной. Это также зооморфные символы востока и запада: через направления на страны света отождествлялись с божественными супругами Си-ванму и Дун-вангуном,

5. Буддизм проник в Китай из Индии, поэтому долго монахи-буддисты рассматривались как явление, чуждое китайской культуре, противоречащее ценностям конфуцианства.

6. Одна из основных святынь китайского буддизма.

7. Дословный перевод С. Блюмхена. Приведенный ниже подстрочник, выполненный Л. Кабановым на основе другой английской версии этого стихотворения, свидетельствует, что при всем сходстве общего смысла художественные детали разных переводов могут существенно различаться.

При всех красивых разговорах о благочестии монахов

На самом деле они просто похотливые негодяи.

Облаченные в черные рясы и с бритыми головами,

Они несомненно являют собой ужасное зрелище.

Но они-то лысые и сверху и снизу:
Лысая шишка внизу сверкает не меньше, чем верхняя.
Они обе гладкие и блестящие —
У каждого монаха по две лысых шишки.
Глаза у них блестят, как у крыс при виде сала,
Они извиваются, словно пиявки, жаждущие крови,
Желая попасть в отверстие, которое именуют сладкой девой,
Чтобы явить истинное обличье Зуба Будды.
Чистая земля превратилась в море похоти,
Монашеские рясы перепутались с шелковыми юбками.
Они безумно судачат о том, как трудно избежать ада,
Но при этом не боятся реестра царя Ямы*,

См.: Р. ван Гулик. Сексуальная жизнь в древнем Китае. СПб., 2000, с. 351.

8. Неточность. Упоминаемый авторами кодекс «Да Цин люй ли» относится к эпохе Цин (XVII—XX вв.). Что касается преемственности правовых норм средневекового Китая, то кодекс Сун — почти точная копия еще более раннего кодекса эпохи Тан. См.: Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права. М., 1986, с. 9.

9. Имеется в виду «кресло в форме шапки чиновника» (гуаньмаоши и) с жесткой спинкой, подлокотниками, на 4 или 6 (в зависимости от формы сиденья) ножках.

10. Двенадцатый день первой луны — день праздника фонарей, которым завершается празднование китайцами Нового года. В ночь на тринадцатое число проводились массовые гулянья с элементами карнавала и маскарада; женщины, в частности, надевали свои лучшие одежды и украшения.

11. «Шелковый веер» — лобок.

12. Ши-хуан, или Цинь Ши-хуан, - основатель династии Цинь, объединившей в конце III в. до н.э. Китай после длительных усобиц.

13. Название происходит от индийского обычая «сати» — самосожжения вдов.

14. Речь идет о поминальных табличках с именами усопших, устанавливавшихся в алтарях и храмах; таблички считались пристанищем душ усопших.

15. Кантон (Гуанчжоу) - с XVII до XIX в. единственный открытый для торговли с европейцами китайский порт.

16. Более точно эти китайские термины следует перевести как «боль при сношении с женщиной» и «боль при сношении с мужчиной».

Глава восьмая

1. Поэт танской эпохи Ду Му пользовался славой поклонника женской красоты. Его называли «великим ветреником Поднебесной». См.: Би Сяошэн. Цвет абрикоса. М., 1992, с. 139.

2. Транскрипция, скорее всего, неточна. «Черт» по-китайски «гуймо».

3. В русском переводе это стихотворение называется «Продаю последний пион».

Грустно так! Облетают цветы,
Стали ветра порывы сильней.

* Правитель загробного мира, ведущий учет всех людских прегрешений. —
Прим ред.

Вновь уходит весна. И мечты
Устремляются следом за ней.

И доступна цена, только вот
У достойных цветов не в чести.
Мотыльков лишь к нему и влечет,
А у них мне любви не найти.

Несказанную прелесть цветка
Во дворце оценить бы могли.
Каково с изумрудной листвою
Увядать в придорожной пыли!

Мог ему бы и царский дворец
Постоянным прибежищем быть.
Но досадно: любой из повес
Там цветок этот сможет купить.

Перевод М. Басманова

4. В англоязычной популярной литературе «татарами» нередко называли самые различные кочевые племена и народы, постоянно угрожавшие китайской империи с севера и запада. В XI веке китайцы вели войны на севере с киданями, на западе — с тангутами.

5. Имеются в виду циклические знаки и природные стихии, соответствующие году, месяцу, дню и часу рождения жениха и невесты. Сопоставлением знаков и стихий обычно занимались в Китае специальные гадалщики, выяснявшие таким образом, будет ли удачным предстоящий брак. См.: Браку китайцев. Пекин, 1908, с. 10—11, 15.

6. Неизвестно, на какой источник ссылается С. Клементи. В «Речах царств» при перечислении заслуг Гуань Чжуна о «стимулировании проституции» ничего не говорится.

7. «Подлунный старец» — божество, соединяющее судьбы двух людей. Иносказательный образ свата.

9. В менее изощренном употреблении выражение «квадратный дюйм» (цунь) обозначает сердце.

10. Гуаньинь — женское благоподающее божество, китайская ипостась индийского бодхисатвы («стремящегося к просветлению», т.е. к состоянию будды) Авалокитеш-вары, олицетворяющего сострадание.

Глава девятая

1. Вольное переложение последнего куплета малой оды Тут». А. Штукин переводит так:

Сердце исполнено нежной любовью к нему,
Но не скажу ему этого я — почему?
Буду хранить и беречь его в сердце моем!
Будет ли время, когда я забуду о нем?

Шицзин, Книга песен и гимнов. М., 1987, с. 212

2. Г.А. Джайлс (1845—1935) — английский китаевед, профессор Кембриджского университета, один из крупнейших знатоков Китая своего времени.

3. Д. Легг (1815—1897) — знаменитый английский китаевед, основатель первой протестантской церкви в Гонконге, кафедры китаеведческих дисциплин в Оксфорде.

Его переводы основных китайских классических книг до сих пор считаются образцовыми и сохраняют научное значение.

4. «Пять канонов», или «Пятикнижие» — появившееся во II—I вв. до нашей эры обозначение пяти конфуцианских классических книг: «Шицзин» («Книга песен»), «Шуц-зин» («Книга исторических писаний»), «Лицзи» («Записи о правилах поведения»), «Чжоу и», или «Ицзин» («Книга перемен»), «Чуньцю» («Весны и осени»).

5. Подстрочный перевод. А вот удачное поэтическое переложение на русский язык:

Воды Чжэнь и Вэй.
Воды Чжэнь и Вэй
Быстрого быстрее,
Девушкам и юношам
Хватит орхидей.
Говорит она:
«Ты придешь туда?»
Говорит он: «Да!»
«Приходи скорей!»
Для влюбленных он,
Этот берег Вэй,
От тебя — пион
И тебе — пион.

Воды Чжэнь и Вэй
Светлого светлей,
Молодым встречаться там
Будет веселей.
Говорит она:
«Ты придешь туда?»
Говорит он: «Да!»
«Приходи скорей!»
Для влюбленных он,
Этот берег Вэй,
От тебя — пион
И тебе — пион.

Поэзия и проза Древнего Востока, М., 1973, с. 268.

6. Авторы переводят это выражение как обычное ругательство о («дерьмо собачье»). На самом деле это крепкое нецензурное выражение.

7. Ученый, врач Люй Лголян (1629—1683) — убежденный противник и критик маньчжурского режима. Его труды увидели свет в 1728—1732 гг., после чего были запрещены, могила ученого осквернена, а его потомки подверглись репрессиям.

8. Транскрипция, возможно, неточна.

9. Согласно вероучению буддизма, в крохотном «горчичном зернышке» может быть заключена вся Вселенная.

11. Тропический фрукт, считавшийся изысканным лакомством.

12. Сдобные печенья соответствующей формы простой люд пек только по праздникам. Лунные лепешки — главная обрядовая еда в праздник Середины осени (15 день 8 месяца по лунному календарю)

13. Время с 9 до 11 часов вечера.

Этилог

1. Согласно традиционному китайскому законодательству, семь законных поводов для развода с женой — бездетность, прелюбодеяние, непослушание родственникам мужа, болтливость, воровство, ревность, злокачественная болезнь.

2. По Закону о браке 1981 г. китайским мужчинам разрешено вступать в брак не ранее 22, женщинам — не ранее 20 лет.

3. Заключительный фрагмент оды «Новый дворец» в переводе А. Штуки на. (Шицзин. Книга песен и гимнов. М. 1987, с. 156).

4. В праздник весны на могилах предков положено было совершать жертвоприношения.

Научно-популярное издание
Чарльз Хьюмана, Ван Бу
ИНЬ-ЯН. КИТАЙСКОЕ ИСКУССТВО ЛЮБВИ

Главный редактор *Л. Михайлова*
Корректоры *А. Арефьева, Г. Уранова*
Технический редактор *В. Нефедова.*
Компьютерная верстка *И. Сидорской*

ИД № 02003 («КРОН-ПРЕСС») от 08.06.2000.
Гигиенический сертификат № 77.ЦС.01.952.П.01724.Т.98 от 08.09.98,
Подписано в печать с готовых диапозитов 21.10.2000.
Формат 84*108¹/₃₂. Печать пысокая. Бумага офсетная.
Гарнитура Гарамонд. Усл. печ. л. 16,8. Тираж 10000 экз.
Заказ № 1603.

ООО Издательский Дом «КРОН-ПРЕСС»
103030, Москва, я/я 54
E-mail: cronpress@citylme.ru

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
ГУПП «Детская кпига» Роскомпечати.
127018, Москва, Сущевский пил, 49.